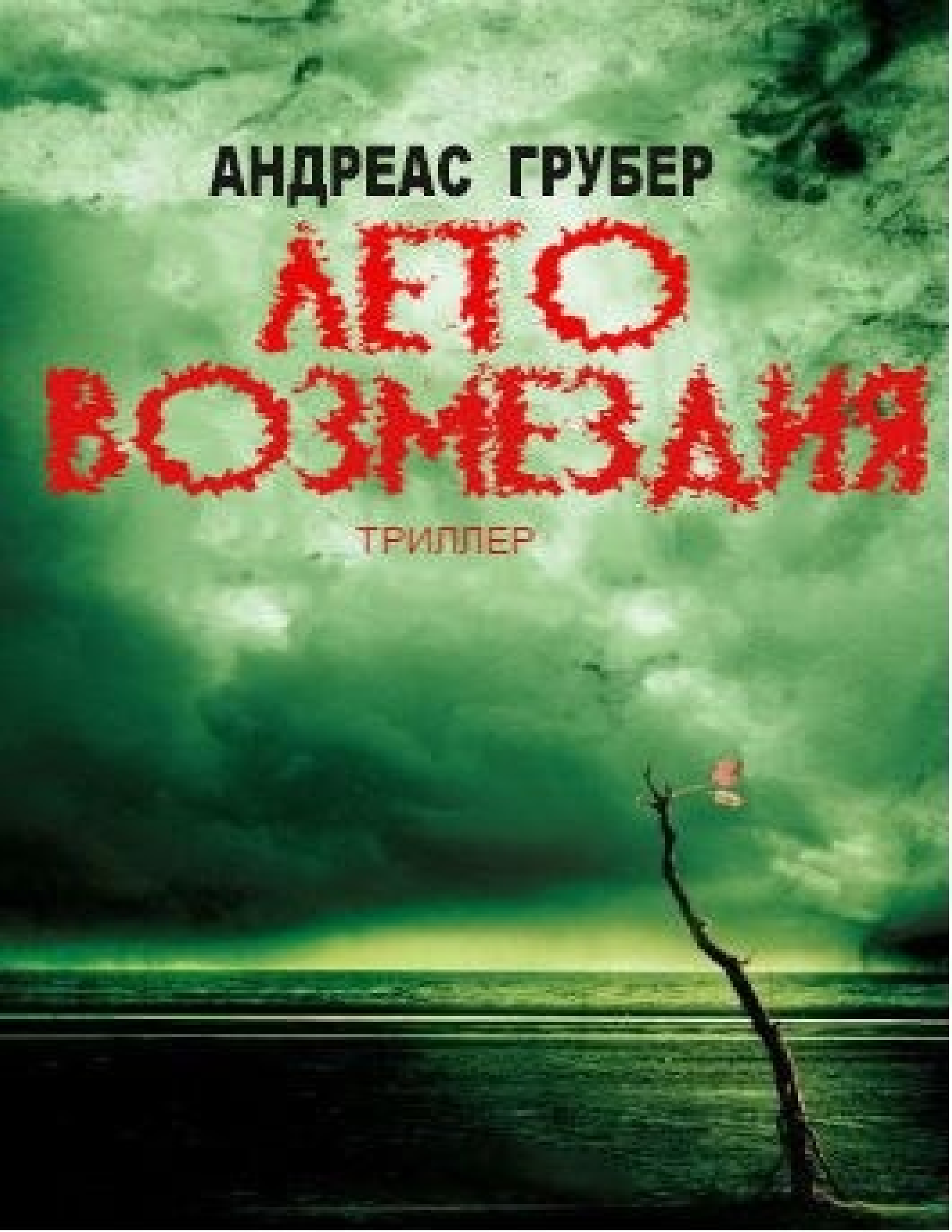

АНДРЕАС ГРУБЕР

**ЛЕТО
ВОЗМЕЗДИЯ**

ТРИЛЛЕР

Когда в специализированной психиатрической клинике в Лейпциге, в собственной палате, находят мертвой девятнадцатилетнюю Наташу, все указывает на самоубийство. Но комиссар Вальтер Пуласки недоверчив. Исходя из последних записей в дневнике Наташи не похоже, что она страдала от депрессий. И болеутоляющее, которое Наташа якобы себе вколола, не может быть единственной причиной ее смерти. Найденная Пуласки предсмертная записка девушки также озадачивает: «Всегда существуют иные, кто приходит ко мне по ночам». Стала ли она жертвой убийства? Когда позже Пуласки узнает о подобных смертях в других административных больницах, он убежден, что изощренный убийца преследует психически больных подростков. Но зачем? Тем временем, в венской юридической фирме молодой адвокат Эвелин Майерс изучает серию странных исков о возмещении ущерба, обладающих одной общей чертой. Несколько мужчин из высших слоев общества погибли при крайне необычных обстоятельствах. Возможно ли, чтобы это были несчастные случаи, как считают все? И кто эта загадочная, хрупкая, светловолосая девушка, которая появляется на каждом месте аварии? Поиски следов приводят Эвелин в Германию, к самому Северному морю, где она встречает комиссара Пуласки. Потому что два таких разных случая имеют гораздо больше общего друг с другом, чем кажется...

Андреас Грубер

Лето возмездия

Серия: Вальтер Пуласки

Перевод: Schadlichin Herrlich

Julia85 (с 15 главы)

Обложка: Schadlichin Herrlich

*Перед судом и в открытом море
мы находимся исключительно в руках Бога.
римская мудрость
Тот, кто борется с чудовищем, может наблюдать,
что он при этом не стал чудовищем.
И если ты будешь долго смотреть в пропасть,
пропасть также посмотрит в тебя.
Фридрих Ницше*

Он так это любил. Голубое небо, только крик чаек, шум морского прибоя, и повсюду никакого другого автомобиля на прибрежной дороге.

Эдвард Хокинсон нажал педаль акселератора и автомобильные шины завизжали в выраже. Он почувствовал на лице ветер и соленый вкус морского бриза на губах. Что за волнение! Наслаждаться жизнью в полной мере в шестьдесят лет для него означало многое: ехать по краю скалы, выжимая до упора сто восемьдесят лошадиных сил из кабриолета и слушать рёв двигателя, который борется с воздушным потоком, пока из динамиков доносится Бени Гудман. Прибрежные трассы на северном море были созданы для прогулки, которая вызывала у него мурашки на коже и давала ощущение молодости и сумасшествия. Король свинга.

Приближался маяк, расположенный впереди, на скалистом острове. На этом месте, где дорога круто понижалась, лежал самый опасный поворот. Хокинсон мог проехать его со скоростью семьдесят километров, что не было проблемой. Шины это выдерживали.

Но так далеко он не заходил.

Как из ниоткуда прямо впереди, на белой центральной линии неожиданно возникла фигура. Хокинсон нажал на тормоза. Женщина не видела его. Почему из всего мира именно здесь, на середине трассы, она сняла свои туфли на высоких каблуках и бежала по асфальту босиком? Эдвард поехал на машине со скоростью пешехода. Какие ножки!

Хокинсон сдвинул солнечные очки в растрёпанные ветром волосы с проседью. Когда он оказался на одном уровне с женщиной, то остановился. Она могла бы быть его дочерью, скорее, даже внучкой. "Как раз в нужном возрасте", — подумал он. В синем платье с бретельками она выглядела бледной и худой. Между тем девушка сбросила свою накидку и платок, из-под края которого падали светлые волосы; непорочность и в то же время чувственная эротика напомнили ему о Грейс Келли в её ранних фильмах.

Хокинсон приглушил Бени Гудмана и прислонился к сидению рядом с водителем.

— По дороге до маяка с туфлями? — крикнул он из кабриолета.

— Дерьмо, у меня сломался каблук.

Мужчина усмехнулся.

— Куда всё-таки идете?

— Во всяком случае, подальше от этих чёртовых чаек, если я ещё услышу крики этих тварей, то съеду с катушек.

Хокинсон ухмыльнулся, малышка в голубом платье ему нравилась. Она была точно в его вкусе.

— Садись. Я подвезу тебя.

Она повернула лицо против ветра, как будто обдумывала, должна ли сесть или выдерживать дальше крики чаек. Хокинсон разглядывал её маленькие груди, которые проступали через платье.

— Хорошо, — наконец, ответила она, — но мы будем слушать другую радиостанцию.

Хокинсон открыл ей дверь.

— Всё, что ты хочешь.

Она проскользнула в свои туфли на шпильках и прыгнула в машину. Когда Хокинсон на мгновение посмотрел на женские ноги, то увидел, что ни один из каблуков не был сломан.

Но разве его это волновало? Девушка села в машину — считалось только это! Не успел он прибавить газ, как она уже возилась с настройкой радио. Когда из динамиков загредел современный звук, незнакомка прибавила громкость и расслабленно откинулась на сидении.

— Пристегнёшься? — спросил Хокинсон.

Девушка не двигалась. Направив взгляд от утёса к маяку, она сказала:

- Я тебе доверяю.

Малышка была полностью в его вкусе. Хокинсон надавил на педаль. Неожиданно незнакомка придвинулась к нему ближе. Он не видел, что она делала, только слышал, как щёлкнул замок его ремня безопасности, а затем наконечник скользнул через его живот.

— Эй, я...

— Жизнь — это риск, не так ли, Эдди? — девушка подмигнула ему. — Держу пари, ты никогда не справишься с поворотом со скоростью девяносто.

Его пульс учащался. Откуда, чёрт возьми, она знала его имя?

— Езжай быстрее, Эдди! Довези меня... так как раньше.

Как раньше? Хокинс искоса посмотрел на неё. Он не знал эту женщину!

Она стянула свою косынку и тряхнула длинными белокурыми волосами. Затем сняла с плеч накидку. Палантин и платок превратились в один метровый, украшенный бисером, шарф. незнакомка подняла руки вверх и оставила шарф развиваться за собой как флаг.

— Дави на газ, Эдди! — закричала она.

— Послушайте, я буду...

Неожиданно девушка сползла по сидению к нему, на мгновение опёрлась на верх сидения и проскользнула одной ногой в его нишу для ног.

— Я сказала быстрее! — она придавила ногу мужчины туфлей на шпильке и вдавила педаль газа вниз. Мотор взревел. Боль стрельнула в ногу Хокинсона. Он резко повернул руль и на секунду машину занесло. Когда Эдвард попытался вытащить свою ногу с педали газа, незнакомка упёрлась спиной в сиденье и со всей силы нажала на педаль газа.

— Кто вы и чего, к дьяволу, хотите от меня? — прохрипел он. Только теперь Хокинсон заметил, что больше не говорил ей «ты».

— Эдди, Эдди, Эдди, — вздохнула она. — Такая плохая память?

В то время, как Хокинсон руками вцепился в рулевое колесо, девушка обвила шарф вокруг шеи мужчины и выбросила его конец из машины.

— Чтобы тебе не было холодно, мой сладкий!

В зеркале заднего вида Хокинсон видел, как за машиной кружилась длинная шаль. Жемчужины стучали по краске, снова и снова дёргались ветром вверх и вниз.

— Поездка закончилась, я останавливаюсь! — рявкнул Хокинсон.

— Лиза не хочет останавливаться. — Она ещё раз подняла руки вверх.

Лиза? Откуда он знал это имя? Когда мужчина посмотрел вверх, то снова вцепился в руль. Поворот перед маяком быстро приближался. Эдвард посмотрел на спидометр. Стрелка дрожала на отметке девяносто километров в час.

Хокинсон пытался оттеснить своим локтем женщину на её место, но она была необыкновенной сильной. Шпилька вонзалась ему в ногу.

— Лиза, мы умрём!

— Ты умрёшь!

Девяносто пять километров в час.

В боковом зеркале Хокинсон видел, как шаль касалась асфальта и снова высоко

закручивалась ветром. Если ткань запутается в заднем колесе, то шаль задушит его прежде, чем он сможет сказать "бип". Хотела ли малышка умереть с ним? Была ли она сумасшедшей? Он попытался сдёрнуть шаль с шеи, но быстро схватил снова рулевое колесо обеими руками, когда машина подскочила на ухабе.

— Что вы от меня хотите?

— Как звучит последнее вычеркнутое из списка имя пассажира Фридберга?

Фридберг! Неожиданно он понял, откуда знал Лизу.

— Боже, прошло десять лет!

— Последнее вычеркнутое имя! — настаивала она.

Сто десять километров в час.

Он никогда не справится с поворотом.

— Я этого не знаю!

В этот момент машина подскочила на последнем ухабе и понеслась по крутой кривой, которая вела к маяку.

— Я этого не знаю... — Заорал он.

Он, в самом деле, не знал.

Завизжали шины. Центробежная сила подняла Хокинсона из сиденья.

Над их головами кричали чайки.

Глава 1

Тремя днями позже...

понедельник, 15 сентября

Бормотание голосов, резкий смех и треск пробок шампанского проникли сквозь тонкую матовую стеклянную дверь в офис Эвелин Майерс. Каждый раз, когда кто — то шагал по коридору, стекло вибрировало. Обязательно так шуметь? В шуме никто не мог сосредоточиться.

Собственно, Эвелин хотела покинуть канцелярию уже давно. Было восемь часов вечера. Её двух кошек — Бони и Клайда нужно было покормить, и её желудок уже начал урчать. В принципе, ей нужно было дойти только до фойе. В вестибюле венской адвокатской канцелярии стояли полдюжины коктейлей на подносах, и в большом конференц-зале, и в комнате посетителей громоздились на столах бутерброды с икрой, лососем и тунцом. Но тогда она должна была бы прерваться и сблизиться с клиентами и коллегами юристами, но Эвелин сумела от этого воздержаться. Короткий разговор никогда ещё не был её сильной стороной.

Она запуталась в документах на своём письменном столе и рассматривала различные мнения, полицейские протоколы, допросы участников процесса, свидетелей и фотографии уголовной полиции и пожарной команды.

Рядом с этим лежала запись первого внесудебного сравнительного разговора, который Эвелин провела с адвокатом истицы в ресторане. Противоположная сторона не удовлетворилась несколькими тысячами евро.

Этот проклятый случай с крышкой канализационного люка! Она хотела поработать над ним ещё как минимум час. Конечно, Эвелин могла улизнуть с чёрного хода со всеми документами и продолжить дома. Спокойно продолжить! Потому что в её квартире не мог появиться никто, кроме Бони и Клайда, кто мог бы её отвлечь. Но девушка знала. Это закончилось бы тем, что она сидела бы вместе с остатками холодной пиццы в гостиной, не видя за деревьями леса... и в четыре утра проснулась бы на диване.

Тем не менее, хуже всего было то, что несколько дней назад, на долю секунды, у неё было странное чувство deja-vu. Оно появилось из-за подготовки дневного заседания в районном суде и краем глаза Эвелин бросила взгляд на свои документы. Бац! Ассоциация исчезла также быстро, как появилась. В этом случае присутствовала одна деталь, которая хотела ей о чём-то сказать, но она не поняла, что это было. И чем дольше Эвелин перелистывала документы, тем сильнее сомневалась в своей смекалке.

Далёкий и приглушённый голос шефа оторвал девушку от мыслей. Она услышала, как он подходил по коридору к её офису. За стеклянной дверью выделилась его тень, затем мужчина постучал и зашёл в её кабинет. Он всегда стучал! В этом отношении Крагер был джентльменом.

Он носил дизайнерский костюм от «Армани», имел виски с проседью, угловатое лицо, был высокий и, несмотря на свои шестьдесят лет, был обольстителем — вероятно, даже немного. Кроме того, он был красноречив и ...

Ей почти пришло в голову слово "серьёзный". От некоторых клиентов Эвелин слышала, что один "серьёзный юрист" являлся противоречием в себе, что, несомненно, было правдой.

Крагер, определённо, не был среди юристов матерью Терезой, но беспокоился о справедливости — если это допускало дело. Он не даром имел прозвище — Питбуль.

Теперь Крагер стоял перед ней с делом и бокалом шампанского в руках.

— Эвелин, вы не должны доказывать мне, что вы крутой юрист — не сегодня. — Он снова нацепил свой отцовский взгляд. Эвелин знала, что шеф также может и по-другому, но сегодня был его день.

Канцелярия Крагена, "Холобек энд Партнер" праздновала своё двадцатипятилетнее существование, и залы были до отказа заполнены нотариусами, судьями, журналистами, знакомым бизнес-адвокатами и представителями крупных компаний. Крагер принципиально не брал небольшие компании в качестве клиентов. Здесь сменяли друг друга директора банков и менеджеры авиалиний, концернов страхования, торговых домов и электронных торговых сетей.

— Я хочу только эти документы...

— Эвелин, это всё же, только отговорки, — прервал он её тоном, не терпящим возражений. — Оставьте этот случай на час и присоединяйтесь к нам, вы тут помешались на одной вещи, которая ни к чему не приведёт.

Ни к чему не приведёт? Подсудимый был лучшим другом её отца, единственным человеком, который заботился о ней после аварии её родителей — и Крагер это чертовски точно знал!

Прежде чем она смогла что-то сказать, Крагер указал на дверь.

— Там снаружи ждёт более волнующий случай: работающее от батареи радио скользит через панель приборов и управления, ударяется о рулевое колесо, подушка безопасности раскрывается и швыряет радио в лицо муниципального служащего. Вдова предъявляет иск фирме-производителю надувной подушки безопасности на пять миллионов евро.

Эвелин знала о случае.

— К сожалению, мы не выиграли.

— Я знаю, но это те заказы, которые приносят деньги, в отличие от случая, когда мужчина спотыкается об ограждение стройплощадки и ломает себе шею в канаве.

Это прозвучало так, как будто он хотел над ней посмеяться.

— Я знаю подсудимого лично, и строительная площадка была ограждена должным образом, — сказала она.

— Да, я знаю, проигранный процесс вашего знакомого приведёт к катастрофе. Но послушайте... — голос шефа потерял отеческий тон. — Мы не каритас^[1] и для небольших социальных дел как это существуют конторы, которые на этом специализируются.

— На этот раз они обломают зубы, — возразила Эвелин. Строительная фирма дяди Яна — как она с детства называла друга своего отца — работала не очень хорошо и поражение в суде погубит её. Она не могла оставить его в беде, потому что была ему обязана.

Крагер небрежно присел на край её письменного стола, что не было для него типичным. При этом его взгляд упал на стопку цветных фотографий. Он раздвинул в стороны первые из них.

— Снова происходят из вашего сомнительного источника?

Как часто они уже обсуждали эту тему?

— Я решаю дела по-своему, — просто ответила она. — Вам нужны результаты — я вам их предоставляю, это моё дело.

Он довольно долго пристально на неё смотрел.

— Пусть так. Но как только это дело закончится, мы серьёзно поговорим. Есть кое-какие прибыльные дела, которые я бы хотел вам доверить.

— Предъявить иск маленькому частному банку, который работает не бюрократически, не просчитывается в накладных расходах и забирает клиентов у крупных банков?

— Лучше доверьте мне ваши циничные замечания, для этого вы слишком молоды и слишком красивы. — Крагер кивнул на дверь. — Вы к нам присоединитесь?

— Я продолжу работу.

— Ваше решение. — Шеф взмахнул папкой. — Уголовное дело было прекращено. Заключение об аутопсии Кислингера пришло сегодня после полудня из суда.

Эвелин вскочила со стула. Кислингер был мужчиной, который упал в открытый канал шахты.

— Я уже три дня его жду!

— Я хотел отдать вам документы только завтра, после праздника. Но так как вы и так уже помешались на уголовном деле, и не успокоитесь... — Он не досказал предложение и положил папку на стол.

Эвелин сразу её открыла и пересмотрела строки судебного медика, пока не дошла до места с временем и причиной смерти. У неё остановилось дыхание.

— Кислингер умер ни от перелома черепа или шеи, — сказал Крагер.

— Вы прочитали заключение?

— Конечно. Между шампанским, шутками и бутербродом с икрой всегда есть минутка. Послушайте, Эвелин... — Снова вернулся отеческий тон, но в этот раз с тихим и опасным привкусом. — Вы проиграете дело. На отчёте о вскрытии вы сломаете себе шею. Кислингер кувыркнулся в узкий канал шахты и невысоко застрял над землей. Шахта находилась в тридцати сантиметрах под водой. Кислингер не смог передвинуться и...

— ... утонул, — закончила предложение Эвелин. Она подняла глаза от отчёта о вскрытии.

— В трахее, лёгком и желудке находилось два литра сточных вод.

Тесные переулки второго венского округа в этот поздний час были пустыми. Всё же, тот, кто бежал через площадь, был либо сутенёр, взыскивающий денежные долги, идущий в район с уличной проституцией, или тот, кто хотел избавиться от денег любой ценой в баре.

Кроме того, ночью переулки выглядели более опустошительными чем днём. В некоторых местах уличное освещение вышло из строя. Мешки для мусора были уложены друг на друга рядом с полными бочками, собачье дерьмо лежало у каждого угла дома и из некоторых квартир проникал обычный супружеский спор.

Крики напоминали Эвелин конфликты своих родителей, которые она подслушивала девочкой. В общем, её детство прошло не так плохо, до того момента, когда она познакомилась с мужчиной, который изменил всё. С этого момента её детство закончилось. Она росла на пустых деревянных поддонах овощного магазина, жалюзи которого были на половину закрыты.

После того, как Эвелин неоднократно просмотрела пункты отчёта результатов вскрытия

в своем бюро, она пыталась связаться с Патриком — своим сомнительным источником — по мобильному телефону. Время от времени он помогал ей в расследовании, но в этот раз не брал трубку. Но она и без него догадается о том, что произошло две недели назад в переулке Кцернин.

Эвелин покинула канцелярию с чёрного хода, не сказав другим ни слова. Ещё пара бокалов шампанского и, даже Крагер не заметит её отсутствия. Во время поездки на автомобиле, девушка позвонила дочери своей соседки, у которой были ключи от квартиры Эвелин. Конни любила, когда ей разрешали кормить Бонни и Клайда курицей из банки. Разумеется, этим девочка делала ей одолжение. Из-за всех бизнес-ланчей и вечерних мероприятий, которые часто продолжались до полуночи, обе кошки уже бы давно разыграли мятеж, писали бы в обувь Эвелин или рвали в клочья шторы с гардин.

"Форд Фиеста" Эвелин припарковался под одним из немногих работающих фонарей на углу дома. Оттуда она пошла пешком в переулок Кцернин. Цокот её туфель на шпильках эхом раздавался от стен. Через несколько метров девушка достигла места, где две недели назад умер Кислинггер.

На углу находилось маленькое отделение банка с банкоматами, а на противоположной стороне улицы бар. Разноцветные неоновые лампы над входом в "Entrez-Nous" наполовину вышли из строя, и больше жужжали, чем мигали.

Машины, которые припарковались перед клубом — один "Порш", один "Мерседес" и две "Ауди" — не гармонировали с этим захудалым жилым районом. По-видимому, их владельцы были рады заполнить бар, о котором, как им казалось, никто не догадывался.

Асфальт в середине улицы был вскрыт. За ограждением стройплощадки находилась открытая шахта канала. Крышка всё ещё лежала рядом с ним на песке. Эвелин однажды здесь уже была, но прошла не далеко, потому что уголовная полиция закрыла место происшествия. Между тем, больше никому не было никакого дела до строительного участка. Что должно было привести в этот район Рудольфа Кислинггера, известного педиатра на пенсии? Банкомат?

Через три дня после его смерти вдова уже вела частный иск против дяди Яна. Эксперт дяди Яна по страхованию гражданской ответственности побывал на строительной площадке для удовлетворения застрахованного. По этой причине страховая компания отказала и не заплатила ни цента. Если дядя Ян проиграет процесс, то ответит своим личным имуществом.

Ловкий адвокат противоположной стороны утверждал, при первом внесудебном разговоре, о соглашении, что Кислинггер ушёл после посещения благотворительного мероприятия для детей больных раком к станции метро, споткнулся из-за плохого освещения на якобы небрежно укрепленном ограждении и стремительно свалился в открытую шахту.

Во всяком случае, вдова хотела семь миллионов, что, принимая во внимание расходы на похороны, денежные претензии за причинённые страдания и требование, направленное на оказание материальной помощи из-за потери доходов, полностью всё покрывало.

Эвелин знала судью и дело выглядело беспросветным. Если дело дойдёт до крайности, то дядя Ян будет вынужден заявить о банкротстве. Тогда семь рабочих, секретарь и ученик окажутся на улице. Это будет последний удар в длинной цепи несчастий, с которыми её семья должна была мириться с её детства — и Эвелин надоело всегда стоять на стороне проигравших.

Она включила небольшой ручной фонарик, который всегда лежал в бардачке её

машины, сняла туфли на высоких каблуках, подняла юбку и залезла на ограждение. Пока Эвелин держала лампочку зубами, то сплела свои длинные светлые волосы в косу.

Затем она полезла по железной лестнице в колодец. Он был тесным и вонял клоакой. Собственно, Эвелин предполагала, что вступит в грязь по колено, но в конце лестницы коснулась сухой земли.

После несчастного случая городские коммунальные службы, вероятно, закрыли подачу горячей воды к линии канала и при тёплых температурах этих дней сентября она не удивилась тому, что канал высох в течении нескольких дней.

Здесь находился Кислингер, мужчина, здоровый как медведь, когда завяз вверх ногами — причём настолько прочно, что пожарным пришлось вытаскивать его с помощью лебёдки. К тому времени, когда это случилось, на улице не нашлось никого, кто смог бы помочь Кисленгеру.

Как сейчас. Эвелин представила себя на его месте, висящем здесь неподвижно, с лицом под водой. Собственный вес прижимал его ещё глубже вниз, и руки у него были не свободными, чтобы поднять себя выше. Вода текла мужчине в нос и уши. Он не мог позвать на помощь. Он должен был дышать, но не смог, и...

... она снова почувствовала джутовый мешок на лице, вдыхала влажность стен и чувствовала холод земли, от которого её пальцы стали влажными. Эвелин не могла двигаться. Верёвка сильнее врезалась в её суставы, и она давилась повышенной кислотой желудочного сока, но не могла сплюнуть, потому что липкая лента такая плотная на её губах...

Эвелин закричала и открыла глаза. Только не снова! Её сердце колотилось. Она вытерла пот со лба. Не замечая этого, девушка села на корточки на землю в узкой шахте и содрала кожу на коленях о бетонную стену. Фонарик выпал из её рук и закатился в боковую трубу. К счастью, она не страдала от клаустрофобии, иначе в этот момент у неё началась бы паника.

Эвелин присела ниже, но труба была слишком узкой. Она не могла добраться до лампы пальцами. Там девушка заметила край блестящего предмета, торчащий из высушенной грязи. Вероятно, монета. Она раскопала это место и вытащила предмет. Это было слишком большим для монеты и выглядело, скорее, как маленькая овальная пластмассовая оболочка. Эвелин вытерла грязь. Появился логотип "Порше".

Брелок!

Глава 2

Эвелин вылезла из колодца без карманного фонарика, но с ключом от автомобиля в руке. При этом, девушка по ошибке нажала на пусковую кнопку дистанционного управления. Недалеко раздался пронзительный звук, затем открылся главный замок.

— Что за удачная покупка! — пробормотала она.

Зажглось внутреннее освещение "Порше", припаркованного на противоположной стороне улицы, недалеко от ночного клуба. На несколько секунд засветились даже оранжевые поворотники автомобиля.

Определенно, ключ уже давно лежал в тине, но батарея работала. Никто не хватился своего "Порше"? Эвелин взяла свои туфли на шпильках, перелезла через ограждение и босиком побежала к машине. Серебристо-серая "Порше Каррера 911" была элегантным двухместным хардтопом, с легкосплавными дисками, и выхлопной трубой из нержавеющей стали. Несколько штрафов были приклеены за щёткой стеклоочистителя. Эта машина стоила минимум сто двадцать тысяч евро. Или как маленький дом для одной семьи в благополучном районе.

Из ночного клуба доносился глухой бас. Никакого швейцара, никакой очереди гостей, только чёрные опущенные жалюзи и жужжащий шум неоновой рекламы "Entrez-Nous". Эвелин открыла машину и плюхнулась на водительское сидение. Когда она закрыла дверь, огни внутреннего освещения погасли. Только сейчас девушка заметила, что её блузка впитала вонь клоаки.

Ноги Эвелин до лодыжек были грязными, но почему-то она чувствовала себя живой. Рулевое колесо, подлокотники и чехлы из жатой кожи пахли так, как будто были только из мастерской. Она вставила ключ зажигания. С бортовым компьютером и многофункциональным рулевым колесом, салон автомобиля выглядел как кабина самолёта. Индикатор спидометра доходил до трёхсот километров в час. Приборная панель показывала только одно положение — три тысячи километров.

Когда Эвелин открыла бардачок, её сердце забило. К ней вывалились: мобильный телефон, зажигалка, сигареты, шариковая ручка, парковочный счётчик и... презервативы... Как практично! Все вкусы, от земляники до ванили.

Когда кто-то постучал в боковое окно и Эвелин подпрыгнула. Сквозь стекло виднелось красное, одуловатое лицо мужчины смотрело. Ему было за пятьдесят, его костюм был потрепанный и галстук сидел наперекосяк, а несколько волосков он зачесал назад, чтобы скрыть появляющуюся лысину.

Инстинктивно Эвелин нажала на прикуриватель в консоли. Затем она посмотрела в зеркало заднего вида, мужчина был на улице один. Она опустила стекло вниз.

— Привет... — На Эвелин повеяло перегаром, мужчина был так накачан, как магазин спиртных напитков на двух ногах.

— Такая симпатичная, белокурая штучка, в такой скоростной малолитражке. — Он дёрнул узел своего галстука, как будто срочно нуждался в свежем воздухе.

— Если вы не в опасности или не нуждаетесь в помощи, я прошу вас меня не беспокоить.

Мужчина прислонился к водительской двери и ухмыльнулся.

— Я вынуждена просить вас меня не беспокоить, — передразнил он её голос. — Твой

друг, вероятно, довольно богатый пижон, да* Я знаю этих типов. Сам был таким однажды.

Определенно, был. Эвелин уже хотела поднять стекло, когда мужчина начал возиться у дверной ручки.

— Руки прочь! — резко закричала она. — В ваших интересах!

— В ваших собственных интересах... — Он на шаг отступил, неуклюже достал из кармана брелок и небрежно крутил его на пальце. — Ты же ничего не имеешь против, если я к тебе сяду? — он ухмыльнулся. — Или лучше проводишь меня домой?

Что за альтернатива!

— Ты уже решила?

— В бардачке лежит перцовый аэрозоль! — врала она. — Одна доза этого выжжет вашу слизистую оболочку глаза и если вы астматик, ваши бронхи судорожно сожмутся и вы задохнетесь.

На мгновение он остановился, но затем передумал и вцепился через окно за интерьер автомобиля. Эвелин схватила его руку, прежде чем та достигла её шеи и...

... снова она почувствовала джутовый мешок на лице.

В этот момент из консоли выскочил нагретый поджигатель для сигарет. Эвелин схватила его свободной рукой, вытащила пробку и провела раскаленной металлической спиралью по пальцу мужчины.

Тот резко отступил. Эвелин отпустила его руку, он споткнулся и упал навзничь. Когда он упал, брелок выпал из его рук. Пока мужчина его искал на четвереньках и затем вставал, Эвелин закрыла окно и включила центральное блокирующее устройство.

Когда в следующее мгновение она посмотрела в окно, тот исчез. В зеркале заднего вида она видела, как он исчезал в переулке.

Ее сердце колотилось. Она глубоко дышала и положила на место поджигатель сигарет. С давних пор Эвелин хотела посещать курсы дзюдо, но никогда не находила для этого время. Ей нужно отказаться от своей ежедневной пробежки по городскому парку, но в этом и заключалось слишком много. "Забудь идиота", — сказала она себе. — "Сконцентрируйся!"

Она склонилась над местом рядом с водителем и стала рыться в хаосе бардачка. Между презервативами и пачками сигарет, девушка наткнулась на листок, свёрнутый трубочкой.

— Кто бы говорил, — пробормотала она.

«Детская больница Святой Анны».

Рекламная брошюра приглашала на благотворительный вечер для детей, больных раком. Она точно сидела в машине Кислингера. Стоял ли "Порше" здесь уже две недели? Вдова Кислингера не упомянула "Порше". Возможно, она ничего не знала о машине. Эвелин смотрела на красные клубничные презервативы. Затем, через боковое стекло, девушка посмотрела на мигающие неоновые лампы "Entrez-Nous". Ночной клуб в этом районе был не только эксклюзивным и шикарным — но, определенно, тайным. В противном случае, никакие "Ауди" и "Мерседесы" не парковались бы перед ним.

Определенно, вдова Кислингера не знала ни об этом "Порше", ни о том, чем занимался ее муж после посещения благотворительных мероприятий. Эвелин узнает об этом.

Изнутри ночной клуб выглядел лучше, чем снаружи — так называемая ставка "своих людей», у которых было слишком много денег в кармане. Самый дешевый спиртной напиток стоил здесь пятнадцать евро. То, что такой клуб разместился как раз в этом районе, могло заключаться только в дешевой аренде.

Сейчас, в десять часов вечера, навес еще не был задымлен сигаретным дымом. Заведение, наверное, посетят только через несколько часов. Эвелин подошла к бару, заняла место на табуретке и заказала "Дайкири". Когда бармен подошел, она подозвала его ближе.

— Снаружи парень в костюме шатается среди машин, — крикнула она, перекрикивая грохот колонок.

Лысый парень, в эспаньелке, пирсингом в губе и сетью татуировок на шее, оперся на прилавок.

— Это Руди. В это время он, по большей части, здесь. Постоянный клиент.

— Он сильно перебрал.

— Дважды в неделю он напивается от своей душевной подавленности. Синдром хронической усталости, семейные сцены, банкротство фирмы, выплата элементов бывшей... Всегда одно и то же. Он к вам приставал?

Эвелин не ответила.

— Он никому не делает зла, ему просто нужно с кем-то поговорить.

У Эвелин было впечатление, что душевная подавленность Руди хотела от нее чего-то другого. Она попыталась его забыть.

— Вы работали в субботу две недели назад? — спросила она.

— Да, черт возьми. Я здесь каждую ночь.

Она подвинула к нему по столу папку с аутопсией Кислингера. Лысый вопросительно на нее посмотрел.

- Откройте папку, — попросила она.

Бармен помедлил, затем открыл документ и уставился на разбухшее лицо Кислингера, которое под светом неоновой лампы на столе для аутопсии выглядело бледным, как будто тот застрял в шахте на недели. Рядом с фотографией лежала купюра в сто евро.

— Вы знаете этого мужчину? — спросила Эвелин.

Бармен отодвинул купюру.

— Имени не знаю.

— Не имеет значения. Вы его знаете?

— Время от времени он находится здесь.

— Бывал здесь время от времени, — поправила его Эвелин. — Отставной педиатр. Он тоже приходил две недели назад?

Когда второй бармен с пустым подносом вышел за прилавок, лысый стянул купюру и захлопнул папку.

— Вы из полиции?

— Я так выгляжу?

Он осмотрел ее, потом неожиданно ухмыльнулся.

— С такими рыже-коричневыми глазами? Нет, вы слишком красивая.

Эвелин почувствовала, как к голове прилил жар. У нее не было проблем с бродягами, уголовными преступниками или наркоманами, и также не было, если она ехала ночью в метро по городу, но она никогда еще не смогла справиться с комплиментами такого рода.

— Так мужчина был здесь или нет?

— Он был здесь. — Лысый посмотрел в конец стойки. — Он сидел в той нише и беседовал со стройной блондинкой, потискал малышку немного, но потом рассчитался и ушел.

— А женщина?

Лысый пожал плечами.

— Наверное, нашла другого фраера.

Неожиданно Эвелин подумала о пьяном постоянном клиенте, который на коленях ползал перед "Порше". На четвереньках! Вот оно!

— Сколько бокалов выпил педиатр? — взволнованно спросила она.

— Несколько стаканов

— Насколько много?

— Я не веду статистику.

— Подумайте, — настаивала она.

Лысый скривился.

— Он заправился достаточно, бутылка шампанского, по меньшей мере.

В отчете о вскрытии говорилось, что Кислинггер был пьян, поэтому коронер и чиновники уголовной полиции, вероятно, полагали, что на благотворительном вечере он опрокинул несколько бокалов шампанского или вина, затем пошел к следующей остановке метро, и споткнулся на якобы неосторожно закрепленном ограждении.

Правда выглядела совершенно по-другому. Душевная подавленность Руди неожиданно толкнула ее на правильный след. Эвелин почти залпом выпила "Дайкири", заплатила за него и положила на прилавок дополнительную купюру. Лысый бросил взгляд на деньги и вопросительно поднял бровь.

— В следующий раз пригласите Руди на крепкий кофе, прежде чем он покинет бар — я перед ним в долгу.

Она покинула бар. Завтра утром это будет хорошеньким сюрпризом для вдовы Кислинггера и ее адвоката.

Глава 3

Вторник, 16 сентября

Солнце еще не вошло над горизонтом, а Вальтер Пуласки уже сидел в машине и ехал по В2 к южной городской окраине Лейпцига. Свет фар разрезал рассвет. Только не многие машины сейчас были в пути. Обычно, в это время, он еще лежал в кровати, но в этот раз ему позвонили домой рано, вскоре после шести, и послали в Маркклеберг.

Пуласки покинул скоростную трассу и свернул на прибрежную аллею. Он выкинул окурки сигареты через опущенное окно, и позволил свежему утреннему воздуху устремиться внутрь машины. Он должен был проснуться. Хотя Пуласки приготовил для своей дочери быстрый завтрак, но вскоре уже выехал. Здесь пахло иначе, чем в городе. Столько зелени он не видел уже давно, и вскоре сможет достичь скверов и камышовых берегов озера Кошпуденер. Когда Пуласки доедет, то сначала ему будет нужен кофе. Крепкая, черная бурда без сахара, а не дерьмовый порошковый капучино из автомата с ароматическими добавками, от которого его живот получал спазмы.

После того, как Пуласки неоднократно пытался настроить радио с четким сигналом, он, наконец, сдался, и выключил устройство. Утренние новости уже прошли и, наверняка, еще не поведали о том, что произошло в Маркклеберге.

Минутой позже, Пуласки направил дряхлую "Шкоду" в район Кеезшер-парк. В конце тупика он доехал до двухметровой стены из грубых камней. Кованые железные ворота были открыты. Его ждали. Объектив камеры на стене снимал каждое движение. Пуласки трясло на "Шкоде" по буграм, и мужчина проехал через ухоженные сады. Лужайка блестела в утреннем сумраке. Дождевые установки шумели слева и справа, и капли воды заляпали лобовое стекло его машины. В конце щебеночной дороги Пуласки доехал до четырехэтажного кирпичного дома. Так выглядело учреждение, которое он знал только по рассказам. Длинное здание, с бунгалоподобными флигельными частями, впечатляло меньше, чем ожидалось. Тем не менее, здесь были размещены полдюжины отделений, многочисленные терапевтические залы и семьдесят палат для пациентов.

Пуласки припарковал "Шкоду" прямо у входа. Он натянул спортивную куртку, взял с заднего сидения тяжелый чемодан и поднялся вверх по лестнице к массивной дубовой двери. "Психиатрия и психотерапия Маркклеберга", стояло на вывеске. Раньше люди обозначали эту территорию просто как "страну психов". Сегодня это часто называлось "Каменным Колоколом", потому что по вечерам звон колокола из часовни доносился до берега озера Кошпуденер. И это выглядело зловещим, если еще и туман лежал над водой, и тогда люди действительно крестились, когда колокол звонил. Пуласки не был суеверным, он выполнял свою работу слишком долго.

Вальтер позвонил. И инстинктивно схватил воротник рубашки, чтобы поправить галстук. Но он не надел его сегодня утром. Он лежала в офисе, и его не было дома. Неправильно. Жена как раз подарила ему галстук, но он находился в каком-то ящике, который Пуласки не открывал уже лет пять. Он даже уже больше не знал, как выглядел галстук. Врачи впустят его и без галстука. Его еще везде принимали без него — безразлично где.

После второго звонка молодая белокурая женщина в роговых очках открыла дверь. Одно

долгое мгновение она смотрела на него.

Наконец, женщина указывала на вывеску с часами работы.

— Мне жаль, время посещения по вторникам только с 10...

— Я приехал сюда, чтобы увидеть труп, — прервал ее Пуласки.

Женщина вздрогнула и скептически его осмотрела. Кого она ожидала? Манфреда Круга [2]? Собственно, скептицизм был профессией Пуласки, но врачам за этими стенами знать об этом еще рано.

Так как женщина не просила его войти, а выглянула за дверь, не привел ли он с собой кого-нибудь, Пуласки, наконец, вытащил свое служебное удостоверение из сумки и раскрыл кожаный футляр.

— Вальтер Пуласки, уголовная полиция Лейпцига. У вас найдется для меня крепкий кофе?

Кофе на вкус был совсем не плох. С дымящимся бокалом в руке, Пуласки следовал за девушкой по коридорам учреждения.

Их встретил мужчина, за тридцать, в белом халате, с черными волосами, пробором и очках. Они представились друг другу. Мужчину звали Штайдль, он был двойной врач, и главный врач взрослой психиатрии. «Возможно, немного молод для этой должности», — подумал Пуласки, но с правильными отношениями все было возможно. Медик был ему не симпатичен с самого начала. Пуласки не любил навязчивую туалетную воду. Кроме того, он заметил, что двойной врач не подал ему руку — такой мелочи было достаточно для Пуласки, чтобы составить картину.

— Где ваши коллеги? — спросил Штайдль.

— Какие коллеги?

Штайдль тяжело дышал.

— Я думал, что вы исследуете случай смерти и...

Пуласки осмотрел себя. Не выглядел ли он, например, так, как будто мог исследовать труп?

— Но ведь речь идет о самоубийстве? — поинтересовался он. По меньшей мере, звонивший в уголовную полицию, утверждал так. — Если это действительно так, то через час мы будем готовы к формальностям.

А если нет...

Каждая черта лица и прежде всего, взгляд Штайдля, которым он его рассматривал, выглядели красноречиво. Пуласки даже полагал, что мужчина не хотел скрывать свои мысли. Действительно, криминальная полиция послала к нему такого старого, выдавшего виды холостяка! Мужчину, который страдал от приступов астмы, ухудшающимися из года в год, почти перед ранним увольнением на пенсию, и который по этой причине взял на себя в уголовной службе: обычные смертельные случаи, в которых не появляются сразу же судебный медик, фотограф уголовной полиции и команда криминалистов. Хватало одной обычной записи в деле, немного офисного хлама — и дело завершено. Разве только, иначе решит прокурор, тогда привлекались отдел по расследованию убийства или ЛКА [3], но этого

почти никогда не происходило. Суды были годами завалены работой до верху. Безумец, совершивший самоубийство, интересовал не больше, чем маратель бумаги.

— Где труп?

— В ее комнате.

— Кто ее обнаружил?

— Я.

— Когда?

— Во время утреннего обхода.

Конечно, это было понятно.

— И когда точно? — спросил Пуласки.

— Рано утром, незадолго до шести.

— Что происходит в это время?

— Отпускается доза утренних медикаментов.

— Санитары это не выполняют?

— Для некоторых пациентов я делаю сам из-за контроля полости рта.

Если это происходит таким образом, то сегодня вечером он был еще здесь. При этом проконсультировался при экстренном случае о всех рутинных случаях. С другой стороны, он не привык принимать с распростертыми объятиями. Никто не любит шпиков в своем доме.

Пуласки взял свой чемодан и проследовал за врачом в здание, пока они не достигли длинного коридора. По обеим сторонам он заметил ряд дверей.

— Кто еще знает об умершей?

— Мой медицинский директор, врач Вольф и моя ассистентка Ханна... больше никто.

Ханна была блондинкой в очках в роговой оправе, которая встретила его и затем принесла ему кофе.

Пуласки пил глотками из бокала. Мой медицинский директор, не наш медицинский директор. Опять такая мелочь.

— Как долго вы уже являетесь главным врачом? — спросил Пуласки.

Штайдль остановился. Идеальные черные брови соединились.

— Это важно?

Пуласки покачал головой.

— Неважно. — Молодой хлыщ справлялся с отделением не более четырех или пяти месяцев. Определенно, на каждом коктейле он упоминал минимум пять раз, что являлся теперь главным врачом взрослой психиатрии. Пуласки знал, что его предубеждения с возрастом становились все хуже. Его жена каждый раз напоминала ему об этом, когда они с кем-то знакомились. Но он говорил себе: «Лучше одно предвзятое мнение, чем никакого».

Штайдль остановился перед дверью с номером двадцать семь. На пластиковой табличке на стене стояло — Наташа Соммер. Красивое имя.

Пуласки вошел, пока Штайдль остановился в дверном проеме. С первого взгляда Пуласки не мог установить следы вторжения. Восходящее солнце бросало свои лучи между пластинами жалюзи. Помещение было настолько огромным, что входили кровать, шкаф, стол со стулом и умывальник с душевой. Пуласки бросилось в глаза, что на держателе не висело полотенце. На самом деле, он ожидал падение из окна, с девушкой, которая бы висела на поясе, привязанном к отопительной трубе у потолка или с пропитанной кровью простыней и вскрытой артерией, в которой торчала еще ржавая канцелярская скрепка... Но ничего такого здесь не было.

Наташе Соммер было не больше девятнадцати лет. Нежное существо, с короткими, черными волосами, незамысловатой прической и курносый носом, усыпанным веснушками. В ее красивом лице угадывались восточно-европейские черты лица. Возможно, она была родом из Румынии или Украины. Ее руки были тонкими, скорее всего, девушка не весила даже сорок килограмм.

Малышка лежала спиной на кровати — ни следов удушения, ни рвотных масс — почти безмятежно. Если бы не ее взгляд. Этот жуткий взгляд!

Пуласки рассматривал больничную одежду. Кремовая ночная сорочка с синими горошинами, которая доставала ей как раз до колен. Левый рукав был высоко закатан. В локтевом сгибе Наташи торчала игла, на которой висел шприц объемом пятьдесят миллилитров, которым можно было бы успокоить лошадь. Безупречно поставленный укол. Внутривенно. Следы крови находились на дне и по краю поршня. Под кроватью лежала проколота склянка. Пустая до последней капли.

На внутренней стороне запястий Наташи Пуласки заметил довольно длинные шрамы от попыток самоубийства, которые были там уже, определенно, несколько лет. Иногда проходило много времени, как это было до сих пор, и любая помощь приходила слишком поздно.

Пуласки поставил чемодан и кофейный бокал на стол, и обошел вокруг кровати. Зрачки Наташи еще не были затуманены, она была мертва не более двух часов. Он закрыл девушке веки.

— У нее только ее законные штатные воспитатели, — ответил Штайдль. — Она поступила к нам как сирота.

— Как долго ваш предшественник уже в отставке? — спросил Пуласки, не глядя на врача.

— На протяжении четырех мес... — Штайдль не договорил предложения. Вероятно, он как раз закусил губу.

Пуласки ухмыльнулся внутри себя. Он одел латексные перчатки и вытащил из-под кровати сто миллилитровую бутылку. «Перфалгана». Согласно этикетке, препарат содержал тысячу миллиграмм парацетамола, болеутоляющего, которое выдавалось при мигрени, артрозе или зубной боли. В резиновой пробке, в горлышке пузырька, Пуласки обнаружил два прокола. Малышка два раза вставляла шприц и опустошила всю бутылку.

Он рассматривал локтевой сгиб девушки. Рядом с местом, где игла вошла под кожу, находились три следующих прокола. Очевидно, две провалившиеся попытки попасть в вену. Это получилось на третий и четвертый разы. Почему так сложно? Почему она не поставила себе «бабочку»? ^[4] Кроме того, самоубийство с помощью шприца у женщин было редкостью. Сделала бы простой разрез в артерии. Это была классика. Или она стала умной из опыта?

— Сколько миллиграмм парацетамола является смертельным? — спросил Пуласки.

— Зависит от обстоятельств, — Штайдль покачал головой. — С такой дозой можно было бы стереть с лица земли боль всех пациентов этой станции. Но, смертельно? Маловероятно, даже у такой тощей персоны как Наташа.

— Не передозировка?

— Только в сочетании с алкоголем.

В сочетании с алкоголем. Пуласки сложил в полиэтиленовый пакет иглу, шприц и бутылку. Вероятно, совсем не было необходимости исследовать стакан и пластмассу на отпечатки пальцев. Но никогда ничего нельзя знать заранее!

— Где прощальное письмо? — спросил он, пока с оханьем, поднимался.

— Какое прощальное письмо?

Пуласки указал на кончики пальцев Наташи. Остатки синих чернил въелись в кожу.

Прежде чем Штайдль смог ответить, Пуласки подошел к столу.

— Разрешите? — он вытащил ящик. Но кроме пустого блокнота, авторучки, ластика, и нескольких цветных карандашей там ничего не было. Пуласки осмотрел в шкафу бельевые ящики. Ничего. Также в книгах на настенной полке не было никакого листка. Рядом с «Музыкой горячей воды» Буковски стояла почти пустая бутылка джина.

— Джин и Буковски относятся к терапии в этом учреждении? — не ожидая ответа, Пуласки повернул бутылку, чтобы прочитать ярлык: «Cadenheads Old Raj» джин. Пятьдесят пять процентов алкоголя.

Смертельно только в сочетании с алкоголем.

Он прошел на шаг дальше, но так и не нашел то, что искал. Где-то должно быть сообщение девушки! Где ты его спрятала?

Штайдль все еще стоял в дверном проеме.

— Я не верю, что...

— Псс! — Пуласки поднял руку. Он рассматривал тонкие черты лица Наташи. Эта девочка лишила себя жизни не просто так и не без того, чтобы не оставить письмо.

Синим чернилам было самое большое один день. Вероятно, даже только несколько часов. Эта девушка должна была что-то иметь, чтобы сказать. Он должен был это найти.

Пуласки поднял голову Наташи, но там была только подушка. Он открыл ее рот и посмотрел в пустую глотку. В него ударил запах алкоголя. Джин. Вальтер узнал запах. Но никакого письма. Наконец, он исследовал ее одежду. Странное чувство охватило его, когда Пуласки коснулся паховой области девушки и почувствовал резинку трусиков под тонкой тканью. Что-то жесткое находилось в ее штанишках и давило на его пальцы — и это не была прокладка.

Пуласки сдвинул одежду над бедром Наташи и обнажил ее живот. Белые трусики были плотно скроены.

— Что, к черту, вы там делаете? — Пуласки услышал, как к нему подходил Штайдль.

— На что это похоже? — Пуласки щупал пальцами под трусиками и вытащил в несколько раз сложенный листок бумаги.

На листе стояли несколько предложений, написанных авторучкой.

Через полчаса Пуласки был готов к исследованию помещения. Он сделал фотографии комнаты и трупа, снял отпечатки пальцев Наташи, упаковал в полиэтиленовые пакеты авторучку, письмо, расческу, и зубную щетку для того, чтобы позже исследовать ДНК, и также кожаный дневник, который обнаружил под подушкой Наташи. Он знал об этом от своей дочери. Почти каждый день подросток в этом возрасте записывает свои мысли и стихотворения в тетрадь.

Почерк в дневнике Наташи был таким же, как и в прощальном письме. Он не нуждался ни в каком экспертном мнении для сравнения. Последняя запись датировалась субботой, и Наташа отметила, что у нее больше не было кошмарных снов и как она думала с Соней, ее терапевтом, ей стало лучше. Никаких слов о проблемах с алкоголем. Никаких признаков депрессии.

И двумя днями позже это прощальное письмо.

«Стены приближаются. Я больше не выдерживаю в этой комнате».

Пуласки защелкнул чемодан.

— Теперь мы перейдем к самому интересному пункту. — Штайдль вопросительно смотрел.

— Откуда у Наташи были джин, шприц и флакон с болеутоляющим?

Они покинули комнату, и Пуласки опечатал помещение пломбой, которую приклеил на стену, дверь и замок.

— Это так необходимо?

Пуласки думал о письме.

— В данный момент да. На данный момент да. Мы подождем, что найдем еще.

Тем временем, учреждение просыпалось к жизни. Было почти восемь утра, и Пуласки срочно нужна была сигарета. Из комнат проникали первые голоса, в коридорах раздавался топот ботинок и металлический визг инвалидных колясок. Речь могла идти только лишь о нескольких минутах, пока вокруг говорили, что Наташа, как обычно, не пришла на завтрак в обеденный зал и не появится на следующее утро, потому что она лежала в своей кровати с поллитрами джина и тысячей миллиграмм парацетемола в мертвом теле... и с прощальным письмом в своих трусиках. «В какое место она должна была спрятать свое письмо, чтобы убедиться наверняка, что его найдет только коронер, следователь или служащий уголовной полиции? Только? Кто еще принимался в расчет?» — подумал Пуласки.

Он следовал за главным врачом к палате, на которой было написано: «Аптечка». Дверь была открыта. Безоконное помещение состояло только из полок, холодильника и запираемых шкафов — витрин, в которых находились сотни ампул, мазей и коробок медикаментов. В открытых шкафах лежали одеяла, шприцы, марлевые повязки, пачки пластырей и термометры. В помещении плохо пахло больницей. Запах. Пуласки ненавидел его больше всего на свете после смерти своей жены.

Рядом с палатой медикаментов находилась палата медсестер. Только что оттуда вышел огромный мужчина с густой окладистой бородой и кустистыми бровями. Он был примерно одного возраста с Пуласки, пятьдесят с небольшим, и ему не нужно было представляться, на нагрудном халате его халата стояло — доктор Генри Вольф. Штайдль уже упоминал медицинского директора, который отказывался подавать Пуласки руку. Пуласки ничего другого и не ожидал. Еще больше, чем больничный смрад, он ненавидел врачей. И этот доктор Вольф был на него очень похож. Не только из-за желтых кончиков пальцев, которые выдавали его как заядлого курильщика. Его черты лица были такими же старыми, злыми и циничными, как у Пуласки. Разглядывая себя каждое утро во время бритья, он спрашивал себя, как долго еще будет выносить свою работу. Без сомнений, они были одного поля ягоды. Он понял это с первого взгляда. Напротив, элегантный главный врач был также безвреден как дамский револьвер с влажным пистолетом.

Как узнал Пуласки, доктор Вольф сделал Наташе ЭКГ, установил ее смерть, оформил свидетельство о смерти и вызвал уголовную полицию. Обычно, это на себя берет ближайший лучший сельский врач, но в этом случае, в этом не было необходимости. Судя по впечатлениям, и Пуласки до сих пор выигрывал, учреждение располагало большим количеством врачей, чем ему нравилось.

Он снова подумал о письме.

«Всегда есть другие, которые приходят ко мне по ночам». Кто, Наташа? Врачи?

Пуласки вступил в палату.

— Это помещение всегда открыто?

Вольф прислонился своей неуклюжей фигурой к дверному проему и заглянул в палату.

— Витрины с психотропными препаратами и рецептурными препаратами закрыты. Так гласит инструкция.

Все согласно инструкции! Конечно. Разум Пуласки говорил ему, что помещение также должно быть закрыто и должно открываться только вовремя выдачи медикаментов.

— Если сестры срочно нуждаются в марлевых повязках, они должны быстро прийти на склад, — дополнил Штайдль. — не обязательно запирайте это помещение.

— Не обязательно? — Пуласки, кряхтя, присел на корточки. — Тогда еще раз посмотрите на палату двадцать семь. — С какими идиотами он должен здесь работать?

Пуласки сделал несколько фотографий, затем отодвинул осколки стекла на полу и встал на колени перед витриной. По краям расколотого витринного стекла находились синие матерчатые волокна. Пока Пуласки складывал несколько обломков в полиэтиленовый пакет, Вольф и Штайгель перешептывались за его спиной. «Довольно поздно, чтобы оспаривать», — подумал он.

— Ни одна из ночных сестер ничего не слышала, — наконец, проворчал Вольф.

Ничего удивительного. Пуласки посмотрел на синий кусок ткани, который лежал под стеллажом. Недостающее полотенце из комнаты Наташи.

— Кто-то заглушил осколки стекла тканью и осторожно удалил обломки из рамки, — объяснил он.

— Кто-то? — отозвался Вольф. — Кто, кроме Наташи, должен был обеспечить себе доступ к лекарствам?

— Скажите это мне! — Пуласки не удержался от циничного тона. В этом учреждении все были убеждены в том, что малышка покончила с собой. Тем не менее, неустойчивый человек довел себя до самоубийства.

Вольф сдвинул брови.

— Штайдль сказал мне, что вы нашли предсмертную записку. Что в ней?

— Это в высшей степени было бы интересно каждому здесь, — кратко ответил

Пуласки. — Но она доказательство. Я не могу показать ее вам.

«Промежутки становятся короче и короче. Они снова приходят».

Кто, Наташа? Врачи?

«В темноте.

Эти боли!»

Пуласки думал о письме и о месте, где Наташа его спрятала. Эти боли! Слова в письме были находкой для каждого судебного психиатра. После того, как прокурор прочтет письмо, он вряд ли решится не согласиться с вскрытием. Как давно это было, что Пуласки просил о вскрытии? Пять лет? О, Боже, он уже так долго и продолжительно работал в уголовной службе, что мысль об аутопсии показалась вечностью?

Эти боли!

Он должен был узнать, существовали ли следы насилия или была ли Наташа беременной. Разумеется, что-то здесь не так. В ее дневнике не было ни указаний, ни намеков на насилие. Только в прощальном письме — которое, несомненно, происходило из ее рук.

Но почему Наташа написала об этом только сейчас? За несколько часов до своей смерти? Синие кончики пальцев. Почему только теперь? Шприц. Введенный дважды. Внутривенно, в локтевой сгиб. Что-то здесь было подозрительно.

Неожиданно он понял.

Пуласки отодвинул Вольфа в сторону, бросился из палаты и побежал назад к спальне.

Пуласки пыхтел, сорвал пломбу с двери и поспешил в комнату Наташи. Он отвернул правый рукав ее одежды до самого плеча и рассматривал мертвую. Конечно. Это было. Как он мог не заметить? Синие чернила на кончиках пальцев. Укол в локтевой сгиб.

Белокурая ассистентка главного врача, в очках в роговой оправе, которая встретила его сегодня утром, проходила мимо двери и пристально посмотрела в комнату. Штайдль и Вольф остановились позади и отодвинули ее.

Штайдль ощупал разорванную пломбу.

— Я думал, вы закончили.

— Я тоже так думал. — Пуласки обратился к женщине. — Ханна, правильно? Принесите мне, пожалуйста, еще крепкий кофе. Черный. Лучше всего весь кувшин.

Директор Вольф хотел шагнуть в палату к Пуласки, но тот обернулся.

— Никто не входит в помещение, никто ничего не трогает. То же самое относиться к палате с медикаментами и именно до тех пор, пока коллеги криминалисты не придут и не закончат свою работу. Мне также нужны все записи камер наблюдения в воротах за последние двадцать четыре часа.

Директор Вольф хотел что-то ответить, но Пуласки прервал его.

— Кроме того, мне нужен полный поименный список всех врачей, терапевтов, воспитателей, пациентов и всего персонала, а также полную медицинскую карту Наташи Соммер...

— Но...

— ... и вы принесете ее мне с обязательством сохранения врачебной тайны.

— Прокурор обеспечит мне в течение двадцати четырех часов решение суда для обыска. Ханна и главный врач Штайдль разглядывали его с открытыми ртами. Только директор Вольф оставался собранным. Его челюсти двигались. Что-то происходило в его голове.

— И я хотел бы поговорить с терапевтом Наташи, этой Соней, — добавил Пуласки.

— Как вы себе это представляете? Сегодня госпожи врача Вилльхальм нет.

— Она за границей?

Вольф покачал головой.

— Тогда приведите ее сюда! — Пуласки обратился к ассистентке. — Ханна, пожалуйста, поторопитесь там с кофе.

Пуласки закрыл дверь перед их носами. Несколько секунд он слышал ее бормотание. Затем достал из кармана пиджака мобильный телефон и набрал номер своего начальника. Пока он слушал гудок, то доставал из кармана помятую пачку сигарет. Только три сигареты. Как он переживет этот день?

Ему как можно скорее был нужен судебный медик, который обследует труп на месте и затем увезет в паталогию. Они могли отказаться от свидетельства о смерти этого врача Вольфа. Здесь была необходима правильная аутопсия. Кроме того, ему была нужна

графологическая экспертиза, происходили ли на самом деле прощальная записка и записи в дневнике от одного лица. Возможно, он действительно ошибся.

Еще гудок! В офисе никто не может подойти?

Кроме того, он должен был позвонить своей дочери, чтобы сказать ей, что как обычно не вернется домой в обед. И, вероятно, вечером тоже нет, а только поздно ночью... если вообще вернется. Это не был рутинный случай, который можно было закончить с обычной записью в деле. И никакой ни офисный хлам, как обычно. Потому что Наташа обладала качеством, которое не заметил убийца. И он почти не заметил. Ее левое плечо было развито сильнее, чем правое. К тому же, чернила находились на кончиках пальцев левой руки. Она была левшой.

Наконец, кто-то снял трубку. Хорст Фукс, руководитель отдела. Пуласки не дал боссу сказать ни слова.

— Мелочь в Маркклеберге — это не самоубийство.

— Почему ты так уверен?

Пуласки уставился в место укола шприца.

— Левша никогда не поставит себе сама шприц в левый локтевой сгиб.

За все годы своей адвокатской практики, Эвелин Мейерс никогда еще не видела такого озлобленного лица, как у вдовы Кислингера, когда она объясняла женщине как умер ее муж тем вечером, перед входом в «Entrez-Nous».

Официант кафе в венском центре города только что принес напитки. Тем не менее, это не было больше похоже на запланированный обед. Вдова проигнорировала бокал, и сначала посмотрела на своего адвоката, который неразборчиво писал в блокнот несколько заметок, затем снова сфокусировала взгляд на Эвелин, как будто каждый орган власти выдавал для нее разрешение на ношение оружия.

— Вы хотите повторить ваше наглое утверждение, девушка, прежде чем мой адвокат привлечет вас за клевету?

«Так типично. Угрожают всегда одинаково — жалобой», — думала Эвелин. Кроме того, ледяной голос подходил холодным глазам этой женщины. Но Эвелин нельзя было запугать.

— Разумеется. — Эвелин наклонилась вперед, и сказала медленно и подчеркнуто спокойно. — Ваш супруг находился на благотворительном вечере для детей, больных раком, в детской больнице Святой Анны только один час. Затем он поехал на своем «Порше» в «Энтрес-Ноус», ночной клуб, где, в очередной раз, напился, в этот раз в сопровождении молодой дамы, и, спотыкаясь, пошел к своей машине.

Вдова — в узких очках для чтения, в парике и золотых драгоценностях с камнями, которые стоили больше, чем машина Эвелин — уставилась на нее ледяным взглядом.

— Впрочем, есть свидетели, которые могут это подтвердить, — добавила Эвелин, как бы между прочим.

Вдова натянуто улыбнулась. Слишком густо нанесенная губная помада осталась на ее вставных зубах — небрежность, которую Эвелин глубоко ненавидела.

— Когда ваш супруг доставал свой ключ от автомобиля из кармана перед стройплощадкой, — продолжала она, — тот выпал из его руки и упал в открытый колодец. Он перелез через ограждение, опустился на колени, пополз на четвереньках к колодцу, наклонился вниз, чтобы выудить ключ обратно, потерял равновесие и скользнул в трубу, где застрял и утонул...

Эвелин выбрала правильно. По выражению лица вдовы она поняла, что та не знала ни о «Порше», ни о ночной жизни своего мужа. Поразительно, но та оказалась в этом также мало заинтересованной, как и в смерти своего супруга. Риск потерять несколько миллионов возмещения неимущественного ущерба был слишком велик.

Пока вдова Кислингера сидела с открытым ртом и, вероятно, видела, как по воздуху уплывали ее деньги, адвокат был спокоен. Как всегда, доктор Джордан выдерживал бесстрастное лицо, даже если знал, что проиграет дело.

— Как вы докажете это в суде, моя дорогая коллега?

«Моя дорогая коллега!» Каким смешным Эвелин находила обращение этим самодовольным тоном, как будто бы только что пережила свой первый год как писака. При этом, она не должна была никому ничего доказывать.

Она положила автоматический ключ рядом с бокалом госпожи Кислингер.

— Он находился в боковой трубе канала. Большое удовольствие от нового «Порше» вашего мужа.

Вдова надвинула на нос очки для чтения и пристально посмотрела на предмет.

— Машина мне не принадлежит.

— Правильно, — подтвердила Эвелин. — Не вам, а вашему мужу. — Она подала вдове копию подтверждения постановки на учет от транспортной компании. Затем вспомнила о презервативах в машине. — Взгляните, пожалуйста, в бардачок.

Вдова хотела что-то ответить, но доктор Джордан опередил ее.

— Момент... — Он внимательно рассматривал копию. Наконец, адвокат бросил в свой кейс записную книжку, защелкнул его и поднялся из-за стола. — Мы отзовем жалобу против строительного предприятия, — сказал он, не посоветовавшись со своей доверительницей.

Теперь она сделала его! Он отзовет обратно жалобу и свой хвост, как говорилось на жаргоне адвокатов — самое умное решение, которое адвокат мог принять в этой ситуации.

Вдова не произнесла ни слова. Была только досада, если адвокат брал с собой свою клиентку на встречу с соперничающей стороной — то эмоции обычно накалялись, и Эвелин хотела этого избежать.

— До следующей встречи, коллега, — она пожала доктору Джордану руку и кивнула вдове.

Когда Эвелин покидала кафе, позади нее звучали крики госпожи Кислингер. Пожалуй, доктор Джордан разъяснял своей доверительнице отношения, которые та не поняла. При этом она могла говорить о том, что той повезло, что все закончилось для нее так удачно.

Суд отклонил бы жалобу уже в первый день рассмотрения, и она не получила бы ни цента и, в лучшем случае, осталась бы с судебными расходами и издержками на адвоката. В худшем случае, пресса бы полила грязью ее супруга посмертно. Какой позор! Эвелин слишком хорошо знала, как сильно преувеличивали ежедневные газеты. Пользующийся отличной репутацией педиатр в состоянии опьянения, после посещения борделя, утонул в канализационной шахте...

Для Эвелин это было дело в стол.

Полуденное солнце, казалось, прекрасно нагревало мостовую и со Штефанплатц Эвелин слышала ржание и стук копыт лошадей, которые тянули кареты с туристами по городу.

Пока она шла к машине, то позвонила дяде Яну, другу своего отца. Она только что сохранила маленькую строительную фирму от разорения.

Когда Эвелин вошла в канцелярию, в фойе ее поймал Крагер. Он посмотрел на часы.

— Куда ты убежала?

Она знала это выражение лица — это значило, что у нее было самое большее три минуты. Крагера уже ждала следующая встреча.

— Я объяснила доктору Джордану положение вещей. — Эвелин рассказала о встрече.

Когда она закончила, Крагер усмехнулся.

— Смерть от собственных неосторожных действий, никакой чужой вины. Великолпно, Эвелин. Я бы не сделал лучше. — Он фамильярно положил ей руку на плечо.

Она вздрогнула. Он все-таки знал, что она терпеть этого не могла, но снова и снова так делал! На этот раз девушка ничего не сказала, но, вероятно, он заметил ее взгляд, потому что быстро убрал руку обратно.

— Поговори с нашим секретариатом — мы отгребем от канцелярии Джордана смачный гонорар за все наши издержки. — Он развернулся и поспешил на следующую встречу. — Завтра мы обсудим наше новое дело. — Затем шеф исчез.

Следующее дело! «Я едва могу этого дождаться», — саркастично подумала Эвелин. Крагер вытаскивал только так называемых доходных важных клиентов, у которых можно было взять большое количество денег. В грошах он был не заинтересован, а действительно интересные дела игнорировал. Но ей так надоело разбивать маленьких частных истцов перед судом для того, чтобы концерны могли и дальше загребать деньги. Лучше всего она хотела принимать уголовные судебные дела — но ее внутренний голос говорил, что время для этого еще не пришло.

Эвелин вошла в свой офис. Коллеги оставили ей на столе бутылку шампанского и поднос с оставшимися закусками от двадцатипятилетнего праздника. Она сняла фольгу. Икра и лосось! Обычно, девушка любила рыбу, но, в данный момент, у нее не было аппетита. По крайней мере, Бонни и Клайд этому обрадуются.

Она бросила свой блейзер на спинку кресла, сняла туфли на каблуках и упала на стул. Затем Эвелин открыла бутылку шампанского и наполнила стакан.

— За выигранное дело, — выпила она за свое здоровье. На письменном столе стояла фотография ее родителей — один из последних снимков, прежде чем произошла беда, и одна с Бонни и Клайдом, которым было по десять недель и они лежали рядом в корзинке для покупок. Это была ее семья. Две серо-полосатых кошки. В офисе Эвелин не было других частных вещей, вплоть до кактусов на подоконнике — такого же колючего как и ее характер, как сформулировал однажды коллега. Другие называли ее ёж, потому что она могла сворачиваться клубочком и выпускать иглы — так звучало более обаятельно.

Ее шкафы были заполнены файлами и текстами законов, и на письменной столе громоздились документы случая с крышкой шахты: дюжины протоколов, фотографии и заметки на память.

Эвелин начала упорядочивать документы. Когда она держала в руке цветные фотографии с камеры банкоматы, ее охватило тоже самое чувство дежа-вю, как несколько дней назад в районном суде. Странное ощущение покалывания в животе было от этих фотографий? Она разглядывала снимки. Съёмки двадцатичетырёхчасовой камеры что-то ей говорили. Но что?

Эвелин точнее рассматривала фотосет. Он был с того вечера, когда Кислинггер утонул в шахте. Стройплощадка была видна только с левого края. По существу, снимки были не интересными, так как открытый люк канала находился вне поля зрения камеры. Но это были единственные снимки, которые были с этого места аварии, и Патрик, знакомый частный детектив, обеспечил ее ими. Естественно, они также были и у уголовной полиции — она получила их в первую очередь от ИТ-отделения банка. Но обеспечение уликами могло происходить также и для Эвелин.

Она плотками пила шампанское и изучала фотографии. Разрытый асфальт, ведра и лопаты, деревянные балки и железные штанги, смеситель, на заднем плане неоновая реклама «Entrez-Nous». Вход находился вне поля зрения, в противном случае, можно было бы рассмотреть как Кислинггер покинул бар.

На следующем снимке мужчина стоял перед объективом, снимая наличные деньги и снова исчезал. Если держать фото большими пальцами и листать как кино, то можно было даже увидеть фильм. Тогда неожиданно можно было рассмотреть девушку: худую, примерно двадцати лет, в легком летнем платье. Девушка! Эвелин села. Та стояла в свете фонаря и смотрела вниз на дорогу. Пульс Эвелин участился. Она вытащила лупу из ящика. При следующей записи женщина стояла ближе к камере, а затем исчезла. Все это время Эвелин

сконцентрировалась на фактах о стройплощадке и не заботилась о девушке. Была ли это та блондинка, с которой Кислинггер пил в баре?

Эвелин подъехала в кресле к своему компьютеру, нажала на каталог с полученными электронными письмами и открыла папку Патрика. Он прислал ей прикрепленные к письму фотографии. Она увеличила соответствующий снимок, изменила план изображения с девушкой, подсветила задний план и обозначила контуры.

Действительно, девушке было не больше двадцати лет, она выглядела бледной и была одета в синее платье на бретельках. Длинные белокурые волосы выглядели такими тонкими и хрупкими как весь её внешний вид.

Несмотря на запоздалую летнюю температуру, по спине Эвелин пробежал холодок. Наконец, она нашла причину своего дежа-вю.

Она знала девушку. Но откуда?

Несколько часов Эвелин сидела в своем офисе и рассматривала фотографию девушки в платье на бретельках. Цветное изображение было нечетким, но того, что можно было увидеть, ей хватало. Она знала, что уже видела девушку, но чем больше копалась в своих воспоминаниях, тем меньше вспоминала — как будто бы ответ вертелся у нее на языке, но одновременно был так далек, что Эвелин не могла ухватить решение.

Кроме того, ей в затылок дышал Крагер. Он хотел перевести ее на новый случай. По большей части, речь шла о том, чтобы прикончить маленькие конкурирующие фирмы его клиентов. Но с другой стороны, были такие истории как случай, который он недавно упомянул, когда был убит политик во время автомобильной поездки портативным радиоприемником, когда сработала подушка безопасности. К счастью, она его не взяла, а дело взял себе Холобек, партнер Крагера, потому что переговоры стали провалом, потому что...

Эвелин замерла. Она отодвинула стакан и бутылку шампанского и снова уставилась на фотографию. Девушка с тонкими волосами и синем платье на бретельках!

— Теперь я знаю, откуда тебя знаю, — прошептала она.

Случай Холобека с подушкой безопасности! Она вытащила из сумки свой таймер и пролистала на несколько недель назад. В начале августа Эвелин обедала с Петером Холобеком в «Анданте», итальянском фирменном ресторане, в центре Вены. Они ели дневное фирменное блюдо в саду для гостей — салат из морепродуктов с королевскими креветками, и позже задекларировали счет как бизнес-ланч, как бы то ни было.

Холобек был с Крагером одного года рождения, если не старше. Но даже если бы он был на тридцать лет моложе, не было бы никакой опасности. Холобек был геем, она это знала, хотя именно он рассказывал большинство гей-шутков. По-видимому, нападение все еще было лучшей защитой.

Эвелин перелистала заметки, которые неразборчиво написала во время еды в свой таймер. Холобек хотел обсудить один из случаев с ней конфиденциально. Еще она вспомнила, что при этом речь шла о городском советнике Мюнхена Хайнце Пранге, который слишком быстро мчался на своей машине по горной дороге через альпийский Берхтесгаден.

Когда машину тряхнуло на ухабе, радиоприемник, который по непонятным причинам стоял на приборной доске, ударил по рулевому колесу, после чего, якобы надувная подушка безопасности отбросила радио в лицо водителя. По меньшей мере, Холобек представил суду все таким образом. Городской советник Пранге умер на месте, и его вдова хотела предъявить иск фирме производителю надувной подушки безопасности.

Так как местонахождение предприятия «Austrobag GmbH» было в Граце, немецкая вдова наняла «Kraeger, Holobeck & Partner». Почему Холобек впервые отклонился от принципов фирмы и представлял частное лицо в качестве клиентки против предприятия, никто точно не знал. Шансы выиграть дело выглядели неплохими, но, все же в конечном итоге дело пошло иначе, чем ожидалось. Грацкий адвокат фирмы производителя, акула в костюме из ткани в тонкую полоску, смог доказать суду, что надувная подушка безопасности сработала потому, что Пранг протаранил своим автомобилем скалу. Никакой вины другого лица! Три эксперта подтвердили это утверждение и Холобек не смог собрать против экспертов контрмнение. Дело Пранга было закрыто и Холобек проиграл дело.

Погруженная в мысли, Эвелин пристально смотрела в пустую кофейную чашку рядом с монитором. Обе фигуры из комиксов — Твити и Сильвестр улыбались в ответ. «Сделай их плоскими» было написано мультяшными буквами на чашке. «Или они сделают тебя плоскими!» — добавила про себя Эвелин. Ей нужно было сконцентрироваться на встрече в кафе. Когда большее количество посетителей ушло, Холобек разложил на столе документы дела и прижал их пепельницами, чтобы они не улетели.

Протокол был интереснее всего: свидетели думали, что видели, как городской советник Пранг сидел с молодой дамой в кафе в Бад-Райхенхалле и затем уехал с ней на его машине. Но, несмотря на подробное описание, женщину не нашли. Возможно, она могла бы дать делу другой оборот или, по крайней мере, выяснить, откуда появился переносной радиоприемник на батарейках, который разбил лоб Прангу. Где-то в документах Холобека должно было находиться описание личности этой молодой дамы. И ей придется его достать!

Эвелин снова разглядывала фотографию девушки. Тонкие волосы и бретельки... Она уже сошла с ума? Или страдала от заблуждения?

Наконец, Эвелин схватила телефон и набрала номер Холобека. Вызов передавался от его офиса к администратору, который сообщил, что со вчерашнего вечера Холобек был в отпуске и появился в канцелярии только из-за двадцатипятилетнего юбилея.

Эвелин позвонила Холобеку по его личному номеру мобильного телефона. Он владел пентхаусом на двадцать третьем этаже футуристического жилого парка Альт-Эрлаа, построенного монстра с огромными балконами, лоджиями и террасами. Определенно, Холобек проводил отпуск дома. Он никогда не уезжал, за исключением случайных непродолжительных туров в Таиланд.

После пятого звонка Холобек ответил. На заднем фоне играло радио.

— Доктор Холобек, говорит Эвелин Мейерс.

— Да..?

Эвелин насторожилась. Куда подевалось обычное: «Слушаю-цветочек-кактус-что-я-могу-для-вас-сделать?»

— Я хотела ненадолго поговорить с вами о деле с подушкой безопасности. альпийский Берхтесгаден, вы помните?

— Конечно, что вы хотите знать?

Так коротко и ясно? И никакой обычной шутки? Таким она его еще не знала. Вдруг

Эвелин почувствовала горячее покалывание в животе, которое всегда появлялось и стягивало ее живот, если она замечала какое-то несоответствие.

— По какой причине вы впервые представляли частное лицо в качестве клиентки против компании? — Эвелин хотела задать этот вопрос как бы мимоходом, но знала, что ей это не удалось.

— Эвелин, что вы хотите знать?

Отлично. Она глубоко вздохнула.

— Я бы хотела попросить вас, чтобы вы разрешили мне ознакомиться с делом. Я вижу там связь с моим случаем...

— Оба случая не связаны... — он прервал ее.

Со вчерашнего дня адвокат был в отпуске, откуда он мог знать, о каком случае она говорила? Снова это покалывание.

— Я...

— Эвелин, держитесь подальше от этого дела. — Мужчина замолчал. — Момент, пожалуйста, звонят в дверь.

Эвелин ждала. Боже, дело было труднее, чем она думала. Что же там было такого, если она возьмет дело и бросит взгляд на протоколы? В саду для гостей «Анданте» он не был человеком, делающим из всего тайну. Там его интересовало ее мнение по этому делу. Но сейчас?

Эвелин услышала шаги, когда адвокат шел по квартире. Повторное жужжание электронного звонка. Бренчание дверной цепочки.

Тишина.

Затем удаленный глухой голос Холобека.

— Что..? — вскоре после этого связь прервалась.

Вальтер Пуласки сидел в конференц — зале «Каменного колокола» психиатрии Маккленберга.

В принципе, современная психотерапия более менее была домом, также как и раньше: краевая психиатрическая больница. Тем временем, Пуласки даже полагал, что неврологи, терапевты и врачи — специалисты, которые проходили свою службу в этих стенах, имели такие же психозы, травмы или депрессивные заболевания, как и некоторые пациенты. Возможно, странное поведение персонала было вызвано еще и тем, что кто — то убил Наташу Соммер, молодую пациентку в палате двадцать семь, бутылкой джина и чрезмерной дозой парацетамола. Не каждый день случалось, что служащий уголовной полиции запечатывал несколько помещений пломбами, прибывал судебный патологоанатом, чтобы увезти труп и два эксперта по фиксации следов с лампами, лестницами и большими чемоданами, которые запаковывали все исследованное, фотографировали и имели дело только с мертвыми.

Прибывшие коллеги Пуласки улыбались и кривили лица за его спиной, что, естественно, от него не ускользнуло. Майка, судебный медик, ясно высказала предубеждение. Здесь действительно необходимы такие усилия? Малышка, вероятнее всего, вколола себе шприц. Как всегда, каждый хотел идти по пути наименьшего сопротивления. Только не делать больше, чем необходимо!

После того, как Пуласки показал судебному медику прощальное письмо Наташи и объяснил, что левша едва ли поставит два гигантских шприца, в общей сложности объемом сто миллилитров в левый локтевой сгиб, она задумалась. Естественно, было бы проще, если бы старый Пуласки, который раньше был большим номером в Земельном уголовном ведомстве и теперь как простой служащий продолжительной службы исследовал рутинные места происшествия, потому что его приступы астмы создавали ему трудности — был свихнувшимся и видел убийство там, где его не было. Но он так не вел себя, в конце концов.

Когда к полудню коллеги бы ли готовы работать в учреждении, Пуласки приказал им: во — первых, он хотел знать как можно быстрее, была ли изнасилована Наташа и даже, возможно, беременна. Во — вторых, должно было быть дано экспертное заключение, действительно ли записи в дневнике и в прощальном письме происходили от Наташи. И конечно, в чем там была причина смерти. Действительно ли была использована бутылка джина и тысяча миллиграмм парацетамола, чтобы отправить девушку весом сорок килограмм в потусторонний мир?

Тем временем, было три часа по полудни. Пуласки сидел с горой дел в конференц — зале учреждения. Ханна, белокурая ассистентка главного врача в очках в роговой оправе, была вынуждена позаботиться о нем и неохотно снабжала Вальтера свежим кофе, сэндвичами с яйцами и сыром, и пачкой сигарет «Эрнте 23», которую где — то достала для него.

Пепельница была заполнена окурками от сигарет. Хотя окно было открыто, в помещении висел дым. Был теплый сентябрьский день. Солнце стояло еще высоко, и огромные липы снаружи шумели на ветру. Где — то тарахтела газонокосилка. Время от времени сквозняк приносил внутрь запах листьев и свежее — скошенной травы. Но Пуласки был слишком сильно занят документами, чтобы прогуливаться в парке.

Мобильный телефон постоянно звонил. Либо это был Хорс т Фукс, руководитель отдела, который нервировал его ежечасными вопросами, то кто — то из прессы, которая между тем узнала, что произошло, то это были коллеги — криминалисты, то прокурор, который хотел иметь на своем столе только веские факты, прежде чем передаст дальше заявление в суд. Но как Пуласки мог иметь на руках твердые доказательства без ордера на обыск? То же самое, что тянуть кота за хвост! Как всегда!

Тем временем, весь персонал знал, что произошло в комнате двадцать семь. Генрих Вольф, медицинский директор, с неуклюжим видом медведя гризли, уже привлек всех адвокатов клиники, которые смотрели за каждой манипуляцией Пуласки. Благодаря вмешательству Фукса, Пуласки мог просматривать документы в конференц — зале без горстки адвокатов, следующих по пятам. Но как долго? По его прибытии этим утром, врачи удивлялись, почему он не притащил за собой на буксире дюжину коллег.

Между тем, они хотели бы видеть его как можно скорее за стенами учреждения — и чем большее количество неудобных вопросов Пуласки задавал и чем большее количество документов хотел просмотреть, тем непроницаемее была стена молчания. Пока он сидел здесь и читал первые дела, политическая игра за его спиной уже шла полным ходом. Вскоре в дело был вовлечен обер — бургомистр Маккленберга, и как только первые машины прессы припарковались перед дверью и репортеры включили свои камеры, с тишиной было покончено. Ведь впереди маячили региональные выборы. Дурацкое время для убийства в земской клинике.

Пуласки не однажды испытывал, как начатые расследования неожиданно утекали в песок, потому что прокурор неожиданно останавливал процесс и объявлял во время пресс — конференции, что так называемые «интенсивные» поиски подтвердились самоубийством как причиной смерти. Иногда следователи сомневались в официальной версии, но они, прежде всего, исполняли свою работу, особенно когда прокуратура получала ордер Министерства Юстиции. Все это было неправильно, но так случалось.

Здесь намечался похожий театр марионеток на заднем плане. Речь шла об играх власти и интригах, хорошем статусе учреждения, распределении должностей и зарплаты, и об огромных суммах поступаемых налогов, которые годами исчезали в клинике. Тот, кто имел к этому отношение, сидел на более толстом суке и Наташа, девушка с незатейливой короткой прической, восточноевропейскими чертами лица и веснушками на курносом носу, сидела на самом коротком из имеющихся сучков. Сирота без родственников, которая в течение уже десяти лет жила в психушке. Ее смерть никого не огорчала и в глазах многих политиков поднимала только лишнюю пыль. Пуласки считал по — другому.

Тем быстрее он должен был пробиться через гору дел, где хотел найти первые конкретные следы и связи, прежде чем Фукс позвонит снова. И это могло быть скоро.

«Складывай свои вещи и приезжай в участок. Я только что говорил с начальником полиции. Дело закрыто».

Пуласки чувствовал, что в этом учреждении что — то было недоброе. Ему нужно было посмотреть в глаза бородатому, циничному медицинскому директору Вольфу, чтобы узнать,

что тот утаивал.

Когда в дверь постучали, Пуласки как раз тушил в пепельнице следующую сигарету.

Ханна на мгновение вздрогнула и отступила назад перед облаком дыма, а затем прошла с двумя толстыми папками в комнату, которую Пуласки вскоре переоборудовал в следственный офис.

— Вам нужно меньше курить.

— Спасибо, я знаю. Курение и астма уживаются как огонь и бензин — по меньшей мере, так говорит моя дочь. — Пуласки улыбнулся. Другие коллеги от души заливали свое разочарование и тяготы от работы, и уже к обеду были мертвецки пьяны. По крайней мере, он питался вегетарианской пищей, регулярно занимался спортом и не притрагивался к алкоголю. Вальтер обещал это своей дочери и придерживался этого. Как родителю одиночке ему приходилось идти на компромиссы. Единственным пороком оставались сигареты и черный кофе литрами — его способ справляться с профессиональной нагрузкой и частными ситуациями.

— Что есть для меня?

Ханна положила папки на стол.

— Поименный список всех служащих и пациентов с приложением основных данных.

— Это было быстро. Я не ждал даже шести часов, — ответил Пуласки. — Медицинские записи есть?

— Директор Вульф не выдает их на вынос.

Врачебная тайна! Пуласки придется надавить на прокурора. Ему необходимы карточки больных, в частности, карта больного Наташи Соммер.

— О скольких людях мы говорим? — спросил Пуласки.

— Двадцать врачей, четырнадцать терапевтов, двадцать санитаров и медицинских сестер, пять социальных работников, семьдесят пациентов и примерно десять человек обслуживающего персонала.

Хорошо запоминается! Пуласки открыл первую папку и раскинул на столе листы как игральные карты. Сто сорок человек. Фукс сказал бы о ста сорока свидетелях.

Пуласки считал по-другому.

Для него это были сто сорок подозреваемых.

Проверка досье ни к чему не привела. Наибольшее количество людей из прислуги: вахтеры, поварихи, садовники, электрики, уборщицы, жили поблизости от учреждения, в Дёлице, Кнаутхайне или Гросдеубене и уже минимум как по десять лет были заняты в «Каменном колоколе». С врачами-специалистами и терапевтами обстояло также. Большинство уже владели инвентарным имуществом. Напротив, у воспитателей и медсестер господствовали приход и уход. Казалось, в этой области было принято переходить из одного учреждения в другое, потому что перегорали.

Медицинский директор занимал особое положение. Насколько мог отследить Пуласки, он появлялся после каждых выборов нового директора. Представление этой должности было полностью событием политической важности и Пуласки совсем не хотел размышлять об этом, чтобы в нем не поднялась желчь.

После того, как он закрыл папку, Вальтер посвятил себя листам с основными данными пациентов, которые были значительно показательнее. Он бегло просматривал возраст, имена, места рождения и карты болезни семидесяти пациентов и рассматривал их фотографии. Большинству пациентов было меньше двадцати пяти и они были женщины. Все

носили больничную одежду в синий горошек — девушки платья, мужчины брюки и рубашки. Ни джинсов, ни пуловеров, толстовок или костюмов для занятий бегом от «Каритас» или «Красного креста». Индивидуальности места не было.

Как оказалось, «Каменный колокол» был специальной клиникой для жертв плохого обращения при рассеянном расстройстве личности. Почти только пациенты длительной терапии. Едва ли кто-то находился в учреждении меньше пяти лет. Несмотря на солнечные лучи, у Пуласки по спине пробежал холодок. Он снова подумал о последних строках Наташи.

«Стены приближаются. Я больше не выдержу в этой комнате. Всегда есть другие, которые по ночам приходят ко мне. Промежутки становятся короче. Они приходят снова и снова. В темноте. Эти страдания!»

Обратная сторона записки звучала более показательно.

«Я виновата в том, что они должны все это делать со мной. Я всегда пытаюсь быть хорошей, но внутри себя я злая, грязная шлюха».

В принципе, каждый в учреждении был достаточно достойным доверия, чтобы достаточно близко подойти к Наташе и убить ее. Убийца должен был сначала напоить девушку бутылкой джина, чтобы затем управиться с двумя шприцами. Майка, судебный медик, узнает при вскрытии, ввела ли себе Наташа сначала болеутоляющее и затем наглоталась джина или убийца сначала напоил ее и сделал послушной, чтобы потом дать шприцы.

В двери постучали. Пуласки посмотрел вверх. В помещение вошла привлекательная женщина средних лет. Она не выглядела как адвокат.

— Вы хотели со мной поговорить?

Пуласки вопросительно на нее посмотрел.

— Я хотел?

— Доктор Соня Виллхальм, я... была терапевтом Наташи.

Пуласки поднялся.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Она остановилась. Когда женщина отвортила нос, Пуласки понял. Он посмотрел на полную пепельницу. Сразу две зажженные сигареты дымились рядом.

— Мы можем поговорить в саду, — предложил он. — Мне не мешает пройтись.

Она осмотрела его критическим взглядом.

— Определенно, нет.

Доктор Виллхальм напоминала ему жену. У нее были черные волосы, заколотые в высокий узел, с седыми прядями по бокам, солнечные очки в волосах, и бижутерия на блузке и запястьях, как носила Карин.

Когда они шли по гравиевой дорожке, доктор Виллхальм подала ему папку.

— История болезни Наташи?

Она изумленно покачала головой.

— Полная история Наташи занимает пять толстых папок. Это только текущие бумаги: история болезни, терапия, назначения медикаментозного лечения, записи медсестер и течение болезни за последние два месяца.

Удивленный Пуласки взял документы.

— Откуда такая честь?

— Я знаю прокурора, — объяснила она. — Самое позднее, через три часа, так или иначе, я должна была выдать папку. Короткий телефонный разговор только ускорил дело.

— Вы — первый приветливый и готовый помочь человек, который встретился мне в этом учреждении.

— Это моя профессия. — Она по-особому улыбнулась. Чем также напомнила ему жену.

— Я могу спросить, почему вы выбрали эту профессию? — поинтересовался Пуласки.

— Конечно.

Соня долго ничего не говорила, и он уже подумал, что она оставит все как есть, но все же, наконец, женщина ответила.

— Дети — это самые слабые члены общества. Именно поэтому они часто становятся жертвами насилия и сексуального домогательства.

«Всегда есть другие, которые приходят ко мне по ночам».

— У вас есть дети?

Она покачала головой.

— Только мои клиенты. С Наташей я работала в течение семи лет. Особенно в последнее время мы достигли великолепных успехов. Она была совершенно скорректирована медикаментозно, легкая смесь успокоительных средств, нейролептиков и антидепрессантов. На этот момент она никогда бы не совершила самоубийство.

— Я знаю.

В конце гравиевой дорожки они подошли к ряду скамеек, на которых сидели несколько подростков пациентов с медсестрами. Пуласки слышал стук игровых кубиков в бокале. За этим бунгало, в тени большой липы, находилось здание с широкими окнами, которое напоминало ему детский сад. Детская психиатрия. За стеклами он видел сидящих — группу мальчиков и девочек, которые рисовали.

— Почему Наташа была здесь?

— Ну, вы можете прочитать здесь об этом. Но вкратце история болезни начинается так. В девять лет она была доставлена в клинику Бремерхафена и первично осмотрена.

Терапевт рассказала ему, что Наташа неоднократно была изнасилована. Криминальная полиция так и не нашла преступника. Так как Наташа была круглой сиротой без родственников, активировалось Управление по делам молодежи. Тем не менее, из-за тяжелого травматизма органов Наташи, власти были против опеки приемными родителями и хотели передать девочку после физического выздоровления под надзор детского дома. О ней бы заботились «Красный Крест» и «Детские деревни»^[5], но различные медицинские заключения препятствовали передаче. После войны между органами власти, которая длилась почти восемнадцать месяцев, клиническая картина болезни Наташи была установлена окончательно. Она страдала множественным расстройством личности и нуждалась в психотерапии и из-за попыток самоубийства — в ежедневном уходе. Было только два специализированных учреждения для таких случаев, клиника в Геттингене, где на тот момент не было свободного места и Маркклеберг.

Они прошли мимо клумбы с розами. Доктор Виллхальм оторвала цветок и, погруженная в мысли, растерла листья между пальцами.

— С этого времени я работаю с Наташей. — Она понюхала розы.

— Вы узнали, что произошло с ней в девять лет?

Виллхальм покачала головой.

— Девушки в некоторой степени жизнеспособны, чтобы справиться с повседневной жизнью, и часто это бывает труднее, чем проработывать прошлое. Наташа пережила три попытки самоубийства, которые были три года назад.

Пуласки подумал о длинных шрамах на запястьях.

— В хорошие дни у нее был такой жизнерадостный характер, — улыбнулась Виллхальм, — поэтому мы и назвали ее так.

Пуласки вопросительно посмотрел на нее.

— Соммер, Наташа Соммер ^[6], — объяснила она.

— Это было не настоящее ее имя?

— Нет. — Виллхальм усмехнулась, вспоминая о девушке в ту пору. — Мы назвали ее так из-за большого количества веснушек на носу.

— И как звучало ее настоящее имя?

Доктор Виллхальм неожиданно остановилась и пристально посмотрела на Пуласки.

— Вы разве не знаете?

Пуласки ответил отрицательно.

— Я же только говорила, что она была круглой сиротой. До сегодняшнего дня мы не знаем ни о ее происхождении, ни истинную личность.

Пуласки прикинул. Восточноевропейские черты лица.

— Она уже говорила по-немецки, когда обратилась в клинику в Бремерхафене?

Виллхальм грустно посмотрела на него.

— До самой своей смерти Наташа не сказала ни слова.

Пока они возвращались к учреждению, Пуласки вытащил из внутреннего кармана пиджака письмо Наташи. До сих пор он не показывал письмо никому, кроме своих коллег. Но предчувствие говорила ему, что он мог доверять Соне Виллхальм.

— Что вы об этом думаете?

Терапевт вытащила из сумочки футляр и надела узкие очки для чтения. Она внимательно изучала строки.

— Это почерк Наташи.

— Я знаю, — ответил Пуласки.

Доктор Виллхальм покачала головой.

— Нет, вы понятия не имеете, о чем я говорю. Я думаю, что это писала она сама, а не одна из ее субличностей.

— Говорите дальше, — сказал Пуласки.

Она снова надела очки.

— Перерывы в течение последних лет были все реже. Трудно определить у немой пациентки, когда она находит сама себя. Наташа стабилизировала свою индивидуальность. Поэтому я и удивилась сегодня утром, когда узнала, что девушка покончила с собой.

«И вместе с тем, она была права», — подумал Пуласки.

— Что вы думаете о намеке на сексуальное насилие? Это продолжалось в клинике?

Виллхальм решительно тряхнула головой.

— Меня это просто приводит в недоумение. Несомненно, это писала Наташа. Но ни содержание, ни подбор слов ей не подходят. Никто в учреждении ни тронул бы Наташу и пальцем.

— Насколько вы в этом уверены?

— Ну, конечно, насколько я знаю, вы рассматриваете меня так, как будто я напоминаю вам кого-то, кого вы, вероятно, недавно потеряли. Вашу жену? Но вы носите обручальное кольцо.

Пуласки почувствовал, как ему в голову ударила кровь. Кому бы понравилось быть

исследованным?

— Я права? — цеплялась она.

Наконец, он заставил себя.

— У Карин был рак. Тем не менее, она умерла от неправильной дозировки химиотерапии. — Пуласки откашлялся. — Это было пять лет назад.

— Мне жаль.

— Нет необходимости. Скорее, должно быть жаль лечащим врачам.

Пуласки глубоко вздохнул и постарался не смотреть на доктора Виллхальм как раньше.

— Но из-за чего Наташа написала что-то подобное? У нее были видения?

Она снова покачала головой.

— Наташа не была шизофреничкой и у нее не было бредовых мыслей. Ее переживания были реалистичными. Разумеется, было раздвоение личности. Это две совершенно различные болезни.

Пуласки не хотел верить, что немой, безликой девушке, о происхождении которой никто не знал, никто ничего не сделал в учреждении. Почему тогда она написала что-то подобное, незадолго до того, как лишила себя жизни... или прежде, чем убийца побывал в ее комнате?

Наташа хотела пойти со своей историей к представителям общественности, но убийца опередил. Ее единственный шанс оставить послание состоял в том, чтобы спрятать маленький листок в своих трусиках. Только несколько строк, на большее времени уже не хватало. С этим предположением вся теория убийства действовала или рушилась.

Когда они добрались до заднего входа в учреждение, зазвонил мобильный телефон. На дисплее появился номер Майки. Возможно, она нашла первое указание.

— Извините меня, пожалуйста. — Он отвернулся. — Что у тебя есть для меня?

— Покойница не была девственницей.

А как же — Наташа подверглась сексуальному насилию впервые в девять лет.

— Это я уже знаю. Дальше! — он буквально чувствовал, что с прощальным письмом шел по правильному следу.

— Я сделала мазок. Она не была изнасилована. Никакой травмы влагалища, никакой спермы.

Это был точно ответ, который он не хотел услышать.

— И кроме того, — голос Майки изменился, и Пуласки предвидел, что его теория сложится как карточный домик, — уже как минимум в течении восьми недель у нее не было незащищенного полового акта.

Вечером Эвелин Майерс сидела в саду для гостей ресторана «Аданте» в центре Вены и пристально рассматривала цветочный орнамент на скатерти. Сначала она не услышала вопрос официанта, но затем махнула рукой. В этот раз девушка не хотела салат из морепродуктов с королевскими креветками. Он напоминал ей о Холобеке. Она только хотела сидеть здесь и ждать. Ее друг Патрик обещал, что придет как можно скорее.

Она снова думала о Петере Холобеке. Адвокат-гей, худощавый, седой, циничный, но находчивый как ведущий шоу. Он научил ее всем трюкам, которые нужно было ей знать как юристу, прежде чем впервые выйти на ринг. Она все не могла об этом думать... Ее шеф, Крагер, узнал об этом от уголовной полиции еще до того, как сообщили по радио. Якобы незадолго после того, как она позвонила Холобеку, кто-то позвонил в его дверь и он погиб в результате несчастного случая. Она не знала ничего больше. Криминальная полиция запретила передачу информации и Крагера попросили прибыть в здание Федеральной полиции на Россауер Лёнде.

— Привет, ежик!

Эвелин вскочила.

— Не называй меня так!

— О-о-ох. — Патрик скривил лицо. — Еж выпустил иголки!

Если бы вы увидели его таким, но не предположили бы, что перед вами частный детектив, а скорее модель для рекламы лосьона после бритья. Загорелый, в джинсах, в черной, плотно прилегающей рубашке, с расстегнутыми верхними пуговицами.

Он поцеловало ее в щеку, сел за стол и заказал колу-лайт.

— Чем отличаются адвокат и вампир? — он начинал как всегда одинаково.

— Пожалуйста, Патрик, — она прервала его. — Не сегодня, я...

— Вампир сосет кровь только ночью, — ухмыльнулся Патрик.

Она серьезно посмотрела на него.

Ухмылка застыла.

— Хорошо, что произошло?

Она рассказала ему о смерти педиатра, который утонул в канализационной шахте, о «Порше», о посещении «Entrez-Nous» и как вынудила вдову врача забрать обратно жалобу. Затем адвокат описала, как обнаружила девушку на фотографиях камеры банкомата. Патрик кивал. Все-таки это он отправил ей снимки, которые получил в уголовной полиции.

Эвелин рассказала о своей догадке и о том, что узнала девушку в другом случае и, наконец, упомянула о случае с подушкой безопасности своего коллеги Холобека, странный телефонный разговор с ним и сообщение о его смерти.

Все это время Патрик внимательно ее слушал, не прерывая. После того, как она закончила, он довольно долго молчал.

— Твой коллега мертв и мне жаль.

Эвелин знала, что он сказал это не просто так. Ведь мужчина знал Холобека и раньше, и знал, что тот для нее значил.

Патрик потянулся к ее руке. В этот раз она не отстранилась назад.

— И ты думаешь, что девушка на фотографии и девушка из кафе в Бад-Райхенхалле одно и то же лицо?

— Это шестое чувство у меня уже несколько дней и странное дежа-вю, как будто бы я знала эту женщину. И самое странное — перед смертью Холобек явно подчеркнул еще раз, что случаи не имели друг с другом ничего общего... и вскоре после этого умер сам.

— Умер... — задумчиво повторил Патрик. — Странно звучит из твоих уст.

— Послушай, Патрик, — она скользнула ближе. — Городской советник Пранге умер в берхтенгаденских Альпах, педиатр Кислинггер утонул по колена в сточных водах, и если я права, то девушка появлялась на обоих местах трагедии. Холобек представил дело перед судом и умер.

Патрик побледнел.

— Линни, не сходи с ума!

Она наклонилась вперед.

— Ни в твоей, ни в моей работе нет совпадений. Ничего не происходит без причины. — Эвелин долго смотрела на него. — Ты можешь узнать о подоплеке смерти Холобека?

— Как быстро тебе это нужно? Я...

— Быстро.

Патрик скривил лицо в несчастной мине.

— Именно сейчас? В данный момент у меня есть два задания по слежке.

— Пожалуйста.

— Как я могу сопротивляться этим рыжеватым глазам? — он подумал. — Альт-Эрл... За двадцать третий район южного округа отвечает отдел Бернекера. Цепной пес, но я его знаю. Возможно, через несколько часов буду знать больше. Если... — Он откинулся назад, провел пальцами по волнистым и уже седым волосам на висках, и принял тот вид, который всегда изображал из себя. И как будто этого было еще недостаточно, мужчина поднял воротник рубашки. Это выглядело более, чем смешно, но он по-прежнему выглядел дьявольски отлично, как и его отец. Тем не менее, оба жили как кот и собака.

— Если что?

— Если я смогу уговорить тебя на романтический ужин при свечах.

— Я думала, ты работаешь над двумя заказами со слежкой?

— Но не ночью... — Патрик нахально подмигнул.

Она застонала.

— Патрик, пожалуйста. Как ты можешь думать сейчас о чем-то в этом роде?

— Мне приходится думать об этом каждый раз когда я тебя вижу. — О, Боже, как отец.

— Нет! Забудь об этом! Достань мне лучше отчет полиции.

— Как хочешь, — Патрик снова опустил воротник. — И ты в это время достанешь дело о случае с подушкой безопасности. Возможно, все это только ложная тревога, а женщина из кафе — жирная и пятидесятилетняя с перекошенным лицом.

— Мне от этого не легче. Крагер держит его в своем офисе под замком.

Патрик ухмыльнулся.

— Тогда тебе придется обольстить моего отца.

После встречи с Патриком Эвелин поехала домой и покормила своих кошек, прежде

чем отправилась в канцелярию. Ее желудок урчал, но аппетит основательно прошел несколько часов назад. Она все еще не могла поверить, что Холобек мертв.

Печальная весть с быстротой молнии облетела канцелярию. Большинство уже ушли, с поникшими головами, и раньше, чем обычно. Эвелин сидела с кофейной чашкой на кухне. Твити и Сильвестр улыбались ей. «Сделай их плоскими, иначе они сделают плоскими тебя!» — подумала она. Но понимание этого пришло к Холобеку слишком поздно.

Тем временем, кофе остыл. Эвелин ждала возвращения Крагера из криминальной полиции. Если он когда-нибудь узнает, что она встречалась с его сыном и рассказывала ему о деталях корпоративных дел, он бы основательно намылил ей шею. Если бы даже не уволил.

Крагер и его сын Патрик любили друг друга как два скалящих зубы ротвеллера на собачьих боях. Раньше было по-другому, но Патрик покинул канцелярию, чтобы стать частным детективом, и они избегали друг друга, как будто оба были носителями вируса Эбола. Каждый утверждал о другом, что тот лживый сукин сын. Возможно, оба ошибались, но, может быть, и нет.

Эвелин услышала на лестничной клетке металлическое грохотание лифта. Секундой спустя, в двери забренчал ключ. Это был Крагер. Узел его галстука был свободным, и он основательно нервничал. Снаружи уже смеркалось и между тем, он и Эвелин были в канцелярии одни.

Крагер прошел мимо кухни.

— Что вы еще здесь затеваете?

Не дожидаясь ее ответа, он пошел к своему офису.

— Вчера — праздник, двадцатипятилетие «Крагер, Холобек энд партнеры», а сегодня это! Идите домой и отдохните, — крикнул шеф ей через плечо.

Эвелин последовала за ним.

— Я хотела спросить вас...

— Вы хотите знать, что сказали в полиции? — прервал он ее. — Холобек упал с балкона, больше я ничего не знаю.

С балкона? Эвелин на мгновение остановилась. Пентхаус находился на двадцать третьем этаже.

— Самоубийство? — спросила она.

— Служащие уверены, что это был несчастный случай. Вероятно, завтра этим будут заполнены все газеты. Больше я не могу сказать вам, Эвелин. В данный момент я по уши увяз в делах.

Крагер открыл дверь своего офиса и шагнул внутрь. В течение следующих дней ему предстояло заняться дюжиной официальных каналов — прежде всего потому, что у Холобека не было родственников. Если и был какой-то неблагоприятный момент, чтобы спросить его, то это было сейчас. Эвелин не могла ждать.

Она вступила в офис.

— Я бы хотела попросить вас об одолжении.

Крагер взглянул вверх.

— Вы хотите предложить мне партнерство младшего совладельца фирмы?

Эвелин сглотнула. Даже в такое время он не потерял свое чувство юмора.

— Я хочу ознакомиться с делом Холобека «Пранге против «Austrobag GmbH».

— Случай с надувной подушкой безопасности? — Крагер наморщил лоб. — Зачем? Дело проиграно. Вы получили согласие подзащитной?

— Нет, я только хотела...

— Доверительница очень просила держать случай в тайне. Условие конфиденциальности запрещает мне разглашение, чтобы передать документы вам даже на секунду, вы это точно знаете! Мне жаль.

К счастью, он не знал, что она обсуждала дело в «Анданте» с Холобеком. Иначе, Крагер бы полез в бутылку.

Шеф взял из сейфа несколько документов. Взгляд Эвелин упал на выписки и папку с договорами.

— Сейчас я еще встречаюсь с кучей репортеров, которые хотят составить некролог Холобека. Завтра утром я должен обсудить случай смерти с нотариусом, затем в палату адвокатов, обсудить представителя для текущих процессов и затем распорядиться о похоронах. — Он застонал. — Кроме этого, произвести изменение в реестре юридических лиц.

С этими словами Крагер вытолкнул ее из своего офиса.

«Пожалуйста, не закрывай дверь», — подумала она, когда стояла вместе с ним в дверях.

— Если я как-нибудь могу помочь вам, тогда...

— Нет необходимости, Эвелин. Спасибо.

Он запер дверь и опустил ключ в карман своих брюк.

Эвелин выглядывала из окна кухни и при этом внимательно прислушивалась к грохотанию лифта, на котором Крагер ехал на первый этаж. Ночное уличное движение тянулось через центр города. Световые рекламы превращали темноту в пестрое море огней. Ее отражение в стекле выглядело уставшим. Как всегда говорил ее отец? «Не волнуйся, от больших размышлений ты получаешь только морщины».

Когда мобильный телефон издал пронзительный звук, она вздрогнула. Это был Патрик.

— Что ты узнал? — спросила она.

— Твой коллега спланировал с балкона.

Как деликатно!

— Это я уже знаю, какие-нибудь детали?

— Не по телефону.

— Снова начинаешь про ужин при свечах?

— Нет, дело не в этом. Документы о о которых мы говорим, просто так не покупают в киоске и не обсуждают по телефону.

— Скажи мне хотя бы, был ли несчастный случай!

Патрик вздохнул.

— Да, но если криминальная полиция ошибается, то твоего коллегу так хитроумно убрали с дороги, чтобы это так выглядело. — Он прервался. — Что ты узнала о девушке из кафе в Бад-Райхенхалль?

Она посмотрела в коридор на закрытую дверь Крагера.

— Ничего.

— Как ничего? — вырвалось у Патрика. — Пока я пускаю в ход все средства и узнаю, как твой коллега спрыгнул с перилл, ты даже не приблизилась к паршивому делу?

— Мне придется выломать дверь в кабинет твоего отца, а моя подготовка в лагере «Фракции Красной Армии»^[7] уже давно закончилось.

Он засмеялся.

— По крайней мере, ты не потеряла своего юмора. Ты еще в офисе?

— Да, но не долго. Либо я еще побегаю трусцой вокруг, либо поеду домой и начну читать новую книгу.

— Оставайся там, — попросил Патрик. — Я приеду к тебе. Во-первых, хочу показать протокол этой мнимой аварии, и во-вторых, у меня есть запасной ключ от офиса моего отца.

Глухой звон «Каменного колокола» доносился из капеллы парка. Вальтер Пуласки слышал только тихие удары из-за толстых стен. Он сидел в подвале здания психиатрии. Якобы только в этом незаконном помещении имелся единственный видеоманитофон, но он знал, что врачи отправили его в подвал, чтобы от него освободиться. Ему это было безразлично, до тех пор, пока детектив мог просматривать записи камер наблюдения.

Час назад Вальтер позвонил своей дочери, чтобы сказать ей, что в этот раз вернется домой позже. Уже давно было за полночь, но здесь, внизу, во влажном и плесневелом, воняющем известью помещении с простирающимися отопительными трубами, это и без того не имело значения. Пуласки сменил видео кассету. В таком старом здании, так же по старинному работало и видео наблюдение. Никакой цифровой системы на сервере с дюжиной жестких дисков, датчиками движения и сорока восьми часовым наблюдением. Часы здесь шли иначе. Три камеры, смонтированные у ворот учреждения, снимали от заката до рассвета. Ночной портье менял видеокассеты каждые четыре часа. Если не было никаких особенных происшествий, съемки перезаписывались каждые два дня.

В этот раз, инцидент был. Кто-то прозевал чрезмерно предательскую дозу болеутоляющего Наташи Соммер. В этом у Пуласки не было никаких сомнений, даже если он до сих пор не нашел мотив для убийства. Кроме него до этого никому не было никакого дела; ввела или нет внутривенно чрезмерную дозу сама себе немая девушка, имя и личность которой никто не знал. Без мотива было сложно оправдать подозрение в убийстве перед прокурором. Кому пришлось погасить свет для девушки, которая уже десять лет незаметно сидела в психушке? До сих пор прощальное письмо Наташи было для Пуласки самым важным показателем. Но после того, как в первых результатах судебно-медицинского обследования ничего не указывало на насилие или внешнее применение силы, содержание прощального письма умственно невменяемой девушки было пересмотрено и улики детектива испарились как дым на ветру.

Кроме того, этот пижон, прокурор, не передал дальше ни заявление на ордер в суд, ни согласился с ознакомлением с историей болезни или допросом пациентов. Очевидно, он видел дело иначе, чем Пуласки. Или политики боялись, что могло подняться слишком много негативной информации?

Тем более дело действовало Пуласки на нервы. Он не знал точную причину. Либо это были восточноевропейские черты лица девушки, которая, возможно, была родом из Украины и напоминала ему о происхождении его родителей, либо просто факт, что нежная и хрупкая Наташа была только на несколько лет старше дочери детектива.

После смерти жены было не просто растить девочку без посторонней помощи. К тому же, при его работе. В данный момент двенадцатилетняя девочка сидела только дома, переключая программы телевидения и ждала Вальтера, даже если он заставлял ее идти спать.

Погруженный в мысли, детектив открыл бумажник и рассматривал фотографию своей дочери. «Если бы тебя кто-то убил тысячей миллиграмм парацетамола и замаскировал это как самоубийство, на ногах была бы вся уголовная полиция Лейпцига — клянусь тебе в этом». У Наташи не было никакого давления со стороны общественности. Наоборот. Хотели сунуть дело в стол и, так как часто амбиции были большими, закрыть дело, чем ускорить

поиски. На самом деле, было только два человека, у кого болело об этом сердце: у него самого и Сони Виллхальм. Терапевту только пришлось выслушивать на верху нагоняй от главного врача за то, что она передала Пуласки, без согласия директора, медицинскую карту Наташи. В то же время, он будет продолжать до тех пор, пока прокурор не остановит расследование, что можно было ожидать каждую минуту.

Пуласки прокрутил съемку до конца. И не увидел на ней ничего подозрительного. Он толкнул в рекордер следующую кассету — вход с задней стороны участка, между двумя и шестью часами утра. Быстрая перемотка вперед. Камера автоматически поворачивалась по полукруглой диагонали по территории. Закрытые кованые ворота, высокие стены, гравийная дорога, липы, гнущиеся на ветру и луг, поблескивающий в серебряном лунном свете. Обычное белое мерцание в верхней и нижней трети матового экрана. Больше никакого движения.

Глаза Пуласки слезились от сигаретного дыма, мерцания экрана и неоновой лампы. Из полусна его вырвал звонок мобильного телефона. Он всмотрелся в дисплей, и желудок детектива сжался. Хорст Фукс, его шеф.

— Пуласки, ты все еще в психушке?

— Да, — прохрипел он. Бесплезно объяснять шефу разницу между психиатрической больницей и психиатрической клиникой с раздвоением личности.

Цифры на экране фиксировали время. 3:15:47. Ветви могучей серебристой липы трепыхались на ветру. Белые полосы на экране дергались вверх и вниз.

— У меня как раз был интересный разговор. Телефонная конференция. — Голос Фукса звучал скрипуче, очевидно, он говорил по громкой связи. — Судебный следователь, адвокат клиники, мэр, начальник уголовной полиции, и прокурор Колер.

Прокурор Колер! Детектив ненавидел пижона.

— И?

3:16:51. Кроме мерцающих белых полос на экране не видно никакого движения.

— Криминалисты нашли только отпечатки пальцев малышки на уликах. Кроме того, никакого насилия, никаких признаков применения силы...

— Расскажите мне что-то новое, — Пуласки пил глотками холодный кофе.

3:18:31. Только ветер.

— Что-то новое? — рявкнул Фукс. — Ты расскажи мне что-то новое! Что ты вообще вообразил — предложил прокурору открыть все медицинские записи, не сообщив мне об этом первому? Медицинский директор и главный врач клиники уже жаловались на тебя. Ты разбушевался в клинике...

С каких пор сотрудник уголовного розыска свирепствует?

— ... и ты вынудил терапевта малышки отдать тебе ее дело.

— Что? — Пуласки вскочил со стула. Соня Виллхальм дала ему документы добровольно. Что за хрень здесь происходит?

— Во всяком случае, Колер оценивает положение вещей иначе, чем ты. Процедура прекращена. Он выдал труп для похорон. Сворачивайся. Предварительный и, вероятно, также окончательный приговор судебного медика звучит как самоубийство.

Пуласки пролил кофе, когда наспех поставил кружку на стол, чтобы схватить пульт телеуправления. В тот момент, когда камера на стене повернулась, что-то двигалось в правой части экрана.

— Ты меня услышал? — орал в трубку Фукс.

— Что? Я не понял ни слова... — Пуласки остановил запись, перемотал и нажал «пуск». На этот раз Фукс еще более раздраженно повторил свои слова.

Пуласки слушал только ухом. Глазами он уставился в монитор.

3:22:39. Фигура неуклюже взобралась на стену. Когда камера снова вернулась на место, было просто видно, как человек шел в тени лип через лужайку к заднему входу в учреждение.

— Что..? — вскрикнул Пуласки. Он царапал ногтем по микрофону мобильного телефона. — Связь... я не понял тебя... — Другой рукой детектив перематывал съемку еще раз на то место, где фигура влезала на стену.

— Никаких дальнейших расследований, дело закрыто! — кричал Фукс. — Алло..? — бушевал Фукс.

— Связь... — шепелявил Пуласки. Теперь он держал телефон в стороне и тер пальцем по микрофону. — Я думаю, я... — Затем он прервал связь и выключил мобильник. Да пошли-ка знаешь куда, Фукс, прокурор, политики и адвокаты.

Он пристально смотрел на неподвижное изображение монитора. На краю экрана человек перекидывал туловище через стену. В лунном свете можно было кое-что узнать: пожилого мужчину с седыми волосами.

Десять часов ночи. Коридоры канцелярии «Крагер энд Холобек и партнеры» погружены в темноту. Только в кухне горел приглушенный свет. Эвелин Майерс только что включила радио громче. В последних новостях упоминалось о трагической гибели Холобека. Однако, пресс-секретарь только сказал, что адвокат опрокинулся через балкон и сразу умер. Эвелин нервно выключила приемник. Узнает ли она об этом больше?

Наконец, она услышала грохот лифта на лестничной клетке. Двери со звоном открылись. Вскоре после этого в замке забренчал ключ. Патрик просунул голову в щель двери и осторожно осмотрелся, прежде чем вошел.

Эвелин включила свет в вестибюле.

— Ты можешь входить, заячья душа, я одна...

Он закрыл за собой дверь.

— Ты знаешь, что потеряешь работу, если нас поймают мой отец.

— Сейчас у него другие заботы.

Патрик поцеловал ее в щеку. От него всегда хорошо пахло лосьоном после бритья, даже если он целый день разъезжал — одна из многих мелочей, которую она в нем любила.

— Как твои заказы по слежке?

— Очень хорошо. Одна женщина дома с детьми, другая получила пиццу и взяла в видеотеке два фильма напрокат... «Лестница Иакова» и «Кошмары на улице Вязов. Ручаюсь, она проведет ночь под одеялом.

Патрик проследовал за ней в офис. Он был одет в ту же одежду, что и вечером, когда она с ним встретила в «Аданте»: джинсы и черную, плотно облегающую рубашку. Шариковая ручка торчала из нагрудного кармана. Кроме того, он держал в руке папку.

— Полицейский протокол? — спросила она.

— Предварительный отчет о расследовании, — поправил он ее. — Мой осведомитель в команде Бернекера выманил у меня за это сто пятьдесят евро.

— Я возьму их тебе.

— Нет необходимости, — ответил он. — Ты должна мне ужин.

— Обед при свечах, я знаю, — вздохнула Эвелин. — Но только если информация этого стоит.

Мужчина поднял одну бровь.

— Бернекер и его коллеги узнали не много, но достаточно, чтобы закрыть дело с пометкой «Несчастный случай».

— Выкладывай.

Он разложил документы на ее письменном столе: фиксация следов и места происшествия, протоколы свидетельских показаний, первые результаты судебно-медицинского обследования, огромное количество эскизов и фотографий. Эвелин перевернула фотографию обратной стороной, чтобы на нее посмотреть. Она могла себе представить, как выглядел Холобек после падения с двадцать третьего этажа.

Патрик склонился над документами.

— Вот что случилось... — прошептал он, хотя они были одни. — В три часа дня Холобек стоял на балконе. Он очищал пылесосом обе клетки своих канареек, которые висели под открытым небом на потолочном крюке. При этом он балансировал на офисном

кресле с зажимными роликами. Солнце ярко светило и не было ветра. Он чистил решетку тряпкой для пыли. Должно быть, одна из канареек пролезла через открытую решетку, Холобек хотел схватить ее, при этом поврежденные стопорные планки стула оторвались, кресло покатило и твой коллега начал двигать руками. Он хотел ухватиться за птичью клетку, оторвал ее от крючка и упал вместе с ней через перила балкона. Когда Холобек упал вниз, то ударился головой о птичью кормушку. От его лица больше не...

— Спасибо, я могу себе это представить, — прервала его Эвелин. Она нажала кнопки функций меню офисного телефона и проверила время последних разговоров. — Я позвонила в два пятьдесят три, незадолго до того, как произошло несчастный случай. Он довольно напряженно говорил, затем позвонили в его дверь. Холобек открыл, затем связь умерла.

— Холобек тоже, — сказал Патрик.

Как чутко!

— Если это соответствует тому, что ты говоришь, — предположил Патрик, — посетитель должен был находиться в квартире и видеть то, что случилось.

— Или посетитель был причиной несчастного случая. — Эвелин потерла виски. — Я должна поговорить с полицией.

— Забудь об этом, — Патрик порылся в записях, — ни швейцар, ни жители соседних апартаментов никого не видели. Кроме того, квартира Холобека была закрыта.

Эвелин указала на телефонный дисплей.

— Но я могу доказать, что говорила с ним непосредственно перед смертью — и у двери кто-то был.

— Мобильный телефон или стационарный?

— Мобильный.

— В квартире не было найдено никаких мобильных телефонов, — ответил Патрик.

Эвелин задумалась.

— Тогда убийца взял его с собой.

— Убийца? Ты делаешь поспешные выводы. Может быть...

— А, может, и нет, — прервала она его. — Мы это выясним.

Она включила громкую связь своего телефона и набрала номер мобильного телефона Холобека. Пока из динамика звучал сигнал вызова, они напряженно смотрели на аппарат.

Наконец, на линии затрещало. Кто-то поднял трубку. Они услышали робкое дыхание человека.

Патрик кивнул Эвелин, но прежде чем она смогла что-то сказать, они услышали женский голос с северогерманским акцентом.

— Лиза. Привет? У меня твой вызов, он... — женщина запнулась.

Сердце Эвелин забило быстрее.

— С кем я говорю?

Пуласки подвинулся ближе к матовому стеклу. С помощью технических средств в этом подвале он мог распечатать изображение или сохранить его в файл. Мерцающее изображение пожилого мужчины, который незаконно забрался в учреждение за несколько часов до смерти Наташи — было всем, что у него было.

Если речь шла о седоволосом убийце Наташи, то он до сих пор шел по ложному следу. Убийца не принадлежал к персоналу учреждения, а появился снаружи. Было ли что-то абсолютно другое за смертью Наташи, чем он до сих пор предполагал?

Возможно, седой не в первый раз вломился в учреждение...

Это стоило усилий. Пуласки пристально смотрел на отключенный мобильный телефон. Определенно, Фукс с вздутыми шейными артериями и пунцовым лицом как раз пытался достать его. У Вальтера оставалось немного времени до тех пор, пока машина коллег припаркуется перед входом, чтобы его забрать. Но сначала ему нужно было узнать несколько вещей.

Он включил мобильный телефон. Три вызова за время отключения. Он не ожидал, что Фукс будет таким настойчивым. Прежде чем тот снова позвонил, Пуласки набрал номер округа.

Ответил Мальте, один из его коллег. Его голос стал резким, когда детектив заговорил.

— Пуласки? Шеф пытается тебе...

— Послушай! — он прервал его. — Мне нужна система запросов. Это срочно.

Мальте довольно долго молчал.

— Шеф бушует так, что прогибаются офисные стены.

Пуласки слушал его.

— Забудь его на минуту. — Он пристально смотрел на изображение седоволосого. — Прокурор Колер закрыл мое дело! Он ошибся! Но есть возможность того, чтобы я снова сдвину расследование с мертвой точки.

Он слышал дыхание Мальте на другом конце провода и представлял себе, как работали маленькие колесики его мозга. Щелчок, треск... клак, клак. Если речь шла о том, чтобы нахлобучить прокурору, некоторые из коллег оказывались в одной упряжке.

— Какой запрос?

— ЗАГС.

— Нет, дерьмо, я этого не сделаю, — прошипел Мальте в телефон.

Господи Боже! Пуласки сжал кулак так, что хрустнули костяшки пальцев. Почему именно у юного пукалки Мальте было ночное дежурство?

— Я дам тебе свой пароль и свой служебный номер. Ты откроешь новый код подразделения и зарегистрируешься для стандартного запроса в системе ЗАГСа.

Мальте молчал. Щелчок... клак.

— А если они меня поймают?

— Мой пароль, мой служебный номер, — ответил Пуласки так спокойно, на сколько было возможно. Это было не так трудно понять!

— Подожди минутку, — наконец, прошептал Мальте. — Я сменю телефон и переключу тебя на другой офис.

Минутой позже разговор был закончен. Мальте позвонит ему, как только будет ответ на

запрос. Пуласки поставил телефон на беззвучный режим.

Пока он пристально смотрел на мерцающее изображение, то лихорадочно размышлял. Был только один человек в пределах учреждения, который мог бы ему помочь. Терапевт Наташи.

Вальтер покинул подвал и побежал вверх по лестнице. От стен эхом отдавался стук его ног. Тем временем, начался ночной сон. В коридор мерцал только слабый и необходимый свет. Ему нужно было найти Соню Виллхальм. Ее офис был закрыт, также как и офисы главного врача и медицинского директора. В комнате отдыха сидели только две сестры, у которых была ночная смена, пили чай и решали sudoku.

Прежде чем Пуласки обратился к ним, он случайно взглянул сквозь высокое окно лестничного пролета на стоянку служащих. Только что открылась дверь бокового выхода. В свете фонаря Соня Виллхальм шла к своей машине. Цокот ее туфель на шпильках проникал через открытое окно.

— Мы можем вам помочь? — спросила одна из сестер. Другая хихикала.

— Нет необходимости.

Пуласки устремился на улицу и достиг терапевта прежде, чем она села в машину.

— Боже мой, вы запыхались.

— Я знаю, мне... нужно бросить курить. — От приступа кашля у детектива на глазах выступили слезы. Он оперся на машину одной рукой, а другой вытащил из кармана аэрозоль, энергично потряс и вдохнул его.

— У вас астма?

Вальтер вытер слезы.

— Мне нужна ваша помощь... только одну минуту, — пыхтел Пуласки.

Она с сожалением его рассматривала.

— Думаю, я уже достаточно вам помогла. Главный врач прочитал мне нотацию за то, что я дала вам больничную карту Наташи без согласования.

— Я думал, что вы знакомы с прокурором Колером и обсудили с ним, что я могу ознакомиться?

Она скривила лицо так, как это всегда делала его жена, когда ей было немного неприятно. В это мгновение Вальтер понял, что дело произошло совершенно иначе, чем он предполагал.

— Прокурор Колер, — она глубоко вздохнула, — мой бывший муж.

Пуласки подумал, что ослышался.

— Вы и он... — Мужчина остановился.

— Пижон..? — помогла ему она.

От повторного приступа кашля у Пуласки на глазах выступили слезы. Эта женщина могла достать! Он снова вздохнул.

— Если вы хотите выразиться так... — Прохрипел он.

— Я надеюсь, вы не имеете ничего против, если я его обозначу так. Очевидно, вы хорошо его знаете. Я не должна вас обманывать.

— Определенно, нет. — Пуласки глубоко дышал. Он думал о коллегах в участке. — Во всяком случае, вы не одна так думаете.

— Прекрасно. — Она усмехнулась. — Так как умершей была одна из моих клиенток, я проинформировала его по телефону о том, что буду сотрудничать с уголовной полицией и предоставлю ее представителям в распоряжение все документы. — Женщина улыбнулась. —

Естественно, он рвал и метал.

— Ваш бывший муж взял вас под защиту, во всяком случае, утверждал, что я заставил вас вручить мне документы.

Врач Виллхальм скривила лицо.

— На него это похоже.

— Впрочем, он закрыл дело. Официальное заключение — самоубийство.

Виллхальм вздохнула.

— Я этого боялась. Как я могу вам помочь?

— Я хотел бы показать вам изображение на камере наблюдения.

Когда они появились в подвале, дверь к помещению с видео была закрыта. Пуласки знал, что он оставил ее открытой.

Он открыл помещение и вошел. Матовое стекло было черным. Кто-то удалил ленту из видеомонитора. Сердце Вальтера бешено застучало. Он непонимающе оглядывался вокруг. Все ленты отсутствовали. Коробки, которые швейцар принес ему, также отсутствовали.

Пуласки подавлял проклятие. Какой подлец зашел в помещение во время его отсутствия?

Соня Виллхальм растерянно стояла в дверном проеме и сжимала одной рукой сумочку, а другой ключ от автомобиля.

— Как я могу теперь помочь Вам?

— Никак.

В этот момент позади терапевта появлялся директор Генрих Вольф.

— Где ленты? — закричал Пуласки.

Лицо Вольфа было спокойным.

— Вахтер позаботился об этом.

Был ли врач в своем уме?

— Это доказательства! — вырывалось у Пуласки.

— Доказательства чего? — спросил Вольф. — Только что позвонили из Вашего учреждения, что следственные действия прекращены. — Он скрестил руки за спиной. Из глаз под кустистыми бровями блестела явная насмешка.

«Один ноль в твою пользу, умник», — подумал Пуласки. Но он еще не вышел из клиники на улицу и до сих пор не сдался. Как его дочь всегда говорит? Отказываются только от предположений.

Вольф кивнул на верхний этаж.

— Я прошу Вас убрать Ваши личные документы из конференц-зала. Через четверть часа Вы уйдете. Нам нужно помещение завтра утром, и я должен подготовить еще кое-что. Вы знаете дорогу к выходу. Доброго вечера. — Он коротко обратился к врачу Виллхальму. — До завтра.

Когда Вольф исчез из помещения, у Пуласки в кармане брюк завибрировал телефон. Он ответил и уже представил нравоучения своего шефа. Но прозвучал голос другого лица, о котором он давно забыл.

— По запросу в ЗАГС. Я проверил все свидетельства о смерти, — прошептал Мальте.

Пуласки быстро посмотрел на врача Виллхальм, которая нерешительно стояла рядом с дверью. Движением рукой он показал ей не уходить.

— И?

— В психиатрии Маркклеберга имелся в течение последних пяти лет только единственный случай смерти. Пациент по имени Мартин Хорнер, девятнадцать лет. Он умер от сердечной недостаточности. Естественная смерть, никакого полицейского расследования.

Внезапно во рту Пуласки стало сухо.

— Когда это было?

— Ты не поверишь... три дня назад.

— Вы слышали. Следственные действия были прекращены, я больше не могу помочь Вам, — сказала Соня Виллхальм.

Пуласки и терапевт поднялись по лестнице из подвала наверх и стояли теперь в большом зале перед боковым выходом. За стеклянной дверью находилась стоянка служащих. Автомобиль врача Виллхальм был единственным на всей территории.

Пуласки повел ее за руку в нишу.

— У меня есть только просьба..., — прошептал он. — Мне нужна карта больного Мартина Хорнера.

Она покачала головой.

— Мартин мертв.

— Именно поэтому.

Женщина неуверенно поморщилась.

— Так я нарушаю указание своего начальника и медицинское запрещение о разглашении. Если это выяснится, я лишусь своей работы.

Вальтер думал о телефонном разговоре со своим шефом, который прервал, и о запросе с его служебным номером.

— Я уже освобожден, — ответил детектив. — Я могу сохранить место, если я по-новому разверну этот случай. И ключ для этого лежит, возможно, в деле Мартина.

Соня нерешительно посмотрела через стекло на свою машину.

— Подумайте о Наташе, — настаивал он.

— Мой бывший муж закрыл дело.

— Ваш бывший муж ошибается, — возразил Вальтер. — На одном из контрольных видео есть запись убийцы, которую удалят через несколько часов. Мне нужно получить ленту, чтобы процесс снова возобновился.

— Как я должна передать Вам карту?

— Я еще примерно десять минут буду в конференц-зале, чтобы сложить свои документы.

Она кивнула.

— Я протолкну копию под дверь.

Вальтер Пуласки ждал пятнадцать минут в конференц-зале. Стол был пуст, чемодан стоял рядом со стулом. В упаковке сигарет находилась только лишь единственная сигарета. Сегодня он выкурил полторы пачки. Курение сведет его в могилу.

Еще через пять минут последняя сигарета была также только лишь окурком в пепельнице. Между тем, он как минимум сто раз посмотрел на часы. Соня Виллхальм больше не появлялась. Возможно, она не нашла информацию. Вероятнее, тем не менее, было то, что женщина нервничала. Потерять работу в сорок пять лет было то еще удовольствие. Если ему повезет, то завтра утром он получит от Фукса временное отстранение от работы.

Наконец, он услышал шаги в коридоре. Человек остановился перед дверью. Пуласки поднялся.

Кто-то нажал на щеколду, дверь открылась, но не Виллхальм вошла в комнату.

— Вы готовы? — директор Вольф осмотрелся и надменно поднял брови.

«Вероятно, это будет потом», — подумал Пуласки. Он взял свой чемодан и перебросил пиджак через плечо.

— Готов.

— Я провожу вас.

Конечно. По дороге на улицу он же сможет еще кое-что сделать.

Пока Пуласки следовал за директором по коридору к выходу, он бросил взгляд через стеклянную дверь бокового входа. Стоянка была пуста. Машина Виллхальм отсутствовала. Ожидание было напрасным. Он обманулся в терапевте... но Вальтер мог бы поручиться, что она помогла бы ему.

Снаружи Вольф сдержанно попрощался. Между строк Пуласки думал, что услышал что-то вроде и-я-надеюсь-никогда-вас-не-увидеть. Без проблем! В доступе к учреждению ему было отказано без уважительной причины.

— Спокойной ночи.

Пуласки не ответил. Дверь за ним захлопнулась. Он пошел к своей машине. В лунном свете Вальтер увидел листок на ветровом стекле. Благодаря ночной влажности бумага немного размокла. Детектив вытащил осторожно листок из-под дворника, сел в машину и рассмотрел документ в желтом свете внутреннего освещения.

Сердце детектива забилось быстрее, когда он прочитал имя Мартина Хорнера. Все же, он не обманулся в Соне Виллхальм! Вальтер читал копию основных данных, держа ее в руке. Мужчина торопливо просматривал строки. От того, что Пуласки прочитал, у него перехватило горло. Этого не могло быть!

Пуласки торопливо вытащил копию больничного листа Наташи из чемодана, которое нужно было ему для окончательного заключения. Он положил оба листа рядом на руль и сравнил данные.

Мартину Хорнеру, который умер три дня назад от сердечной недостаточности, также как и Наташе Саммер, было девятнадцать лет. Мартин также был изнасилован в девять лет, и преступник также никогда не был пойман. Все же, это еще было не все. Мартин и Наташа были сиротами и жили с момента своего первого обращения в этом учреждении.

И там была еще одна общая черта! У Пуласки перехватило горло. Дрожащими руками он искал наощупь свой аэрозоль.

Первое обращение Мартина Хорнера после изнасилования произошло 17 августа, а Наташи на два дня позже, 19 августа. Оба в том же самом году: 1998. И оба были осмотрены в клинике Бремерхафена одним врачом.

— С кем я говорю? — как только Эвелин повторила свой вопрос, женщина на другом конце прервала связь. Эвелин быстро нажала на клавишу повторного набора, но в этот раз никто не ответил. После пятого звонка сработала голосовая почта Холобека. — Дерьмо, — Эвелин повесила трубку.

— Думаю, что ты не узнала голос, — предположил Патрик.

— Понятия не имею, — размышляла Эвелин. — Нам нужно найти документы о случае с подушкой безопасности в офисе твоего отца. Возможно, там мы натолкнемся на след.

Патрик как по команде поднялся и вытащил из кармана брюк связку ключей.

— Та-да-ам. — Он кивнул ей. — Мы идем взламывать.

В офисе Крагера стояла дюжина шкафов из красного дерева для деловых бумаг. За перегородкой из тиковой древесины, на которой до потолка висели зеленые вьющиеся растения, находилась территория с открытыми шкафами, которые были напичканы папками.

Патрик осмотрелся.

— С тех пор, как я был здесь последний раз, немного изменилось.

Эвелин кивнула на письменный стол.

— Точно, он убрал только твою картину из рамки.

— Я заметил. Темноволосая — это его третья или четвертая жена? Боже, она моложе меня. Старому Питбулю повезло. — Патрик провел кончиками пальцев по комоду и посмотрел на них. Пыли не было.

— Как всегда чисто, только накопилось вдвое больше дел.

— Чего ты ожидал? Мы трудолюбивые. Вчера был праздник в честь двадцати пяти летия, — объяснила она.

— Я знаю, но меня не приглашали.

— Или ты останешься адвокатом или никем, — она сымитировала голос Крагера, — прилипчивым, мелким, частным шпииком...

— ... тогда ты никогда не получишь никакой информации, — подхватил ее слова Патрик.

— Точно. — Эвелин выдвинула ящик и начала искать. — А почему, собственно, твой отец не забрал у тебя ключ от канцелярии и своего офиса? Обычно он ничего подобного не забывает.

— Он и не забыл.

Эвелин быстро взглянула на него.

— Я заказал у слесаря копию ключей, прежде чем вернул оригинальный ключ.

Эвелин остановилась.

— Ты на самом деле гнусный, мелкий проходимец.

— И это говорит женщина, которая назвала своих кошек Бонни и Клайд. — Он ухмыльнулся. — И уж по крайней мере, в отличие от тебя, я могу выбирать свои дела.

— Меня это не беспокоит, — сказала Эвелин.

— Кто верит, что... — Патрик открывал все шкафы для деловых бумаг. — Мы оба знаем, что работа здесь делает тебя несчастной. — Он сдул с папки слой пыли. — Ты слишком блестящий адвокат, чтобы позволять принести себя в жертву многомиллионным делам моего отца.

— А какая альтернатива?

— Не спрашивай такую глупость! Зачем ты изучала юриспруденцию и прошла все дополнительные семинары по уголовному праву? У тебя все еще бывает твое знаменитое покалывание в желудке, если ты встречаешься с чем-то, что не понимаешь?

— Нет, — лгала она.

— Очень жаль, — вздохнул Патрик.

Эвелин подумала о Холобеке. В конце концов, она заметила это в разговоре с ним. Что за странное чувство. Он почти десять лет был ее наставником и ближайшим коллегой, и она доверяла ему свои страхи и сомнения.

— Линни, ты все-таки чертовски хорошо разбираешься в людях. Ты, наконец-то, должна основать свою собственную канцелярию и стать независимым защитником по уголовным делам.

— Я еще не готова.

— Глупости, — возразил он ей. — Тебе тридцать два. Как долго еще ты собираешься ждать? И кому ты хочешь здесь что-то доказать? После аварии твоих родителей нет никого...

— Я еще не готова!

— Пф, хорошо. — Он поднял руки в защитном жесте. — Еж выпустил иголки.

Они молча обыскивали ящики один за другим, не находя ничего.

— Ты знаешь действительную разницу между ведром и лошадиной попойой? — наконец, спросил Патрик.

— Да, ведро... очень остроумно! Ты уже что-то нашел?

— Нет. А что мы, собственно, ищем?

Эвелин застонала. Она спросила себя, как Патрик и его секретарь в детективном агентстве смогли выжить, если он иногда делал такие глупые вещи.

Неожиданно он прошелся перед ней, махая перед ее носом папкой.

— Мы ищем дело Габриела Пранге против «Austrobag GmbH»?

Дело о надувной подушке безопасности! Вместо того, чтобы взять папку из рук Патрика, она осмотрела его сверху донизу.

— Чем отличается мертвая собака на улице от мертвого частного детектива?

Он уставился на нее округлившимися глазами.

— Понятия не имею.

— Перед собакой есть следы торможения. — Она забрала у него из руки паку и разложила документы на письменном столе Крагера.

— Честно говоря, тебе еще надо оттачивать шутку, но по крайней мере, ты нашла свое чувство юмора.

— Иди, помоги мне. Мы ищем описание личности женщины из кафе.

После того, как они просмотрели половину документов, которые Эвелин уже знала после делового обеда с Холобеком, то натолкнулись на протоколы нескольких свидетельских показаний. Официантка, господин в возрасте и продавец газет видели независимо друг от друга как молодая дама после посещения кафе села в автомобиль члена городского совета Пранге и уехала с ним из Бад-Райхенхалле в направлении Альпенштрассе. Фоторобота не было, просто описание личности девушки.

— Высокая, стройная, немного хрупкая, бледное лицо, восемнадцать-двадцать лет, — зачитывал Патрик. — У нее были длинные белокурые волосы. Симпатичная!

— Есть! — по спине Эвелин промчался холодок. Наконец, она нашла ее. — Девушка носила голубое летнее платье на бретельках. — Она почти прошептала последние слова.

— Неужели? — спросил Патрик.

— Решай сам. — Эвелин взяла распечатанные фотографии из бокового кармана своего блейзера и развернула их. На увеличенном кадре можно было увидеть девушку под уличным фонарем.

— Святое дерьмо! — выпалил Патрик. — Зловеще.

Чувство, которое мучило ее столько дней, не обмануло Эвелин.

Когда во входной двери задребезжал ключ, Эвелин вскочила.

— Как раз сейчас, — прошептала она.

Патрик тут же начал совать документы в папку, пока Эвелин бежала к двери и выключала свет в офисе Крагера.

— Я ничего не вижу, — шептал Патрик.

— Тихо, — прошептала она. — Возможно, это только уборщица, которая что-то забыла.

Эвелин на ощупь искала дорогу вдоль стены и начала закрывать открытые ящики как можно более тихо. Позади нее Патрик шелестел документами. Неожиданно он остановился.

В коридоре послышались шаги.

Эвелин задержала дыхание. Это была не уборщица, это были шаги крупного, тяжелого мужчины. И они приближались к офису, в котором они находились.

Неожиданно дверь распахнулась. Вспыхнул свет. В дверном проеме стоял мужчина. Его взгляд перемещался от Эвелин к Патрику и обратно. В его глазах стоял неприкрытый гнев.

У Эвелин пересохло во рту.

— Привет, отец, — пробормотал Патрик.

Две недели назад

Она прокладывала себе дорогу сквозь людскую толпу, чувствуя взгляды мужчин на своем теле, но игнорировала шептание за спиной. Через несколько шагов голоса уже утонули в звоне бокалов и бренчании пианино. Изысканные звуки моральной пошлости...

За несколькими столами дальше тоже самое. Сигаретный дым, сладкая смесь духов и лосьона после бритья. Короткие разговоры, которые были слышны, ничего не значащие слова пустых людей. Казалось, что они говорили только для того, чтобы нравиться себе или собеседнику.

Потом, наконец, она его увидела. На фотографии, которую она нашла, он был старше — и более полный. Рубашка была натянута на его животе, как полотно аэростата, галстук болтался из узла слишком низко над поясом брюк, также туго затянутом. Пот был на лбу, затылке и щеках. В свете потолочных прожекторов он лоснился как свинья. И был настолько толстым, что не смог бы застегнуть пиджак, даже если бы захотел. Он жестикулировал и беседовал с несколькими мужчинами. Нигде вокруг не было никаких женщин... Это будет легко, по крайней мере, легче, чем несколько дней назад.

Она направилась прямо к нему. И еще не знала, что ей нужно сказать. Что-то остроумное было бы пустой тратой времени. Итак, она скажет что-нибудь тривиальное, когда будет стоять перед ними и возвышаться над ним на каблук.

— Вы знаете, где туалеты?

Мужчины переглянулись между собой таким взглядом, который сказал все. Реакция — налет усмешки в уголках рта.

Так как она намеренно игнорировала остальных и смотрела только на него, он первым открыл рот.

— Барышня в беде, — ухмыльнулся мужчина. — Следуйте за мной и идите рядом со мной, я проведу вас.

Какой идиот!

Она бестактно вцепилась в него и последовала к туалетам. Он фыркал как лошадь. Она буквально чувствовала пот через рукав его пиджака. Под одеждой он, определенно, пах как животное. От этой мысли ее затошнило.

— Не могли бы вы сохранить это для меня? — она сунула ему в руку свою небольшую сумочку и, не дожидаясь ответа, исчезла в туалете.

В кабинке девушка медленно сосчитала до десяти, спустила воду и очень глубоко дышала, пытаясь избавиться от его запаха. Затем она вернулась в коридор, где он ждал ее как маленькая собачонка.

— Вы из Германии? — спросил мужчина.

Как остроумно!

— Я хочу пить как лошадь, — вместо ответа сказала она.

Он осмотрелся вокруг в поисках официанта.

— Я бы мог...

— Шампанское здесь на вкус как ледяная вода в чане, — перебила она его, прежде чем он озвучил такую тупую идею, — и толкотня действует мне на нервы.

— Я тоже не люблю благотворительные мероприятия, — мужчина медлил. — Я знаю кафе, где нам было бы спокойно.

Были бы? Звучала ли здесь его надежда? Иногда она удивлялась, было ли у мужчин вообще что-либо в голове. О чем он только думал? О том, что она действительно пойдет в кафе с таким как он?

— Где? — спросила девушка.

— Сразу за углом.

Она подмигнула ему.

— Мы говорим о «entrez-nous»?

Он мгновение подумал.

— Если вы хотите в «Entrez-Nous», то это несколько дальше, но...

— Ах, да. — Это было превосходно! Она улыбнулась. — Я только быстро сообщу своим родителям.

На мгновение у него отпала челюсть.

Девушка рассмеялась и закрыла рот рукой.

— Шучу. Мой спутник оставил меня здесь. Едем!

Они остановились в «Entrez-Nous», как он и обещал. Маленький, паршивый, мрачный бар, в котором было, по крайней мере, спокойно. Особенно в нише, в конце бара. К счастью, официант не окликнул их, когда они прошли мимо него.

После нескольких бокалов шампанского, которое определенно стоили ее спутнику пачки денег, он, наконец, начал приставать к ней. Обычно она как бы невзначай опускала бретельку платья, чтобы предоставить своему визави более глубокий взгляд на декольте. Но в этот раз в этом не было необходимости. Он бы уже с удовольствием запрыгнул на нее как мерин во время поездки в бар. Она смогла уговорить его еще раз угостить ее выпивкой, прежде чем он смог в машине залезть в ее белье. Они не пошли к нему домой, там была его старуха и ждала, когда он вернется домой с мероприятия.

Когда мужчина, наконец, достаточно выпил, она склонилась над столом и прошептала ему на ухо:

— Ты готов?

— Уже несколько часов.

— Ты возбужден?

— Еще как!

— Я хочу этого сзади — прямо сейчас!

Он так резко вскочил, что на столе запрыгали стаканы и стал возиться со своими брюками.

Девушка испугалась, что этот идиот начнет раздеваться посреди кафе, но он только вытащил бумажник. Мужчина быстро бросил на стол деньги, схватил ее за руку и торопливо потащил за собой из кафе.

На улице было прохладно. Ее плечи покрылись гусиной кожей. Соски затвердели. Пока мужчина вытаскивал из пиджака ключи от автомобиля, он не отрывал взгляд от ее груди.

— Малышка, я также возбужден как и ты.

Что за козел!

Он спотыкался по пути к своей машине, но она преградила ему дорогу.

Очень быстро, так, что девушка даже не успела ответить, его рука оказалась на ее заднице и начала лапать. Она взяла у него из руки ключ от автомобиля и увернулась от его

хватки. Он спотыкался позади нее.

— Мы не поедем в таком состоянии, не так ли? — он ухмыльнулся. — Я определенно никуда больше не поеду. — Она отступала от него.

— У-у-упс... — С высокой ступеньки она перелезла через ограждение строительной площадки.

Он указал через плечо.

— Машина стоит там.

Она хихикнула.

— Я думала, мы приехали на «Порше» туда? — она энергично показала рукой на другую машину, ключ выскользнул у нее из пальцев и шлепнулся в шахту канализации.

Мужчина растерянно смотрел на отверстие в земле.

— Ты, грязная шлюха! — заорал он через некоторое время.

Он неуклюже перелез через ограждение и шатаясь, подошел к краю шахты.

— Ты вытащишь его.

— Я порву платье!

— Фигня, — выругался он. — Займет несколько часов, пока появятся пожарные.

— Но здесь не глубока.

Он уставился в шахту.

Когда мужчина взглянул на нее краем глаза, она надула губы.

— Тогда мы не трахаемся сегодня? — и, вздохнув, прижала руку к своему лону.

— Чертово дерьмо, — выругался он и упал на колени.

Когда мужчина ничком наклонился вперед, она встала позади него.

— Это чертовски глубоко, я не знаю, что...

Больше он уже никогда не получал удовольствие.

Среда, 17 сентября

Было всего лишь девять часов утра, но уже почти два часа телефон Вальтера Пуласки в комиссариате постоянно звонил каждые пять минут.

Дело больного Мартина Хорнера содержало кое-какой чрезвычайно актуальный материал, и никто, пожалуй, с этим не считался, и меньше всего прокурор. Пациент, который умер три дня назад от инфаркта сердца, кажется, имел общее прошлое с Наташей Соммер. Эти факты окончательно встряхнули прокурора Колера. После горячего, раннего утреннего спора с Пуласки и руководителем отдела Фуксом, Колер решил, что порядок сбора доказательств будет возобновлен. Уголовная служба снова разыскивала.

Наконец, Пуласки решил выпить свой черный кофе, который, к тому времени, остыл, но не успел он дотронуться до него, как снова зазвонил телефон.

Детектив прижал трубку между щекой и плечом, и щелкнул автоматической шариковой ручкой.

— Пуласки.

— Привет, мой дорогой. — Майка, судебный медэксперт. Ее резкий голос звучал так, как будто она проработала всю ночь. — Как твои дела?

Пуласки развернулся на стуле к окну.

— Спасибо, в данный момент это довольно сумбурно. Что нового?

— Я тоже в порядке, спасибо, что спросил.

— Говори уже, — проворчал он. В данный момент действительно не было времени для личных шуток.

Она вздохнула.

— Я должна отправить образцы тканей малышки на анализ ДНК в лабораторию.

Пуласки знал, что могут пройти недели, пока не появится окончательный результат аутопсии Наташи. Наверное, Майка позвонила не поэтому.

— Какие-нибудь предварительные сведения?

— Твоя маленькая брюнетка из психиатрии не была беременной.

Пуласки потер свой затылок. Следующая неудача!

— Но я узнала кое-что интересное. Эта Наталия...

— Наташа! — поправил он ее.

— В нее сначала влили натошак полбутылки джина и только после этого впрыснули парацетамол.

Впрыснули?

— Это значит так, что она уже была в состоянии опьянения, когда получила через шприц болеутоляющее, — подытожил Пуласки.

— Малышка была настолько сильно пьяной, что она даже не попала бы по своей руке шприцом, не говоря уже о вене.

— И, кроме того, как левша в левый локтевой сгиб, — дополнил ее Пуласки. Он думал о появлении седого мужчины, который в три часа ночи перелез через стену учреждения. — Ты знаешь, когда Наташа умерла?

— Согласно температуре печени, между 4.30 и 5.00 часами утра. Мне нужно еще

подождать результат лабораторного исследования, но, скорее всего, произошло следующее...

Пуласки слышал, как она листала документы.

— Парацетамол разрушается в печени. При передозировке вещества не могут нейтрализовываться и атакуют клетки печени. В сочетании с алкоголем возникает повышенная кислотность в метаболизме...

— Не зашифрованный текст, пожалуйста, я не врач.

— Конечно... у нее отказала печень и она умерла от комы головного мозга.

— Звучит так, как будто убийца — врач?

— Необязательно. Ему нужно было только взглянуть на ее карту, чтобы установить, что она страдала анорексией и заболеванием печени. Остальное он нашел в «Википедии».

Пуласки подумал, что это было не так-то просто. Он увидел, как замигала кнопка второй линии на его телефоне.

— Спасибо, Майка, мне нужно идти...

— Я заметила одно, — перебила она его.

— Быстро! — он пристально смотрел на мигающую кнопку.

— Никаких следов борьбы, никаких следов внешнего применения силы, никаких внешних следов кожи или крови под ногтями. Сначала я думала, что малышка знала убийцу и поэтому не защищалась, но все же обнаружила точную причину.

Пуласки пристально смотрел на телефон.

— И?

— Два крошечных прокола на плече сквозь ткань ночной сорочки. Мне бросилось в глаза, что мышцы ее плеч были неестественно слабыми. Токсикологического исследования крови еще нет, но я думаю, что ей внутримышечно ввели дозу «Ботокса».

— Змеиный яд?

— Похоже. Обычно средство используют против судорог. Это блокирует нервные импульсы, поэтому потом мышцы как обычно не напрягаются. Передозировка действует как паралитический яд, который обездвиживает на месте.

— Ее убийца сначала обездвижил ее, потом напоил и затем вставил шприц, — размышлял Пуласки. — Спасибо, ты — сокровище! — Он повесил трубку и начал разговор по другой линии.

Это был Бибер, графолог комиссариата.

— Я сравнил почерк прощального письма с дневником и другими документами учреждения.

Пуласки схватил кофейную чашку.

— Они принадлежат одному и тому же лицу?

— Ты должен сам на это посмотреть.

Пуласки поставил чашку, так и не прикоснувшись к ней.

— Бибер, это простой вопрос! Это почерк одного и того же человека?

— И да, и нет... лучше всего приходи.

Двумя офисами дальше по коридору Пуласки пристально смотрел на монитор. Бибер

сканировал различные документы. Зеленые линии связывали отличительные точки почерка.

— Несколько каракулей из терапевтических записей полностью совпадают с почерком из дневника.

Бибер щелкал следующие снимки.

— Но некоторые записи, безусловно, других людей, хотя они принадлежат Наташе, по словам главного врача.

Пуласки думал о словах врача Сони Виллхальм. «Нет, вы понятия не имеете, о чем я говорю. Думаю, она писала это сама, а не ее частные личности».

Наташа страдала от множественного расстройства личности. Последствия этой болезни доведут до отчаяния, пожалуй, каждого эксперта графолога.

— А прощальное письмо?

— Оно на восемьдесят процентов совпадает с дневником. — Бибер щелкнул следующий снимок. Зеленые линии соединяли слова.

«Я всегда стараюсь быть хорошей, но внутри я злая, грязная и проститутка».

— Незначительное отклонение происходит от того, что письмо беспорядочное и тусклое, как будто девушка признавалась под воздействием алкоголя.

«... или под дозой «Ботокса» в плече», — подумал Пуласки.

До сих пор он был на неправильном пути. Наташа не писала прощальное письмо до того, как попала в руки убийцы. Ее убийца парализовал ее «Ботоксом», напоил, а затем заставил написать это письмо. Он хотел навести следователей на ложный след и предоставить им причину самоубийства, которую нужно было найти в пределах учреждения. Это еще раз подтвердило Пуласки, что убийца пришел извне и не имел ничего общего с персоналом психиатрии.

— Хорошая работа, Бибер. Мне нужен отчет об этом как можно скорее. — Пуласки вышел из офиса. Наконец, в этом деле появился новый момент. Но ему срочно нужно было выпить чашку горячего кофе, сэндвич с сыром и сигарета. В животе урчало как стая служебных собак.

По дороге на кухню он услышал, как в коридоре кто-то окрикнул его по имени.

Мальте из отдела криминальной техники уголовной полиции выкатился на своем стуле из офиса в коридор и махал рукой Пуласки.

— Иди, я что-то покажу.

— Это срочно?

— Ты удивишься.

На данный момент детектив мог выкинуть из головы кофе и сигарету.

На письменном столе Мальте были свалены видеокассеты из наблюдательных камер больницы, которые сотрудники конфисковали час назад.

Мальте махнул рукой перед его лицом.

— Ты был прав. Задняя часть учреждения, 03.22. Этот парень не пошел обычной дорогой.

Мальте вручил ему лист бумаги.

— Не плохо, — вырвалось у Пуласки.

— Высвечены тени и обработаны различные сегменты. К сожалению, больше не возможно сделать.

Пуласки изучил контуры профиля, которые собрал вместе компьютер. Достаточно, чтобы организовать розыск. Седому мужчине было примерно шестьдесят лет, у него были

тонкие, почти впалые черты лица.

— Пуласки, — позвал кто-то в коридоре. — Телефон в твоём офисе доведет меня до безумия. Если ты не возьмешь его, я выдерну штепсель из розетки!

Пуласки упал на свой стул. И одновременно поднимал трубку. Внешний абонент, номер которого он не знал.

— Да? — прорычал мужчина и вылил колодный кофе в свою пальму юкка.

— Доброе утро, господин комиссар.

Он расслабился и на его лице появилась улыбка. Соня Виллхальм.

— Доброе утро. Я хотел вам позвонить, но на данный момент события захлестнули.

— Вы получили вчера вечером мое сообщение?

Детектив подумал о копии листов основных данных Мартина Хорнера на своем лобовом стекле.

— Да, большое спасибо. Поэтому здесь сущее пекло. Прокурор снова возобновил следствие.

— Я знаю, он звонил мне сегодня утром и хотел узнать, как вы добрались до дела Мартина.

Прокурор Колер мог бы спросить его самого, вместо того, чтобы беспокоить свою экс-жену.

— И?

— Я рассказала ему правду, — ответила терапевт. — Файл ошибочно попал в стопку записей пациентов, которые Ханна принесла вам в конференц-зал. Вероятно, она забыла отсортировать карту покойного.

Пуласки прямо-таки видел, как на другом конце провода женщина усмехнулась.

— Довольно умно.

— Спасибо, — терапевт засмеялась. — В данный момент дела идут довольно хорошо, да? После аутопсии Мартина, вы узнаете, вероятно, больше, похороны были только вчера и...

Аутопсия? Пуласки не слушал дальше. Голос Виллхальм звучал так, как будто она исчезла где-то в эфире. Он уставился на гору дел, которые скопились на его письменном столе. На самом верху лежало заявление на эксгумацию трупа Мартина Хорнера, которое он еще не заполнил. Вальтер хотел послать в первой половине дня формуляр по факсу в прокуратуру Лейпцига, после того, как составит предварительное заключение для Колера.

— Какую аутопсию? — прервал он терапевта.

Наступила пауза.

— Что, простите? — она помолчала. — Разве вы не ходатайствовали, чтобы тело Мартина эксгумировали... или нет?

Пуласки пристально смотрел на наполовину заполненный формуляр. Он не понимал, что происходит?

— Эксгумация уже происходит? — спросил он.

— На кладбище не далеко от заведения.

Что-то здесь было не в порядке.

— Я еще не завтракал и мне срочно нужен кофе. — Пуласки откашлялся. — Вы не хотите со мной встретиться?

Маленькое идиллическое кладбище на улице Кобургер находилось недалеко от озера Кошпуденер. Последнее путешествие Мартина Хорнера от его комнаты в психиатрии до общей могилы продолжалось несколько минут на катафалке.

Пуласки припарковал свою «Шкоду» перед входом на кладбище. Соня Виллхальм уже ждала его перед воротами. Как и вчера, ее волосы были заколоты. На ней было модное украшение на цепочке поверх блузки и облегающая юбка. Для ее возраста у женщины была великолепная фигура.

Когда детектив подошел к ней, она подала ему пластиковый стакан с кофе и сэндвич с сыром, упакованный в прозрачную пленку.

— Вегетарианец, верно?

Детектив с благодарностью принял и то, и другое.

— Напомни мне, что я должен тебе ужин.

— Предупреждаю, что я вспомню об этом.

— Надеюсь, — улыбнулся Вальтер.

Как давно он флиртовал с женщиной последний раз? Боже, годы! И теперь это случилось как раз перед кладбищем. Могильные ряды, венки и надписи на мраморных плитах напомнили ему о погребении Карин. Раз в месяц он посещал ее могилу, по большей части в то время, когда его дочь была либо в школе, либо у своих друзей. Она никогда не должна была узнать о том, что ему не доставало ее матери и он скучал, как собака.

Они прошли мимо кладбищенского домика смотрителя. Многочисленные кусты и ряды живых изгородей обрамляли гравийные дорожки. Солнце мерцало сквозь плотную листву деревьев, которые окружали кладбище. Как и вчера, терапевт сорвала цветок и задумчиво сжала его пальцами.

Пуласки показал ей компьютерное изображение седого мужчины.

— Это стена задней стороны учреждения? — спросила Виллхальм.

— Да. Вы знаете мужчину?

Она покачала головой.

— А я должна?

Пуласки рассказал ей, что Мартин Хорнер и Наташа Соммер были приняты в клинику Бремерхафена с разницей в несколько дней, и были осмотрены одним и тем же врачом. Он все еще не добрался до полной карты больного Мартина. Соответствующий формуляр, согласно которому главный врач Штайдль освобождал его от запрета о разглашении и предоставлял бы Пуласки возможность ознакомиться с картой, лежал на его письменном столе в комиссариате. Подписи Фукса и прокурора пока отсутствовали.

— Наташа и Мартин были знакомы раньше? — спросил он.

— Пока Наташа проходила терапию со мной, она ни слова ни говорила. Девушка жила уединенно и едва ли контактировала с другими пациентами. Я никогда не видела возможной связи с Мартином. В конце концов, она была переведена в психиатрию Маркклеберга только после восемнадцати месячной бюрократической войны. Возможно, это совпадение, что они оба впервые были осмотрены в Бремерхафене десять лет назад.

— Может ли быть совпадением то, что они оба умирают через десять лет с разницей в несколько дней?

Виллхальм молчала. Они прошли мимо колодца, перед которым стояла отменная дюжина жестяных леек. Издалека до них донесся стук лопат, копающих землю. Уже вскоре они слышали, как край лопаты стукнулся о крышку гроба.

Пуласки кусал сэндвич и глотками пил кофе.

— Почему Мартин прибыл в учреждение?

Терапевт пожала плечами.

— Почему появляются в таких учреждениях? Жертва, пострадавшая от совершенного насилия.

— В листе основных данных говорится, что он также был изнасилован ребенком.

— Мартина лечила моя коллега. Насколько я знаю, нам неизвестны детали, которые привели его к психической травматизации. Она обнаружила у него диссоциативно-ограниченную амнезию, основанную на инциденте в его детстве.

Очевидно, Соня заметила взгляд Пуласки, потому что быстро продолжила:

— Это значит, что он больше не мог вспомнить о сексуальных домогательствах. Установлено, что юноша также, как и Наташа, страдал расстройством личности.

— Множественная личность?

— Это старое понятие. Терапия с такими больными труднее, чем с другими. Эти дети пережили все, что больные люди могут выдумать в пытках, наказании или насилии

— Что могло случиться с Мартином?

Она снова пожала плечами.

— Отец насильник, мать садистка, порочный круг? Мы этого не знаем. Во всяком случае, это должны быть такие ужасные вещи вне обыкновенного человеческого опыта, что другие дети умерли бы от этого. Некоторые, такие как Мартин или Наташа, смогли передвинуть неприятные переживания далеко внутрь себя, как будто бы инциденты никогда не происходили. Насилие буквально разрывает их личность на части, их мысли как бы уходят.

Пуласки щелкнул пальцами.

— И это так происходит?

— Конечно, нет. Изнасилованные дети сначала вытесняют испытанное в подсознание, при следующих инцидентах они отдаляются и воспринимают насилие с точки зрения зрителя. Но если насилие не заканчивается, их душа раскалывается до последней стадии. Возникают четыре, пять или больше частичных тождеств, которые отслаиваются. На самом деле эти личности рождаются для того, чтобы переносить насилие вместо жертвы, потому что они могут лучше них это вынести.

— Звучит как стратегия выживания. — Пуласки бросил обертку и пустой бокал в мусорное ведро. — А нормально ли для подростков оставаться в психиатрии десять лет и больше?

— Не просто оставаться, — поправила его Виллхальм. — некоторые из них там и живут. Официально их называют ни пациентами или клиентами, а жителями. Они не могут быть выпущены в места совместного проживания, о которых заботятся социальные работники.

— А что произойдет в общежитии?

— Некоторые из них агрессивны, некоторые страдают от постоянного состояния страха, аллергии, принуждения, депрессии, расстройства питания и сна, сердечно-сосудистыми и желудочно-кишечными расстройствами или пограничным расстройством личности. Список

можно продолжать бесконечно... — Она пожала плечами. — Некоторые из них анорексичны, как Наташа, и носят шрамы многочисленных попыток самоубийства. Они не живут в группе, потому что снова и снова забывают, что произошло несколько часов назад, дней или недель. Поскольку произошли мучения с другим человеком и они не вспоминают об этом, то не могут на этом учиться... Они так вопросительно смотрят на меня.

— Это сложно понять.

Терапевт развела руками.

— Представьте себе человека с расстройством личности, как квартиру с десятью или двенадцатью комнатами. Каждая отдельная часть верит в то, что квартира состоит только из одной комнаты. И совсем не знает о других помещениях. Она даже не знает, что они существуют.

По шее Пуласки пробежала дрожь.

— Это зловеще.

Наконец, они дошли до могилы, из которой доносился скрежет.

В яме стояли двое мужчин в клетчатых фланелевых рубашках и в желтых рабочих штанах, и перетягивали веревки, которые они продвигали под гробом.

— Вчера закапывайте, сегодня выкапывайте, — ворчал один.

— Большие господа просто не знают, чего они хотят, — ворчал другой.

— Успокойтесь! И продолжайте работу!

Голос принадлежал высокому молодому человеку в темном костюме, который стоял в тени деревьев и смотрел на то, как работали могильщики. Когда он заметил Пуласки и Виллхальм, то зашевелился и направился к ним.

— Проклятье, — прошептал Пуласки терапевту. — Я его знаю.

— Кто-то, кого вы однажды арестовали? — прошептала она.

— Это было прекрасно, — ответил Пуласки. — Теперь дело уплыло от нас.

В этот момент зазвонил мобильный телефон. Это был Малер.

— Пуласки, где ты шатаешься?

— На кладбище в Марккленберге.

— Копаешь себе могилу? — усмехнулся Малер, но, в следующую минуту, он снова стал серьезным. — Ты должен вернуться как можно скорее. Они забрали расследование себе и изъяли доказательства.

— Я уже это вижу. — Вопрос о том, кого подразумевал Малер, был лишним. Пуласки спрятал мобильник.

В следующий момент мужчина в темном костюме стоял перед ними. Очки в металлической оправе, накрахмаленный воротничок сорочки и шелковый галстук с серебряной застежкой на цепочке.

— Управление уголовной полиции Саксонии, — сказал парень, который по возрасту мог бы быть сыном Пуласки. — Я надеюсь, вы сможете предъявить удостоверение личности.

Пуласки знал, что парня звали Клаус Винтереггер. Он был самым младшим комиссаром в управлении уголовной полиции Дрездена. Коллеги Пуласки уже работали с ним несколько

раз.

Винтереггер посмотрел на удостоверение Пуласки и качнул головой.

— Комиссар Пуласки.

Он произнес это так, словно говорил о какой-то неприятной болезни. То, что Пуласки был главным комиссаром криминальной полиции, Винтереггер умышленно просмотрел. Такие нахалы как он, считали себя лучше других, потому что учились в университете и сидели в бюро в Дрездене. В их глазах сотрудники полиции на службе были хуже всех, не более чем покорные прислужники, которые охраняли место происшествия, допрашивали свидетелей, снимали отпечатки пальцев и обрабатывали факты таким образом, чтобы людям из управления уголовной полиции не пришлось марать руки.

Но такова была работа Пуласки: вчера кража со взломом в коттеджном поселке Линденау, сегодня случай вандализма на вокзале Мойсдорф, завтра кто-нибудь, умерший от передозировки наркотиков в парке Паунсдорф или труп в воде в речном бассейне Эльстера. В большинстве случаев, он даже не знал, как велись эти дела, потому что уже занимался другим местом преступления.

Так было не всегда. Пять лет назад его перевели на длительную службу в Лейпциге. Он до сих пор знал своих бывших коллег, мастеров своего дела в управлении уголовной полиции, но об этом молодой нахал даже понятия не имел.

— Я уже созвонился с Вашим ведомством, — сказал Винтереггер, все время поглядывая на то, как раскапывали могилу, и поправляя очки на носу, отчего его «Ролекс» постоянно болтался на запястье. Какой нервный парень! Видимо это была его первая эксгумация. У паренька были даже серебряные запонки. Пуласки даже смотреть на такое не мог.

— Вы вообще меня слушаете?

— Конечно.

Пуласки вытряхнул сигарету из пачки и зажег ее. Карин была права: его предрассудки только усиливались с возрастом. Если так и дальше пойдет, ему придется запереться дома и избегать всяческого общения с посторонними.

— Я сказал, что прокурор Колер передал расследование этого дела Управлению уголовной полиции Заксена. Мы займемся координацией этого дела, а лейпцигская комиссия по расследованию убийств поможет нам в работе.

Поможет в работе! Неслыханное дело. Это не понравится Фуксу, Биберу, Мальте и другим.

— Еще слишком рано, в данный момент мы занимаемся обработкой данных.

Имело ли вообще смысл обсуждать с этим щеголем такие вопросы?

Винтереггер улыбнулся.

— Я знаю, как Вы работаете, коллега.

Он бросил стоявшей рядом женщине-терапевту прискорбный взгляд.

— С этого момента никого не нужно принуждать к чему-либо. Дело будет вестись по всем правилам.

Пуласки почувствовал, как его сонная артерия набухла до размера трубопровода. Так вот откуда ветер дует! Дело будет вестись по всем правилам. Колеру не понравилось, что он провел собственное расследование и придал огласке сенсационный материал, когда дело уже было вобщем-то закрыто. Но если он был прав, то раскрыл одно, а возможно и два предумышленных убийства. Разве было не все равно, какими методами он пользовался?

Но зачем ему вообще волноваться? С этого момента расследованием занимались те, кто

просиживал штаны в управлении уголовной полиции.

— Кто Ваш коллега по этому делу? — спросил Пуласки.

Винтереггер посмотрел на могилу. Рабочие как раз доставали гроб из ямы.

— Вы его не знаете.

"Парень, ты бы удивился, если бы узнал, с кем я только не знаком", — подумал Пуласки.

— Один опытный коллега, — Винтереггер снова посмотрела на Пуласки. — Ларс Готайник, как я уже сказал, Вы его не знаете.

Готайник! Еще бы ему не знать Готайника. Пуласки посмотрел на часы. Одиннадцать утра. Самое позднее, через три часа Готайник будет пьяным в стельку. Единственная причина, по которой Готайник пьяным не попал в аварию, заключалась в том, что его машина стояла у скупщика металлолома и у него больше не было прав. Притом, что прежде у него была репутация хорошего следователя. Раньше они даже были приятелями и вместе расследовали убийства. Пять лет назад, когда Карин умерла от последствий химиотерапии, жена Готайника погибла в результате несчастного случая. Вероятность того, что за неделю до рождества можно поскользнуться на льду перед собственным домом, удариться головой о бордюр, впасть в кому и в рождественский сочельник умереть от кровоизлияния в мозг, была ничтожно мала. Тем не менее, это случилось.

Готайник и он почти одновременно потеряли своих жен. Но это не сблизило их — напротив. Готайник начал пить и, наверное, Пуласки была уготована та же судьба, если бы не его тогда семилетняя дочь. Внезапно он стал отцом-одиночкой и вынужден был после работы в управлении криминальной полиции покупать продукты в супермаркете, варить, гладить белье, пылесосить, мыть окна и делать уроки с Ясмин. Ему так не хватало Карин! Через полгода его нервы были истощены до предела. Он исчез из Дрездена, хотел избавиться от всех воспоминаний, снял квартиру в Лейпциге, городе, где вырос и перешел на службу с нормированным рабочим днем. Деградировал от управления уголовной полиции до полиции Лейпцига. Он не знал никого, кто бы в его возрасте добровольно пошел на такое. Но дочь была для Пуласки на первом месте. Он обязан был сделать это ради Карин и самого себя.

— ...документы!

Винтереггер постучал ему по плечу.

Пуласки вздрогнул. Опять он отвлекся... Ему срочно нужно было поспать.

— Какие документы?

— Господи. — Винтереггер закатил глаза. — Я хочу, чтобы видеозаписи, протоколы допроса свидетелей, исходные данные и результаты предварительного вскрытия через час лежали у меня на столе. В течение следующих двадцати четырех часов вы должны быть в моем распоряжении, на случай, если у меня возникнут вопросы.

"Конечно, — подумал Пуласки. — Ты же понятия не имеешь об этом деле".

Он раздавил сигарету.

— Выясните, откуда взялась бутылка джина.

Винтереггер поморщился.

— Еще советы будут?

— Да. Не утруждайте себя вопросом персонала. Убийца не работает в больнице, он пришел извне.

— Может у Вас есть его имя, адрес и номер телефона?

Какой же он циник! Пуласки проигнорировал вопрос.

— Предсмертную записку писала сама Наташа, но убийца заставил ее сделать это.

Соня Вилльхальм удивленно посмотрела на Пуласки. Даже для нее это была новость.

— Письмо — это ложный след, — сказал Пуласки.

— И какой же след правильный?

Опять этот циничный тон. Стоило ли вообще продолжать говорить?

— У Наташи и Мартина было общее прошлое, — вновь попытался Пуласки. — Ищите в Бремерхафене, там Вы найдете ответы.

Винтереггер мило улыбнулся.

— Да, конечно. Вы уже давно раскрыли дело с помощью Ваших методов.

Это было бесполезно! Какую "хорошую" команду подобрало Управление криминальной полиции для расследования этого дела: хронический алкоголик, который начинал день с бутылки водки и сопляк, только что закончивший высшее учебное заведение в Ротенбурге, которого выворачивает при виде трупа, выловленного из воды. Пуласки уже сейчас было件нятно, что расследование зайдет в тупик, и во время выборов в земельный парламент уже никого не будет интересовать.

— В любом случае, спасибо, что просветили. — Винтереггер повернулся к могильщикам. — Отнесите гроб к заднему выходу. Там стоит машина, которая отвезет тело в институт судебной медицины.

Не говоря больше ни слова, Пуласки ушел с кладбища. У него был час времени, чтобы передать документы по этому делу. С этого момента за расследование будут отвечать Стан и Лорел.

Соня Вилльхальм пошла за ним к машине.

— Наташу заставили написать эти строки?

— Можете исходить из этого, — ответил Пуласки. — А это указывает нам на то, что убийца отлично знал ее прошлое... Прошу меня извинить.

Пуласки взял телефон и набрал номер Мальте, который ответил после второго гудка.

— Послушай! — Прервал Пуласки поток слов коллеги. — Прежде чем отдать Управлению криминальной полиции коробки с документами, сделай копии с досье всех пациентов.

— Ты с ума сошел! Это же семьдесят папок! — простонал Мальте.

— Делай!

— Зачем, черт побери?

— Я не собираюсь отдавать это дело.

Одиннадцать часов утра. У Эвелин Майерс, наконец — то, зазвонил телефон. Внутренний звонок. На экране высветился номер секретарши Крагера. Время пришло. Сердце Эвелин бешено колотилось, когда она взяла трубку.

— Шеф освобожден. Можете к нему зайти.

Больше ничего. Видимо секретарша была в курсе. Питбуль позвал ее!

Эвелин вышла из бюро и направилась на другой конец юридической конторы. Остановившись перед дверью Крагера, она поправила блузку, жакет и разгладила юбку. Светлые волосы были заплетены в косу, так она делала всегда, когда шла на переговоры. А это будет процесс!

Эвелин постучала и вошла. Крагер сидел, откинувшись на спинку стула, и разговаривал по телефону. На нем, как всегда, был костюм от Армани, в другой одежде она его еще ни разу не видела. Наверное, он даже в воскресенье носил его в своей квартире.

Он напомнил ей Патрика. Особенно угловатый подбородок и пронзительные голубые глаза. Сын был точной копией своего отца. Ну, не считая недвусмысленной манеры флиртовать с женщинами, они оба были совершенно разные. Наверняка Крагер заведет об этом разговор.

Когда она встала перед ним, он положил трубку.

— Садитесь, Эвелин.

Она заняла место, но не скрестила ноги как обычно, а осталась сидеть на краю стула.

Крагер расслабленно откинулся назад.

— Эвелин, как давно мы уже знакомы?

Риторический вопрос. Она ничего не ответила.

— Еще будучи студенткой юридического факультета, Вы выполняли у нас летнюю практику. Уже тогда Вы были красивой и умной девушкой, и я понимал, что Вы далеко пойдете. Несмотря на трагическую гибель родителей, Вы в двадцать три года закончили университет, и были одной из лучших среди сокурсников. Во время Вашего обучения, Вы пять лет работали составителем концептов, делая хорошую карьеру. Холобек всегда гордился Вами — до сегодняшнего дня.

Он бросил короткий взгляд в сторону. На столе лежала бумага, содержащая основную информацию о покойном Петере Холобеке, а рядом предположительно первый, написанный от руки, набросок некролога.

— В двадцать восемь — экзамен на адвоката, — продолжил Крагер. — Занесение в список юристов, и с тех пор Вы работаете на меня адвокатом.

Он достал из шкапулки сигару, покрутил ее меж пальцев и понюхал, не зажигая. Он никогда не позволит себе закурить в ее присутствии. Одно из качеств, которое Эвелин ценила в нем.

— Вы знаете, я уже год назад хотел, чтобы Вы стали младшим партнером этого адвокатского бюро.

Как такое можно было забыть? Крагер и Холобек пригласили ее на обед и предложили партнерство. Она отказалась, и Крагеру пришлось шуткой обыгрывать неловкую ситуацию. Позже, во время разговора с глазу на глаз, она призналась ему, что подумывает оставить гражданское право и стать защитником по уголовным делам.

Крагер выпрямился и поставил локти на стол. Его тон изменился, стал деловым, без тени шарма и добродушия.

— Вчера вечером Вы проникли в мое бюро, перерыли его, получив незаконный доступ к документам, хотя еще несколько часов назад я ясно объяснил Вам, что клиентка попросила расследовать обстоятельства смерти ее мужа в закрытом режиме.

Дело о подушке безопасности!

— Я...

Быстрым движением руки он заставил ее замолчать.

— Но и этого мало. Я выяснил, что мой сын нелегально поставлял Вам документы уголовной полиции, касающиеся смерти моего партнера, включая фотографии тела.

Испытывая невероятный стыд, она на мгновение закрыла глаза.

— Я...

— Эвелин, — прервал он ее. — Мне безразлично, встречаетесь ли Вы с моим сыном вне рабочее время или нет. Вам известно, что я о нем думаю, но решать Вам, будете ли вы иметь личный контакт с подозрительным детективом, который не слишком придерживается буквы закона, или нет.

Голос Крагер стал тише.

— Он мог бы стать хорошим адвокатом, — сказал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Эвелин. Затем постучал пальцем по столу. — Но с таким поведением ему нечего делать в этой профессии! Эвелин, я так же как и вы хорошо знаю, что наша работа не всегда бывает честной. Правда — это вопрос трактовки. На суде подзащитный получает приговор, но не всегда справедливый. Ради бога, не позволяйте моему сыну втягивать Вас в нелегальные махинации. В конце концов, Вы же разумная молодая девушка.

Разумная! Именно поэтому она и увидела взаимосвязи и обстоятельства, на которые другие закрывали глаза.

— Я..

— Я еще не закончил!

Крагер наклонился вперед и понизил голос.

— Вообще-то я обязан сообщить об этом происшествии в палату адвокатов. В случае дисциплинарного преследования, палата может запретить Вам работать адвокатом. Если это произойдет, Ваша мечта заниматься уголовным правом лопнет как мыльный пузырь. — Он откинулся назад. Его стул закрипел. — Но я убежден в том, что такое больше не повторится, поэтому я не буду никому сообщать.

Вот это нагоняй! Эвелин молчала. Как правило, ей было это несвойственно, но на этот она не будет перебивать Крагера. Помолчав некоторое время, он жестом дал Эвелин знак, что она может говорить.

Вместо благодарности за то, что он замял это дело, Эвелин испытывала огромную потребность объяснить ему взаимосвязи. Вот только она не знала как начать, потому что в голове мелькало множество мыслей. Фотография девушки в платье на лямках, описание женщины в кафе в Бад Райхенхалль и оба несчастных случая, которые, возможно, таковыми не являлись. Станный телефонный разговор с Холобеком и, наконец, его загадочная смерть.

Она прикусила губу.

— Не хотите узнать, что я искала в Вашем бюро?

— Не хотите узнать, почему я ночью заходил в бюро? — парировал он.

— Конечно.

Она ломала голову над этим вопросом.

— По дороге домой я случайно увидел с улицы, что в окне моего бюро горит свет. Сначала я подумал, что это грабители, но сигнал тревоги в моем телефоне не сработал, поэтому я решил сам посмотреть, в чем дело.

Он глубоко вдохнул.

— Если бы у меня был выбор, уж лучше бы это были грабители.

— И все же, Вы хотите узнать, что я искала?

— Нет.

Ответ прозвучал молниеносно.

Тем не менее, она должна была поговорить с ним об этом.

— И на месте, где погиб детский врач Рудольф Кислингер, и вблизи того места, где член городского совета Хайнц Пранге...

— Эвелин, Вы не хотите понять? Меня это не интересует! Оба дела закрыты. Научитесь отстраняться от уже готовых, завершенных вещей! Холобек проиграл процесс против "Austrobag GmbH" и Вы добились того, чтобы вдова детского врача забрала свой иск. Оба этих дела уже история.

— Но Холобек...

— Но что Холобек!

Крагер перешел на крик.

— Он погиб в результате ужасного несчастного случая! Уголовная полиция всю ночь допрашивала свидетелей. Квартира была заперта. Этот идиот чистил клетку на вращающемся стуле и выпал через балконное ограждение. Это и так достаточно трагично!

Он достал из ящика стола папку и положил на стол.

— Вы должны заняться новым делом, чтобы отвлечься от мыслей, не дающих Вам покоя. Я уже вчера говорил Вам, что занимаюсь выигрышным делом, которое хотел бы поручить Вам.

О боже, эти выигрышные дела Крагера. Что на этот раз?

Крагер пододвинул ей папку. Она бросила взгляд на обложку. Ангелика Боймлер против Маттиаса Виндбихлера. Частное обвинение!

Второе имя было ей знакомо. Дипломированный специалист по торговле Виндбихлер был директором банка, интересы которого они представляли.

— Я знаю, экономические преступления не Ваш конек, но на этот раз речь идет о другом. Директор Виндбихлер является одним из наших клиентов. Он попросил меня заняться делом его сына Маттиаса.

Голос Крагера снова стал деловым. За несколько секунд он мог перейти от эмоционального разговора к деловому, даже не задумываясь о только что состоявшейся бурной дискуссии. У Эвелин так не получалось. В ее голове все еще мелькало множество мыслей.

Поэтому она и слушала в пол-уха рассказ Крагера о том, что Маттиас и его подруга Ангелика крупно поссорились в доме его родителей. Девушка утверждала, что дело дошло до рукоприкладства, что друг побил ее. Он же напротив уверял, что она сама упала на стол со стеклянной столешницей, а несколько дней спустя сама нанесла себе дополнительные телесные повреждения. Заявление в полицию подано не было, но через две недели после происшествия девушка предъявила иск о денежной компенсации за причиненное телесное

повреждение.

Эвелин неохотно открыла папку и вздрогнула. Поверх бумаг лежала цветная фотография из больницы. Она инстинктивно задержала дыхание. У девушки были ссадины на лице, окровавленные губы и зеленые синяки под опухшим глазом. И эти повреждения она якобы нанесла себе сама?

Крагер крутил сигару меж пальцев.

— Выручите парня, вытащите его из этой истории.

Выручить его из этой истории?

Она уставилась на раны совсем молодой, может быть, семнадцатилетней девушки. Человек, сам себе наносящий телесные повреждения, не может так выглядеть!

Синяки, разбитые губы, ссадины и царапины. Наверное, она руками закрывала глаза, чтобы защититься от ударов... но все равно испытывала боль, когда ей заломили руки за спину. Веревка все туже затягивала ее запястья и так глубоко впивалась в кожу, что онемели пальцы. Она почувствовала удары в затылок и джутовый мешок, натянутый ей на голову...

Эвелин тяжело дышала. Сердце колотилось. Вытерев со лба холодный пот, она только сейчас заметила, какими холодными были ее дрожащие руки.

— Я не могу, — прошептала она.

Крагер принес ей стакан воды, но она не притронулась к нему,

— Я знаю, что Вы чувствуете, Эвелин.

Она закрыл папку.

— Но как Вы собираетесь стать защитником по уголовным делам и защищать в суде предполагаемых преступников, если Вы еще не справились с собственным прошлым?

"Защитники могут выбирать себе дела" — мысленно ответила она. У нее были свои принципы, согласно которым она бы никогда не стала защищать в суде насильника или педофила.

Крагер с сожалением смотрел на нее.

— Мне не хочется повторяться, но порвите, наконец, со своим прошлым, научитесь этому!

Порвать? Но как? Почти каждую ночь ей снился человек, который сотворил с ней такое, когда ей было десять лет. Эта история была далеко не закончена!

У Эвелин все сжималось внутри, когда она сидела в бюро, пролистывая документы и читая протокол лечащего врача. Она так противилась заниматься этим делом, что ей действительно стало плохо физически.

Крагер был прав? Она должна справиться со своим прошлым? Но как? Этот человек разрушил не только ее жизнь, но и жизнь ее семьи. Эвелин поймала себя на том, что ее мысли опять крутились вокруг прошлого...

... охотничья избушка в лесу. Бесконечно длинная лестница, ведущая в подвал. Темное помещение с тусклым светом, запах влажных стен, веревка, железное кольцо в полу... и жалобный стон из соседней комнаты.

Телефонный звонок прервал ее мысли. Эвелин взяла трубку.

— Привет, ёжик. В чем разница между адвокатом и акулой?

Она облегченно рассмеялась.

На другом конце провода Патрик пробормотал:

— Но я еще даже не дошел до сути.

— И не надо. — Она снова засмеялась. — Так хорошо слышать твой голос, потому что... — Эвелин замолчала, услышав шаги в коридоре.

— Подожди минутку.

Эвелин встала, чтобы закрыть дверь бюро. Не нужно, чтобы вся контора слышала их разговор.

Опустившись на стул, она сняла туфли и положила ноги на стол. Затем рассказала ему, как его отец читал ей нотации, что его нисколько не заинтересовали параллели в делах о подушке безопасности и крышке люка, и о том, какой новый процесс она должна была перенять.

Жалуясь Патрику целых пятнадцать минут, на протяжении которых он ни разу не перебил ее, Эвелин сделала короткую паузу.

— Кстати, а почему ты звонишь?

— Уже и забыл, столько времени прошло.

Шутник! Эвелин улыбнулась.

Вдруг голос Патрика стал серьезным.

— Я немного порылся в жизни Рудольфа Кислингера и Хайнца Пранге...

— Я думала, что у тебя нет времени, — прервала она его.

— Ёжик, — вздохнул он. — У меня полно времени. С этого момента я круглосуточно в твоём распоряжении.

Он что, сошел с ума?

— А как же твоя слезка? Женщина из пиццерии с ужастиками?

— Вынужден был отдать коллеге.

Эвелин была в замешательстве.

— Ты же еще никогда не отдавал своих заданий.

— На этот раз отдал... Ну, ладно, ты все равно узнаешь. — Он глубоко вздохнул. — После того как ты ушла вчера ночью, мы с моим стариком крупно поссорились. Он — отец-тиран, я — сын — неудачник. Мы разговаривали о матери, тогда-то все и вылезло наружу. Сложные отношения между мужчиной и женщиной. Он ничего об этом не упоминал?

— Ни слова.

— Типично для него! Вообще, я вылетел из его бюро с давлением триста, выбежал на улицу, не заметил машину, и она сбила меня бампером.

Эвелин подскочила.

— Ты ранен?

— Ранен? Меня чуть не переехали!

Ну, понятно! Как всегда преувеличивает. Она опустилась на стул.

— И что у тебя?

— Легкое сотрясение мозга, ничего драматического. Но я вывихнул ногу, порвал связки на левом колене. В течение часа колено стало размером с медицинский мяч. В больнице они иголкой удалили мне кровь из гематомы.

— Ты преувеличиваешь, да?

— Нисколько!

У него был очень серьезный голос.

— После рентгена и компьютерной томографии они наложили мне гипс от лодыжки до бедра. В четыре утра я был дома. С тех пор пытаюсь передвигаться на костылях.

— Мне жаль. — В какой-то степени это была и ее вина. Ведь он из-за нее попал в эту ситуацию. — Тебе что-нибудь нужно? Мне навестить тебя?

— Не нужно. Я принимаю болеутоляющие, так что все под контролем. В любом случае слезку можно выбросить из головы, поэтому у меня теперь даже чересчур много времени. Так ты хочешь услышать, что я выяснил?

Эвелин представила как он сидит в своем бюро — нога в гипсе в приподнятом положении, рядом компьютер и телефон, а сам он что-то пишет в блокнот и нервнрует секретаршу своими постоянными просьбами принести ему свежий кофе.

— Выкладывай.

— Итак, детский врач и член городского совета вели не такую уж правильную и порядочную жизнь.

— Они были знакомы?

— Нет, но у них было похожее прошлое.

"Их смерть тоже была похожа, — подумала Эвелин. — Детский врач утонул, упав в открытый люк, а члену городского совета прилетело в лицо радио, когда начала открываться подушка безопасности. Не очень приятные способы уйти из жизни".

— Я наткнулся на три интересных детали... — Патрик зашуршал бумагами. — Первая: У Рудольфа Кислингера и Хайнца Пранге было по несколько заявлений в полицию по поводу детской порнографии в интернете, но до разбирательств в суде так и не дошло. Якобы доказательств было слишком мало, поэтому прокурор закрыл уголовное дело через несколько недель.

Детская порнография! У Эвелин сдавило горло. Дело принимало оборот, который ей совершенно не нравился.

— Второе: Судя по выпискам из счетов обоих, которые я раздобыл — только не спрашивай как — они, начиная с 1998 года, раз в квартал переводили тысячу евро на анонимный счет. И это точно были не добровольные пожертвования детским домам.

— Сомнительные членские взносы?

— Возможно. Но, может, их и шантажировали. А теперь самое интересное: анонимный счет один и тот же. К сожалению, нельзя выяснить, кому он принадлежит.

Лицо Эвелин обдало жаром.

— Я знала, что помимо девушки в платье на бретельках, этих двоих связывает что-то еще!

— Я еще не закончил, — прервал ее Патрик.

Услышав шаги в коридоре, Эвелин инстинктивно убрала со стола ноги.

— Третий пункт самый интересный: Я выяснил, где были Кислингер и Пранге летом 1998 года, в то время, когда начались денежные выплаты...

За матовым стеклом двери появилась чья-то тень.

— ... и наткнулся на еще одно совпадение.

В дверь постучали, и вошел Крагер.

Эвелин убрала трубку от уха.

Крагер положил на стол визитную карточку.

— Это номер телефона Маттиаса Виндбихлера. Кстати, адвокатом истицы снова

является доктор Джордан. Вы уже имели удовольствие познакомиться с ним.

Эвелин все еще слышала бормотание Патрика в трубке, но положила ее, даже не взглянув на визитную карточку.

— Я знаю, что Вы не хотите ничего слышать, но у Рудольфа Кислингера и Хайнца Пранге общее прошлое, — сказала она ледяным тоном.

Крагер покраснел, но она продолжила говорить. Не мог же он быть таким упрямым и не выслушать ее... Эвелин рассказала ему о денежных переводах, анонимном счете, фотографии девушки с длинными, тонкими волосами в летнем платье. Когда она упомянула телефонный разговор с Холобеком, Крагер не выдержал.

— Эвелин! — заорал он. — Мы не криминальная полиция, а адвокаты! — Он взял подшивку документов по делу Ангелика Боймлер против Маттиаса Виндбихлера и демонстративно ударил ей по столу. — Вот это ваше дело, и никакое другое! Я дал Вам шанс, но Вы не оставляете мне выбора. — Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. — Я даю Вам отпуск до конца недели. Что касается Ваших личных дел, то можете делать, что хотите. Выясните то, что должны выяснить, но пусть в Вашей голове, наконец, наступит просветление.

Отпуск? Это слово было ей чуждо. Она уже даже не знала, что оно означает. Последний отпуск был у нее несколько лет назад. Круиз по Карибскому морю с друзьями. Но сегодня уже невозможно будет заказать "горящую путевку" на юг. С другой стороны Эвелин не выдержит сидеть дома.

Она посмотрела на Крагера ледяным взглядом.

— Не может быть, чтобы Вы говорили всерьез.

— Еще как может! — Крагер взял со стола папку. — Приведите в порядок свое бюро и жизнь. В следующий понедельник, когда Вы снова будете в здравом уме, мы поговорим, что делать дальше.

Он вышел из помещения и так сильно хлопнул дверью, что задрожало стекло в раме. Таким злым она его еще никогда не видела. Видимо смерть Холобека и ее поведение в последние дни сильно доконали его. И все это сразу после празднования двадцати пятилетия. За взлетом, как известно, следовало падение. Кроме того, ее поведение не соответствовало тому, что ожидалось от будущего младшего партнера.

Эвелин уставилась на телефон. Ни одна из кнопок не мигала. Несмотря на все проблемы, все ее мысли были заняты одним вопросом. Каков был третий пункт, который Патрик выяснил об этих двух мужчинах?

Во второй половине дня Вальтер Пуласки покинул главный вокзал в центре Лейпцига. Только что начался час пик. Тарахтящие электрички каждые несколько минут проезжали мимо него, а машины, как тягучий поток лавы катились по Рингштрассе. Еще недавно его убаюкивала музыка двухэтажного торгового центра на вокзале, а теперь в голове Вальтера звучал шум транспорта.

Произошло ограбление универмага модной одежды «Пик & Клоппенбург» и начальник отдела Фукс поручил ему взяться за это дело. Грабители опустошили кассу, украли восемьсот евро наличными, ударили посетительницу, вырвали у нее сумку и, убегая, запустили в витрину манекеном. Полный набор: повреждение имущества, разбойная кража, телесное повреждение по неосторожности и, возможно, незаконное хранение оружия. Пуласки допросил свидетелей, сделал фотографии и составил протокол.

На его счастье преступники не сразу покинули территорию вокзала, а после кражи еще и ворвались в киоск, чтобы опустошить и его кассу. При этом они уронили журнальную стойку на прилавок. Пуласки постоянно спрашивал себя, как можно быть такими дураками и повторять этот номер в одно и то же время, в одном и том же месте.

Просидев полчаса в бюро администрации вокзала, Пуласки получил очень четкую запись с камеры видеонаблюдения рядом с киоском. На этом дело можно было считать закрытым. Розыск преступников не продлится, наверное, и суток, и в скором времени двое подростков будут сидеть на допросе у Хорста Фукса в управлении полиции на Димитроффштрассе. Это было смешно, но если дело касалось подросткового криминала, Фукс обычно лично занимался этим, даже, если у него было полно других дел. Он всегда хотел дать парням хороший, жизненный совет на будущее. Впрочем, он не мог выйти из своей социальной роли наставника и иногда обращался с преступниками даже более уважительно, чем с подчиненными.

Пуласки прикрыл глаза рукой, защищаясь от послеобеденного солнца. Он шел со своим чемоданчиком к машине, припаркованной перед пешеходной зоной. До возвращения в участок оставалось еще немного времени. Сейчас он мог бы, как это часто бывало, прогуляться мимо магазинов, поговорить по телефону с дочерью или купить продуктов на ужин в супермаркете на Николаиштрассе. Мог бы встретиться с Ясмин в кафе-мороженое, чтобы насладиться последними летними деньками.

Школа только началась, и его дочери еще было скучно. С тех пор как пять лет назад Карин не вернулась из больницы домой, малышка была очень привязана к нему. Как только Пуласки был где-то рядом по работе и у него находилось несколько свободных минут, он звонил ей. И она приезжала на своем треккингвом велосипеде, который уже стал девочке мал, в город. Может быть, она делала это лишь потому, что думала, что ему было одиноко. Как бы то ни было — на этот раз у него не было времени ломать себе голову над этим. Пуласки нужно было уладить кое-что другое.

Пуласки подошел к машине, закинул чемодан на заднее сиденье, взял значок криминальной полиции с панели приборов и сел за руль. Засунув в рот сигарету, он поднял с пассажирского сиденья тяжелую стопку бумаг, копии которых Мальте сделал в участке, и положил себе на колени. Семьдесят медицинских карт с историями болезней пациентов! Все из психиатрической клиники Маркклеберг. Пуласки уже прочел документы вчера

вечером в комнате для переговоров, но сейчас он искал нечто другое: параллели между ними.

Был ли среди пациентов еще один сирота, которого подвергали сексуальному насилию в детстве, и который сначала лечился в клинике Бремерхафена, а затем был переведен в психиатрическую лечебницу Маркклеберг? И произошло ли все это десять лет назад?

Через полчаса Пуласки отложил в сторону последний листок. "Осечка"! Ему попалось несколько случаев, где происходило то или иное. Но ни в одной истории болезни не было совпадений всех ключевых данных. Только у Мартина и Наташи. Значит все-таки совпадение? Он не хотел в это верить. Это была интуиция, которая очень редко подводила его. Вскрытие Мартина Хорнера покажет, действительно ли парень умер своей смертью или нет. Но так долго Пуласки ждать не хотел. Он чувствовал, что за внешним "фасадом" этого дела скрывалось гораздо больше, и хотел пробить в нем брешь, чтобы вытащить на свет все тайны этой истории.

В голове Пуласки проносилось множество мыслей.

Смерть обоих детей в течение нескольких дней.

Остановка сердца и самоубийство.

Седовласый.

Поддельная прощальная записка.

След, ведущий в Бремерхафен.

Он предполагал, что Готайник, его бывший коллега в управлении уголовной полиции и молодой нахал Винтереггер не придадут значения этому неясному следу. У Пуласки было подозрение, что седовласый снова нанесет удар, или, может, он уже до этого проявлял активность? При этой мысли Пуласки выпрямился.

Но кроме Мартина и Наташи в психушке Маркклеберг больше не было случаев смерти. Пуласки вспомнил кое-что, что вчера сказала Соня Вилльхальм, когда они прогуливались в парке.

Для таких больных существовало всего два специализированных заведения: клиника в Гёттингене и Маркклеберг.

Гёттинген! Город находился всего в двухстах тридцати километрах от Лейпцига. Три часа на машине. Там была еще одна специальная клиника для людей с раздвоением личности. Нужно было выяснить бывали ли там смертельные случаи среди пациентов. Если нет...

... то, может, они были еще впереди.

Пуласки сидел в своем бюро, уставившись на монитор, когда на улице уже начало смеркаться. Время тянулось как никогда медленно.

Хорст Фукс, усатый великан, проходя мимо его кабинета просунул голову в дверь.

— Доклад по главному вокзалу уже готов?

— Я работаю над этим, — солгал Пуласки. Готовый доклад уже полчаса лежал в ящике его стола. Краем глаза он взглянул на монитор.

Поиск завершен на девяносто шесть процентов.

— Давай быстрее, я хочу еще сегодня вечером объявить в розыск этих двоих подростков.

— Да, конечно.

Поиск завершен на девяносто семь процентов.

Фукс уже хотел уходить, когда Пуласки крикнул.

— Есть новости от Готайника и Винтерреггера?

— Ты больше не занимаешься этим делом.

— Это для меня не новость!

Фукс повернулся и оперся о дверной косяк. Под его мышками виднелись большие пятна пота. Как никак он уже с семи утра был на службе и наверняка опять пробудет здесь до полуночи. Такова была работа начальника отдела.

— Насколько мне известно, они допрашивают врачей и санитаров психиатрической клиники.

Вот идиоты! Пуласки простонал.

— Пустая трата времени.

— Возможно, но это больше не твое дело.

— Они совершают ошибку.

— Уже не в первый раз. — Фукс поднял плечи. — А тебя-то это почему так заботит?

— За этим делом кроется нечто большее, — ответил Пуласки. — Я чувствую.

— Знаменитое шестое чувство Пуласки!

Это прозвучало издевательски, но вдруг Фукс посмотрел на него наморщив брови.

— Тебе неприятно это слышать, но если бы ты остался в управлении уголовной полиции, то смог бы вести расследование. Когда — то ты был там влиятельным человеком, но сейчас утратил свое значение, по крайней мере, в их глазах.

Да, черт возьми. "Старая песня". Он не имел ничего против парней из управления уголовной полиции, но почему расследование должны вести именно эти два неудачника? Как и все остальные, он часто закрывал глаза на то, что исчезали доказательства или что-то замалчивалось. Но на этот раз Пуласки не хотел этого допускать. Все-таки речь шла о молодых людях. Да разве они смогли бы что-нибудь предпринять против него, если бы он продолжил расследование на свой страх и риск? Перевести на новую должность? Куда? Он итак уже был на круглосуточной службе и полдня писал доклады. Хуже быть уже не могло.

Пуласки покосился на монитор.

Поиск завершен на девяносто девять процентов.

— Ты прав.

— Не забудь об отчете!

Фукс кивнул ему и исчез. В этот момент из монитора раздался писк. Поиск завершен. Одно попадание.

Пуласки вошел в систему бюро записи актов гражданского состояния с помощью нового кода подразделения и сделал запрос о смертях в психиатрической клинике Гёттингена за последние три месяца. Одно попадание! Свидетельство о смерти было выдано неделю назад.

Несмотря на жару в бюро, Пуласки печатал на клавиатуре холодными, онемевшими пальцами. Пациент — некий Себастиан Земмельшлэгер, покончил жизнь самоубийством. Согласно дате рождения ему было девятнадцать лет. Как Наташе и Мартину. Большого ему, с его компьютером и полномочиями, выяснить не удастся.

Пуласки взял трубку и позвонил в уголовную полицию Саксена. Он не собирался

говорить с Готайником или Винтереггером. Еще было слишком рано. Но в Дрездене было достаточно других людей, которых он знал со времен своей службы главным комиссаром криминальной полиции и которые были ему обязаны.

Ожидая, когда ему перезвонят из Дрездена, Пуласки пил кофе и курил сигарету. В кухню он пошел в обход, чтобы не проходить мимо кабинета Фукса.

В кухне было темно. Пуласки прислонился лбом к окну и уставился на улицу вниз. Только что включилось уличное освещение, люди спешили с покупками домой. Он придет домой позже, чем планировал, как и вчера. Впрочем-то Фукс был прав. Зачем ему это дело? Лучше было бы пойти домой, пока еще были теплые вечера. Он пообещал Ясмин, что на этой неделе поедет с ней и соседской собакой Рексом на велосипеде в Йоханнапарк, чтобы поиграть с фрисби^[8]. Но сегодня уже нет. Он должен был разобраться с этим делом. Пусть даже только для того, чтобы успокоить свою совесть.

Наконец, зазвонил его сотовый. Пуласки затушил сигарету.

Но это был не дрезденский номер, а телефон Майке. Она звонила из отделения патологии.

— Привет, мой дорогой. Как дела?

— Еще на службе? — спросил он. — Тебе дома заняться нечем?

— Ты же знаешь, "кромсать" — это мое хобби. А ты где?

— В участке.

Она засмеялась.

— Жалуешься на меня, а сам уже практически живешь в бюро.

Майке сделала паузу.

— Как долго?

— Самое большее четверть часа, — сказал он. Надеюсь!

— Сходим потом чего-нибудь выпить?

Этот вопрос не возникал уже давно, и Пуласки надеялся, что Майке сдалась. От университетской клиники до Димитроффштрассе было всего лишь пятнадцать минут пешком. Посещение пивной в конце рабочего дня напрашивалось само собой, тем не менее, они всего несколько раз ходили куда-то вместе. Никогда одни, всегда с коллегами. Когда она задавала ему этот вопрос, он почти всегда думал о Карин. Наверняка она бы хотела, чтобы после ее смерти он встречался с другими женщинами. В конце концов, он же не мог вечно сидеть дома и смотреть на ее фотографии, которые спрятал от дочери в ящике стола.

Однако на этот раз Пуласки подумал не о Карин, а о Соне Вилльхальм. С тех пор как он вчера впервые увидел эту женщину-терапевта, она не выходила у него из головы. "Руки прочь от бывшей жены прокурора Колера", — сказал он самому себе, но, несмотря на это, его мысли были постоянно о ней. Возможно это была еще одна причина, чтобы следить за расследованием смертей Наташи Зоммер и Мартина Хорнера? Чтобы не терять с ней связь? Его запутанные и двоякие чувства, противоречивые мотивы были бы просто находкой для психиатра.

— Нет, сегодня не получится, — сказал он, в конце концов. — Я хочу пойти домой, к дочери.

— Ах да, конечно.

Кажется, Майке догадывалась, что его ответ не совсем правдив. Да и какая разница? Между ними никогда ничего не было.

— Кстати, сегодня в обед у меня на столе оказался второй пациент из психиатрической

клиники.

Пуласки насторожился.

— Мартин Хорнер?

— Ты хорошо проинформирован. Парням из уголовной полиции очень повезло.

"Парни из уголовной полиции, да это же просто смешно», — подумал Пуласки. — «Они и успех!"

— Он умер не от сердечной недостаточности?

— Пока не могу сказать. В любом случае, согласно медицинскому отчету, он страдал от сердечной недостаточности, поэтому регулярно принимал медикамент, который ускорял сердцебиение, — ответила судмедэксперт. — Но тебя гораздо больше заинтересует тот факт, что я обнаружила следы проколов на обоих плечах.

— Как у Наташи.

— Видимо патологоанатом не заметил эти следы, когда делал вскрытие. Я бы их тоже не заметила, если бы целенаправленно не искала совпадений.

— Ботокс?

— Возможно.

Он подозревал...

— Мартин умер не своей смертью.

— Знаменитый диагноз на расстоянии от профессора Пуласки, — съязвила Майке. —

Почему тебя так интересует это дело?

— Пожалуйста, просто держи меня в курсе.

После этого разговора Пуласки вернулся в свое бюро. Десять минут спустя раздался долгожданный звонок из Дрездена. Звонил Филип Кох, ответственный за обработку данных и информационно-справочную службу. В свое время, на одной вечеринке он познакомил Пуласки с Карин и был свидетелем на его свадьбе.

У Филипа как всегда был усыпляющий голос, как будто он проглотил сто таблеток «Валиума».

— Пациент Себастиан Земмельшлэгер покончил с собой в психиатрической клинике Гёттингена. Деталей у меня нет, поэтому тебе нужно позвонить главному врачу, но он тебе ничего не скажет.

— Я знаю, Филип, кроме того, я уже сам это выяснил, — прервал его Пуласки.

— Как тебе вообще в Лейпциге?

— Отлично, спасибо.

Не время для непринужденной беседы!

— Что там с клиникой в Бремерхафене?

Филип постучал по клавиатуре.

— Ты был прав. Парня там действительно лечили, в августе 1998 года, а затем перевели в Гёттинген.

У Пуласки пробежал холодок по спине.

— Второй запрос! — напирал он. — Еще кто-нибудь был?

— Летом '98 у этого же врача лечился второй ребенок, которому тогда было восемь лет, и которого также перевели в психиатрическую лечебницу в Гёттингене.

Полное попадание! У Пуласки заколотилось сердце.

— Как звали врача?

— Не могу тебе сказать, это конфиденциально.

Пуласки пытался оставаться спокойным.

— А имя ребенка?

Он схватил ручку.

— Леся... — Филип медлил. — Прокопов...

— Прокопович, — помог ему Пуласки. Украинская фамилия.

Четверо детей одного возраста, лечившиеся в Бремерхафене в одно и то же время. Возможно, во всех этих случаях их лечил один и тот же врач. Двое из них оказались в Маркклеберге, а двое других в Гёттингене — и вот уже трое из них были мертвы.

— Девочка еще там?

— Я что, ясновидящий? — пробурчал Филип.

— Спасибо, ты мне очень помог.

— Хорошо, но ты знаешь, что такие запросы обычно...

— Спасибо, Филип.

Пуласки положил трубку, достал из ящика стола отчет и вышел из бюро.

Он бросил Фуку на стол папку с документами об обоих ограблениях в торговом центре на главном вокзале Лейпцига.

— Ориентировки, показания свидетелей, протокол о нанесении материального ущерба... все как обычно.

Фукс лишь приподнял бровь и сделал вид, что не услышал комментарий Пуласки.

— Могу я взять выходной на завтра? — спросил Пуласки.

Фукс не смотрел на него, пролистывая документы.

— Зачем?

— Мне надо отдохнуть.

Фукс хрипло засмеялся.

— А кому этого не надо?

Затем посмотрел на настенные часы.

— Ты опоздал со своей просьбой. Каникулы закончились, начинаются последние дни лета, каждый хочет иметь свободные дни.

Пуласки ничего не ответил. Он надеялся, что Фукс не будет спрашивать его о причине. Он итак проводил мало времени с дочерью, и не стоило сейчас прикрываться ею, придумывая вынужденную ложь. На этот счет совесть Пуласки работала точно как швейцарские часы.

Фукс закрыл папку.

— Доклад в порядке. Я не против. Поговори с Мальте, пусть он отработает за тебя.

Он открыл ящик стола, достал формуляр и протянул Пуласки. Фукс так смотрел на него, словно догадывался, какие мысли были в голове у Пуласки. Но его следующий вопрос прозвучал как бы между прочим.

— День отпуска. Что планируешь делать?

Пуласки подписал формуляр.

— Поеду на природу.

— Прекрасно. — Фукс понизил голос. — Сообщи, если возникнут трудности.

Трудности? На мгновение Пуласки замер.

Он же просто едет в Гёттинген. Какие у него могут возникнуть трудности?

Песни Энии уже давно отзвучали, на улице уже царил темная ночь. У Эвелин было совсем не романтическое настроение, поэтому она отказалась зажигать свечи, а вместо этого включила свет в гостиной.

Наполовину опустошив бутылку шампанского, они обсудили все возможные обстоятельства дела. Они незаметно разговорились о нем, а когда Эвелин заметила это, в ее мыслях уже возникли самые абсурдные предположения.

Около двадцати двух часов она снова нажала на кнопку повторного вызова на своем сотовом. И снова раздался звучный мужской голос с северогерманским акцентом. "Говорит Эдвард Хокинсон..."

Автоответчик прокручивал одно и тоже сообщение, которое они уже много раз слышали сегодняшним вечером.

"... в данный момент я нахожусь в командировке и вернусь домой в среду вечером. Если хотите оставить сообщение, я незамедлительно перезвоню Вам".

Был вечер среды, и, тем не менее, он не брал трубку. Эвелин не стала оставлять сообщение. Да и что она должна была сказать? «Меня зовут Эвелин Майерс, я венский адвокат, перезвоните мне, пожалуйста». Она даже не знала что сказать, если Хокинсон неожиданно снимет трубку. Такие вещи не обсуждаются по телефону. Как он отреагирует, если она спросит, получал ли он каждые полгода на протяжении десяти лет деньги от Рудольфа Кислингера и Хайнца Пранге и знает ли он что-то об обстоятельствах смерти этих двух господ? Может ли она выслать ему по факсу фото и узнает ли он на нем молодую девушку с длинными волосами и в платье на бретельках?

Чем дольше Эвелин думала об этом, тем абсурднее казалась ей эта история. В конце концов, она соскочила и нервничая начала ходить по гостиной.

— Я иду в полицию.

Патрик простонал.

— Линни, мы же уже тысячу раз говорили об этом! Еще слишком рано. Что полицейские по-твоему должны сделать? С такими неясными уликами они просто выкинут тебя из участка.

— Значит, нам нужно выяснить больше.

Он грустно посмотрел на нее.

— Но что-то же я должна предпринять!

— Еще раз позвоним Хокинсону завтра, — предложил он.

— И что я ему скажу? Что хотела бы бронировать путешествие на "Фридберге"?

Патрик ничего не ответил. Очевидно, что его так же как и Эвелин не устраивала вся эта ситуация. Она вынуждена была признать, что они топтались на месте. К тому же было неясно, что с чем было связано. Она вновь подумала об обвинении в детской порнографии. Как специально! Может лучше было бы засунуть голову в песок и забыть это дело. С другой стороны, в голове Эвелин все еще звучали слова Крагера. "Разберитесь, наконец, со своим прошлым и покончите с ним. Наведите порядок в своей жизни!" Она смотрела на свое отражение в окне. Черт побери, он был прав. Как долго она собиралась убежать от этого? Был только один выход из создавшегося тупика. Она должна была обратиться к этой теме.

— Все следы ведут на север Германии, — размышляла она, пока писала смс.

— Какое открытие! — прокомментировал Патрик.

Дописав смс, Эвелин вызывающе посмотрела на него.

— Вспомни голос молодой девушки, который мы слышали, когда набрали номер Холобека. У нее был северо-германский акцент.

— Ах, сотовый, — пробормотал Патрик, словно это было неважно. — Кстати я разговаривал об этом с Бернекером. Сотрудники уголовного розыска запеленговали сотовый Холобека и после долгих поисков нашли его в мусорном ящике на вокзале Вены. Он был включен и введен в систему вокзала.

— И ты говоришь об этом только сейчас?

— Это же неважно, к тому же на нем не было отпечатков пальцев.

— Но теперь мы знаем, что кто-то незадолго до смерти Холобека взял сотовый из его пентхауса в Альт-Ерлаа, несколько часов спустя ответил на мой звонок, а потом выкинул его в урну на Западном вокзале.

— К сожалению, нам это никак не помогает в расследовании.

— Возможно, эта женщина с северо-германским акцентом была на Западном вокзале и села в первый попавшийся поезд в Гамбург.

Патрик вздохнул.

— Правильно, — подтвердила Эвелин. — Именно это я и выясню. По крайней мере я не буду сидеть и ждать, пока кто-нибудь столкнет меня с балкона.

Эвелин пошла в спальню, открыла шкаф и бросила на кровать чемодан и дорожную сумку. После того как она открыла защелку чемодана, из него донесся знакомый запах белья и туалетных принадлежностей. Ее последняя командировка была не так давно. Заграничный паспорт все еще лежал в боковом кармане чемодана, рядом с упаковкой влажных платков и газетой, которую она получила в самолете.

Она достала из шкафа и затолкала в чемодан нижнее белье, джинсы, толстовку и пуловер.

Эвелин услышала как Патрик на костылях, прихрамывая, вышел в коридор. Когда она обернулась, он стоял в проеме двери.

— Надеюсь, ты не собираешься сделать то, на что это похоже.

Эвелин с грустью посмотрела на него. Он оперся на костыли, чтобы не напрягать ногу в гипсе и выглядел каким-то беспомощным, словно не решался войти в ее спальню. Кровать была не прибрана, скомканная пижама Эвелин лежала под подушкой. Рядом с ночником лежала стопка романов Мэри Хиггинс Кларк.

— Твой отец дал мне отпуск и посоветовал разобраться наконец-таки с моим прошлым.

Эвелин сложила в сумку носки, книги и дорожный будильник.

— Я следую его совету.

— Линни, ты же не серьезно!

— Еще как серьезно. Еще никогда и ничего не было мне так ясно как это.

Бонни и Клайд проскочили меж ног Патрика, одним махом запрыгнули на кровать и, урча, зарылись в одеяло.

— Я должна выяснить, что стоит за этим делом, — сказала Эвелин. — Ради Холобека и себя самой. Если я этого не сделаю, то мысли о его смерти и этих двух непонятных несчастных случаях просто сведут меня с ума.

— Я понимаю, но дай мне еще пару дней, чтобы побольше разузнать о Хокинсоне и этой поездке на корабле, — сказал Патрик. — Когда у нас появятся веские доказательства,

мы пойдем в полицию и изложим суть дела. Тогда они должны будут что-то предпринять. Начнем с того, что завтра утром мы еще раз...

— Хватит спекуляций. Замешан ли, и если да, то как, этот Эдвард Хокинсон в нашем деле, мы все равно не выясним по телефону. Если я встречу с ним лицом к лицу, то узнаю гораздо больше, чем во время телефонного разговора.

— Ты действуешь поспешно. Позволь мне...

— Ты достаточно сделал, — прервала она его. — Теперь моя очередь и у меня есть время только до утра понедельника, потому что в понедельник твой отец вновь хочет видеть меня в конторе.

Эвелин прошла мимо Патрика, чтобы забрать из ванной косметичку. Когда она закрыла чемодан, Патрик лишь непонимающе покачал головой.

— Ты ведь даже не знаешь, когда следующий самолет.

В этот момент пискнул ее сотовый. Это была смс от информационной службы аэропорта Швехата.

Эвелин прочитала сообщение. Следующий прямой рейс из Вены в Гамбург будет в 6.25 утра самолетом Эйрберлин.

— Завтра утром в 7.50 я буду в Гамбурге, — сказала она.

— Позволь мне, хотя бы сопровождать тебя.

Она уставилась на его загипсованную ногу.

— Я арендую машину, на которой поеду в Куксхафен.

— Только смотри, чтобы тебя не сфотографировал радар на скорости 180 км/ч, как это было с Пранге.

В этом был весь Патрик — если он не знал, что делать или сказать, то пытался шутить. Однако в следующий момент он опять стал серьезным.

— Линни, как я могу отговорить тебя от этой поездки?

— Будь днем и ночью доступен, чтобы я могла связаться с тобой по телефону, — ответила она.

Двумя месяцами ранее

Она разговорилась с мужчиной в кафе и под села к нему за столик. Это было проще, чем она думала. Он был политик, умный парень, коварный и хитрый — она же была всего лишь блондинкой. Непревзойденное орудие. Она рассказала ему о студенческом общежитии, что у нее закончились деньги, а нужно было срочно ехать в Рамзау. И о том, что опоздала на последний автобус, и в порыве ярости выбросила билет в мусорный бак.

Во время разговора он не отводил глаз от ее груди. Закинутые одна на другую ноги, их нежная кожа и чуть видневшиеся бедра его не заинтересовали. Даже когда она поставила дорожную сумку на колени и намеренно смахнула подол платья в сторону. Но у каждого мужчины была своя Ахиллесова пята, и у него тоже. Его очаровали маленькие соски под голубым платьем на бретельках.

Через полчаса она уже сидела на скрипучем кожаном сиденье его «Мерседеса».

— Вам не жарко? — спросила она, пока он пристегивался.

Послушно, как собачонка, мужчина нажал кнопку на панели приборов. Раздался щелчок, после которого крыша сдвинулась и откинулась назад. Затем он завел машину.

Они поехали по Альпенштрассе в Рамзау. Нужно было сделать небольшой крюк. Хотя ему самому надо было в Берхтесгаден. По крайней мере, он так сказал. Пустые серпантины дороги были как нельзя кстати. Ей всего лишь нужно было выбрать подходящее место.

По дороге она открыла дорожную сумку и достала кассетный проигрыватель на батарейках. Цветная детская игрушка с большими ушами Минни-Маус.

— В машине есть радио.

Мужчина уже хотел нажать кнопку на дисплее, но она опередила его. Кассета в ее магнитофоне заиграла «Summer in the City».

— Вы местная? — спросил он.

Вместо ответа девушка начала подпевать и качать головой в такт музыке. Когда кожаное сиденье под ней закрипело, она начала петь еще громче. Встречный ветер развеивал ее волосы. Она вдыхала аромат хвойного леса, свежей земли и подставляла лицо солнцу.

На широком повороте, лежащем в тени деревьев, девушка вдруг схватила его руку.

— Остановите, мне нужно в туалет.

Мужчина направил машину на обочину. Одним рывком она выскочила из машины, побежала по хвое к дереву, задрала платье и села на корточки. При этом одна бретелька соскользнула с ее плеча.

— Там есть кусты! — крикнул он.

— Поздно.

Девушка посмотрела в сторону. Из машины доносилась песня «Summer in the City». Она знала, что была на виду и он смотрел на нее.

Закончив, девушка потрогала рукой между ног и понюхала руку. Одновременно покосилась на него и заметила, что мужчина резко отвернулся.

Она знала, что он у нее на крючке.

Сев в машину, девушка заметила, что мужчина покраснел.

— У тебя что, стояк? — напрямую спросила она.

— Я... — У него перехватило дыхание.

— Спорим, что да.

Одним махом она перелезла к нему и села на мужчину верхом.

— Боже мой, вот это палка! — вырвалась у нее, когда, она почувствовала его затвердевший член.

— Что Вы себе позволяете...

Бросив взгляд в зеркало заднего вида, мужчина ее попытался оттолкнуть.

— Слезайте... черт возьми, что это такое?

Она прижала ладонь, с запахом мочи, к его носу и провела своей рукой по губам и щекам мужчины. Иногда это действовало как афродизиак.

Неожиданно мужчина схватил ее за ягодицы. Она покачала бедрами.

— Господи, — простонал он.

Мужчина провел руками выше по ее телу, и вдруг удивленно распахнул глаза.

— На тебе нет трусиков!

— Они мне не нужны, — прошептала она.

Мужчина начал торопливо расстегивать застёжку на брюках. Казалось, теперь ему было все равно, что мимо проезжали машины или кто-то мог увидеть ее в кабриолете, сидящей на коленях господина политика.

Он отчаянно пытался достать эрегированный член из штанов.

Все это длилось уже слишком долго. Его пыхтение вызывало у нее тошноту. Быстро оглядевшись, она удостоверилась, что на Бергштрассе не было машин, затем нащупала кассетный магнитофон, стоявший на панели приборов. Он уже давно играл следующую песню.

— Вот черт, подвинься немного, — тяжело дыша сказал политик.

Девушка взяла магнитофон и со всей силы ударила им по лбу мужчины.

Кассета перестала крутиться, песня «Knockin on Heaven's Door» прервалась. Его взгляд стал стеклянным, а голова медленно опустилась на подголовник.

Это было легче, чем она ожидала.

Девушка отключила ручной тормоз, положила Минни-Маус-магнитофон на колени политика, взяла с пассажирского сиденья дорожную сумку и вышла из машины.

«Мерседес» уже катился, когда она захлопнула дверцу. Его даже не пришлось толкать. На всякий случай, девушка ушла с дороги, где по-прежнему не было видно ни одной машины.

«Мерседес» съехал с асфальта и покатился по хвое, к склону.

Она увидела, как крыло кузова задело скалу, после чего открылась подушка безопасности, и автомобиль опрокинулся через край пропасти.

Девушка не знала, как глубоко упала машина, но, судя по тому, что удар последовал непосредственно после падения, пропасть не была глубокой.

«Кассета!» — пронеслось у нее в голове.

Она все еще была в магнитофоне.

Забрать ее? Девушка нерешительно огляделась. Это было слишком рискованно. Кто-нибудь мог увидеть ее, но с другой стороны...

Но вот до нее уже донесся звук мотора из-за холма. Вверх по дороге поднимался конвой из нескольких тяжелых машин. «Забудь о кассете», — подумала она.

Быстро сняв «шпильки», девушка побежала по тропинке в лес. На поляне, на расстоянии

нескольких сотен метров, была припаркована ее машина...

Четверг, 18. сентября

Самолет «Эйр Берлин» приземлился в Гамбурге на десять минут раньше запланированного времени.

Сам аэропорт Эвелин почти не видела. Сразу после прибытия, она направилась через парковку к пункту проката автомобилей, где ее ждала «Ауди» с кондиционером, CD-проигрывателем и системой навигации. Мужчина, сдающий автомобили в аренду, удивленно скривил рот, когда она сказала ему, что еще не знает, как долго ей понадобится машина и куда она ее вернет. После подписания всех документов, Эвелин, наконец, получила ключ.

Пока Эвелин выруливала с парковки, навигатор просчитывал два маршрута в Куксхафен. Более короткая, южная дорога пролегла через центр Гамбурга и Бремена, и занимала два часа. Маршрут по северной дороге проходил вдоль Эльбы и занимал на час больше времени. Так как новости сообщали о километровых пробках между Гамбургом и Бременом, Эвелин решила поехать северной дорогой, вдоль реки.

Во время поездки Эвелин отключила радио и поставила диск с песнями Энии, который сунула в боковой карман дорожной сумки. Музыка навевала воспоминания о вчерашнем вечере и разговорах с Патриком. Наверняка он сидел в своем детективном бюро, высоко положив куда-нибудь загипсованную ногу, и ломал голову над тем, как у нее дела. Но было еще слишком рано, чтобы звонить ему. Он просто забросает ее хорошими советами, начнет предостерегать от всего на свете, да и вообще захочет препроводить обратно в аэропорт. Кроме того, он должен был кое-что выяснить для нее.

На федеральной трассе через Утерсен и Ельмсхем было удивительно мало транспорта. После того, как Эвелин проехала почти половину пути, дорога, которую рассчитал навигатор, закончилась в Глюкшадте, на берегу Эльбы. Увидев широкую реку, протекавшую через страну, она поняла, почему через нее не было моста. Против Эльбы венский Дунай казался ручейком, через который можно было переплюнуть. И вообще, северная Германия состояла из совсем других величин по сравнению с остальным миром. Города были длиннее, реки шире, просторы бескрайнее, а те немногие люди, которые до сих пор попадались у нее на пути, излучали непоколебимое спокойствие. Она уже даже привыкла к обязательному "Моин, Моин" ^[9], которое постоянно слышала с тех пор, как спросила дорогу к парому.

Полчаса спустя, она заехала на автомобильный паром. В то время, как он резкими толчками отчаливал от берега в сторону Вишхафена, Эвелин стояла на верхней палубе, облокотившись на перила и подставив лицо ветру. Ее волосы трепал ветер и девушке казалось, что она чувствовала запах соленой воды, хотя такого еще не могло быть. К счастью, Эвелин отказалась от жакета и деловых брюк, а вместо них надела кеды, джинсы и пуловер с воротником-стойкой — голубой норвежский, с узором-косичкой, принадлежавший ее матери, который грел даже при минусовой температуре.

Переправа на другой берег продолжалась немногим более двадцати минут. Паром бороздил молочную дымку, лежавшую над водой. На реке дул ледяной ветер. В то время, как гудели сирены кораблей, плывущих по Эльбе, Эвелин сначала поговорила по телефону с Конни, десятилетней подругой соседки, и попросила ее покормить Бонни и Клайда в свое отсутствие, а затем позвонила Патрику.

— Моин, — коротко сказал он.

— Что у тебя с ногой и сотрясением мозга?

— Ничего, что не смог бы вылечить Паркемед и мешочек со льдом на затылке. Где ты сейчас?

— На пароме в Вишшафен.

— Вишшафен? — повторил он, после чего замолчал, словно переваривая информацию. — Почему ты не поехала через Бремен?

"Умник", — подумала она.

— Эта местность намного романтичнее, — приврала Эвелин. — Рыбаки на молах пасущиеся на лугах овцы, туман над водой. Что может быть прекраснее такого утра?

Про себя Эвелин подумала о том, не доехала ли бы она быстрее другой дорогой, хоть и попав в пробку.

— Ты должна говорить «моин», через равные промежутки времени, — поучал он ее.

Рыбак в шапке и рубашке дровосека прошел мимо Эвелин.

— Почему? — спросила она. — Чтобы меня невзлюбили?

— Чтобы по ошибке не столкнуться в тумане с жителем Восточной Фрисландии.

— Ах, ты опять шутишь. — Эвелин закатила глаза. Звонить ему было ошибкой, но деваться было некуда. — У тебя есть адрес?

— Конечно, называй меня Шерлоком! Вилла с прилегающим участком земли недалеко от курортного парка, где Эльба впадает в Северное море.

Патрик назвал ей улицу и номер дома. Она мысленно записала.

— Спасибо, я позвоню, как только получу более подробную информацию о судовладельце.

Эвелин положила трубку, не дожидаясь ответа Патрика.

Около полудня, Эвелин добралась до Куксхафена. К этому времени солнце уже разогнало весь туман. Опустив боковое стекло, она прислушалась к крикам чаек, летавших вдоль морской дамбы. В некоторых местах даже был слышен шум волн, разбивающихся о причал. Здесь пахло соленой водой и рыбой.

Воздух Северного моря был великолепен. Эвелин любила рыбные рестораны, а качающиеся на ветру сетки и рыболовные суда, причаленные возле молов, как нельзя лучше подходили к идиллии этого городка.

Эльба становилась все шире, и вскоре Эвелин увидела открытое море. Затем появились первые деревья парка, который описывал Патрик. В один ряд выстроилось множество вилл, апартаментов и квартир, сдаваемых в аренду. Где-то поблизости должна была находиться частная территория Хокинсона. Эвелин ездил по улицам, пока, наконец, не нашла правильный номер дома. Вдоль границы участка стоял забор из кованого железа. Она медленно проехала мимо и остановилась в нескольких метрах от входа. Мощные ворота были открыты. На въезде был припаркован фургон фирмы "Сикуро". Судя по логотипу это было предприятие, устанавливающее сигнализации.

Эвелин вышла из машины, протиснулась мимо фургона и зашла на участок. К зданию вела широкая гравийная дорожка. У подъезда к дому стоял мотоцикл цвета черный металлик с ключом в замке зажигания. На руле висел защитный шлем с панорамным стеклом. А сзади простиралась вилла. Эвелин с открытым ртом уставилась на дом. Как правило, Патрик никогда не ошибался. Она еще раз посмотрела на номер дома на воротах.

— Неплохо быть судовладельцем, — пробормотала она.

Двухэтажная вилла в стиле модерн с большой террасой, двумя выступами и башенкой с зеленой медной крышей, на первый взгляд напоминала сказочный замок. Оконные ставни, цветочные горшки и виноградная лоза также служили украшением дома.

Но ощущение сказки мгновенно улетучилось, когда Эвелин заметила камеры, направленные из под выступа крыши в сад. На лужайке ходили рабочие в зеленых комбинезонах и разматывали кабельный барабан. Откуда-то из сада Эвелин услышала ругательства, которые говорил приглушенный мужской голос. В павильоне, стоявшем в тени огромной ели, ругались двое рабочих. Позади беседки располагался пруд с кувшинками, на берегу которого бурно разросся зеленый камыш.

Рабочие не обратили внимание на Эвелин и она незаметно зашла на террасу. Между плетеными стульями и столом, на котором лежал и развевался на ветру придавленный молотком строительный план, она остановилась и огляделась. Отсюда можно было увидеть море. Над пляжем летали чайки, а шум волн был слышен даже возле дома.

Эвелин постучала в открытую стеклянную дверь.

— Есть кто-нибудь?

Она заглянула внутрь и еще раз постучала по стеклу.

Наконец, из дома донесся хоть какой-то звук. Женщина в черных сапогах спустилась по лестнице, разговаривая по телефону, и остановилась в гостиной. Увидев Эвелин, она отключила сотовый, и подошла к террасе.

— Вы из фирмы "Сикуро"?

— Нет, меня зовут Эвелин Майерс. Я...

— Вы из Австрии?

Женщина сделала шаг назад и посмотрела на Эвелин критикующим взглядом свекрови. Ей было уже за сорок, но в этой блузке и в узких брюках для верховой езды она выглядела чертовски привлекательно. Ее темные волосы были гладко зачесаны назад, а вот брови выглядели неестественно — две тонкие дуги — да и ресницы, наверняка, были ненастоящими.

— Из Вены, я адвокат, — сказала Эвелин.

— Вена, Кайзер, Шёнбрунн, колесо обозрения... — Это прозвучало с легкой издевкой. — Чем я могу помочь милостивой госпоже адвокату?

— Я нахожусь у Хокинсона? — спросила Эвелин.

— Да.

— У судовладельца Хокинсона?

Женщина с любопытством рассматривала Эвелин.

— Насколько мне известно, Вы не договаривались с ним о встрече. Что же Вас привело сюда издалека?

Эвелин думала над тем, кто стоял перед ней. Жена Хокинсона? Собиралась отправиться на урок верховой езды, пока ее муж управлял кораблями из своего бюро? И кому принадлежал мотоцикл на въезде?

— Я бы хотела поговорить с господином Хокинсоном.

Дама улыбнулась. Эвелин было знакомо такое выражение лица, смесь сожаления и легкого злорадства.

— Вы опоздали на несколько дней, милочка.

Милочка?

— Но в сообщении на его автоответчике говорится, что...

— Подумаешь, автоответчик! — Женщина подбоченилась. — Мне нужно было уже давно отключить его или удалить сообщение. Но все время не доходят руки. Я уже несколько дней бьюсь с этой дурацкой сигнализацией. Рабочие не могут установить ее. Вы случайно не знаете какую-нибудь идеально функционирующую систему видеонаблюдения?

— Нет, я...

— В любом случае не советую Вам "Сикуро". Лучше заведите собаку. Если только Вам не нужна сигнализация, которая включается уже оттого, что датчик движения принимает за грабителя входящее сообщение из факса.

Она огляделась на террасе, и остановила свой взгляд на рабочих, которые ходили по участку с сенсорными датчиками и кабельными барабанами. Видимо, они должны были прокладывать кабель вокруг дома вплоть до деревянного павильона.

— Так что Вы там говорили, почему Вы здесь?

Болтовня этой женщины действовала Эвелин на нервы.

— Я бы хотела поговорить с господином Хокинсоном.

— Ах да. — Она дотронулась до виска, словно ее мучил тяжелый приступ мигрени. — Мой отец умер на прошлой неделе.

Из зимнего сада виллы Хокинсона открывался вид прямо на море. За живой изгородью простирался пляж с желтыми плетеными стульями и сложенными зонтиками от солнца. Из-за сильного ветра по берегу гуляли лишь несколько парочек. В воздух запускались бумажные змеи, время от времени кто-то подбрасывал мяч, за которым бегала собака.

Грета Хокинсон принесла из кухни поднос с чашками и чайником для заварки.

— Эвелин... Я ведь могу Вас так называть?

Не дожидаясь ответа Эвелин, она кивнула глядя на окно.

— Знаете, эта идиллия обманчива. Ватт ^[10] мокрый и вязкий. Повсюду соленая вода. Ветер постоянно шумит в ушах. К этому либо привыкаешь, либо это сводит тебя с ума. Так же как и крики чаек.

Поставив поднос на плетеный столик, Грета села рядом с Эвелин на ротанговый ^[11] стул. Закинув ногу на ногу, она начала болтать сапогом.

— Что связывало моего отца с венским адвокатом? Только не говорите, что в Вене есть завещание, и у него две внебрачных дочери. Только этого еще не хватало.

Несмотря на неприятную ситуацию, Эвелин не смогла сдержать улыбку. Грета Хокинсон была уникальной женщиной. Однако у Эвелин возникало какое-то странное ощущение внутри, когда она смотрела на беспокойные руки Греты.

— Речь идет об одном путешествии на корабле, которое Ваш отец организовал пару лет назад, — начала Эвелин. — В нем приняли участие двое наших клиентов. Хайнц Пранге и Рудольф Кислингер.

Она наблюдала за Гретой, но на ее лице не было никакой реакции.

— Кислингер был детским врачом на пенсии из Вены, а Пранге городским советником из Мюнхена.

— Был?

— Оба ушли из жизни в течение последних двух месяцев при загадочных обстоятельствах.

Вновь никакой реакции. Грета Хокинсон все также качала ногой.

— Что вы называете загадочными обстоятельствами?

Эвелин рассказала о том, что знала об их смертях, но скрыла тот факт, что в непосредственной близости от места гибели обоих была замечена молодая девушка в голубом платье на тонких бретельках.

Грета поморщилась.

— Как по мне, то похоже эти господа просто много выпили.

— Возможно. Но то, что они познакомились на корабле Вашего отца под названием "Фридберг" — это факт.

Грета прекратила качать ногой.

— Яхта покинула Бремерхафен и через 9 дней снова вернулась туда. — Эвелин налила себе чаю. — Вам знаком этот корабль?

— "Фридберг"...? — Грета задумчиво постучала ногтем по зубам. После чего выпрямилась. — Смотрите, у моего отца раньше было несколько яхт и пассажирских кораблей, которые он сдавал туроператорам. На самой большой лодке было немногим более пятидесяти кабин. Возможно, что один из кораблей назывался "Фридберг". Я почти не занималась делами отца, а сам он оставил эту отрасль несколько лет назад.

"Потому что он мог прекрасно жить на деньги от шантажа?" — мысленно спросила себя Эвелин.

— О чем Вы сейчас думаете? — спросила Грета.

Эвелин старалась не подавать виду.

— Хокинсон не типичная немецкая фамилия.

— Многие американские солдаты оккупационной армии остались здесь после войны. Мой дедушка был родом из Иллинойса, а бабушка из Гамбурга.

Эвелин указала на рамки с фотографиями, стоящие на комод. На одной из них была Грета Хокинсон в ковбойской шляпе и с хлыстом в руке рядом с благородным вороным конем. Рядом стоял господин приятной внешности с седыми висками.

— Это Ваш отец?

Грета встала и дала фотографию Эвелин.

— Отца всегда тянуло к морю. Он любил маяки, прогулки на машине вдоль побережья или многодневное плавание под парусом на Фёр, Зильт или к восточно-фрисландским островам. Меня все это не особо восхищает. Видите ли, я развожу лошадей южнее Куксхафена. Мой мир — это лошади, а не море.

Эвелин вернула ей фотографию.

— Ваш отец был привлекательным мужчиной.

Она улыбнулась.

— Не волнуйтесь, он знал, что неплохо выглядит и у него было достаточно денег. Часто его подружки были даже моложе меня.

В ее голосе промелькнули нотки отвращения.

Такое же неодобрение Эвелин уже слышала в голосе Патрика, когда он говорил о своем отце. Возможно, матери Греты не было в живых, а если у нее не было братьев и сестер, то она была единственной наследницей виллы и другого имущества, которое оставил Хокинсон.

— Могу я узнать, как он умер?

— По глупости...

Грета подошла к стеклянной двери и долгое время смотрела на пляж.

— Это не секрет, и было написано во всех газетах, — наконец сказала она. — Он умер из-за одной из своих причуд. По выходным отец любил ездить по побережью в Бремерхафен, иногда даже в Вильгельмсхафен или даже на границу с Голландией. Он называл это командировкой. Часто встречался там с друзьями. Они посещали казино и ночные клубы, ночевали в дорогих мотелях и разговаривали о финансовых рынках. После продажи кораблей, отец вложил деньги в акции — один из своих коньков.

Грета задумчиво гладила листья юкка-пальмы.

— Но в прошлую пятницу он далеко не уехал. На побережье возле Вурстерского ватта есть крутой скалистый склон недалеко от маяка. Отец ехал на своем кабриолете, на нем был длинный шелковый шарф с жемчужинками, который развевался на ветру. Впрочем, каким-то образом шарф запутался в заднем ходовом механизме...

Эвелин затаила дыхание, хотя уже знала, чем закончилась эта история.

— Отец задушился. Он упал в пропасть вместе с машиной и при падении сломал себе шею.

— Какой ужас. Мои искренние соболезнования.

— Спасибо.

Грета оторвала взгляд от моря и снова села за стол. Она до сих пор не притронулась к своему чаю.

— Самое странное во всей этой истории то, что у моего отца не было шелкового шарфа. Он ни за что в жизни не надел бы такую ужасную вещь, даже будучи пьяным в ночном клубе.

— Тогда откуда он появился у него?

Грета снова постучала ногтем по зубам.

— Знаете, я тоже задавалась этим вопросом. Я знаю одного бывшего юриста, который в хороших отношениях с прокурором. Короче: криминальная полиция начала расследование. Впрочем-то я не надеялась, что что-то прояснится, однако полицейские выяснили, что шарф был продан в одном бутике в Куксхафене за день до несчастного случая отца.

— Кому?

У Эвелин закралось мрачное предчувствие, и она невольно содрогнулась.

— Владелица магазина вспомнила покупательницу, — рассказала Грета. — Был составлен фоторобот, который напечатали все местные газеты.

Эвелин уже не слушала. У нее в голове все перемешалось. Немного помедлив, она все же вытащила из сумочки фотографию с камеры банкомата, сделанную в ту ночь, когда умер Рудольф Кислингер. Она протянула снимок Грете, которая долго рассматривала фото молодой блондинки в голубом платье на тонких бретельках.

— Откуда у Вас это фото?

— Вам знакома эта женщина? — задала встречный вопрос Эвелин.

Вместо ответа Грета встала и подошла к комоду. Порывшись в ящике, она вытащила стопку документов. Эвелин разглядела среди прочего штамп юридической конторы. Наконец, Грета протянула ей лист бумаги.

— Это фоторобот женщины, купившей шарф.

У Эвелин перехватило дыхание. Ей хорошо были знакомы эти длинные волосы, также как и тонкие, хрупкие черты лица и этот взгляд, мечтательно устремленный вдаль.

Эвелин смотрела то на фоторобот, то на снимок с камеры. Сходство этих двух молодых девушек было настолько очевидным, что не было никаких сомнений: это был один и тот же человек.

— Что все это значит? — спросила Грета.

— Если бы я только знала.

Поехав в Германию, Эвелин сама надеялась получить ответы. Но вместо этого вопросов стало еще больше.

— Эту молодую девушку видели рядом с городским советником Пранге незадолго до его смерти. Она также была в том месте, где умер Кислингер.

Эвелин заметила, что ей с трудом удавалось избегать слов "место преступления".

— Вы полагаете, что эта женщина как-то связана со смертью этих мужчин?

— Все указывает на это.

— Вы уже были в полиции? — спросила Грета.

Опять это странное ощущение внутри. Что же здесь было не так? Эвелин покачала головой.

— Это бы все равно ничего не дало, — вздохнула Грета. — Криминальная полиция уже несколько дней прогоняет этот фоторобот через СМИ, но до сих пор никаких зацепок, как будто такого человека вообще не существует. Я уж было подумала, что у владелицы бутика разыгралось воображение, однако...

— Эта фотография — лучше доказательство, что девушка существует.

— Но ее никто не знает, — пробормотала Грета.

— В любом случае возникает вопрос, какая тайна связывала Пранге, Кислингера и Вашего отца. — Эвелин сделала долгую паузу. — Что случилось тогда на корабле?

Эвелин не знала, стоит ли доверять Грете. Она также, как сама Эвелин не понимала, что происходит, или все же кое что знала? На всякий случай Эвелин не стала упоминать о том, что кто-то, имеющий счет в Гамбурге, шантажировал обоих мужчин с тех пор как они совершили путешествие на этом корабле.

— Как Вы сказали называлась лодка? "Фридберг"? — Грета задумалась. — Боже мой, невозможно реконструировать события десятилетней давности. Может, в рабочем кабинете отца остались какие-то бумаги. Но я не заходила в бюро еще когда была девочкой, а после его смерти тем более.

Грета на мгновение непроизвольно посмотрела в темный коридор.

— Этот бывший юрист, который знаком с прокурором, был близким другом отца. После падения с лошади он вышел на пенсию, однако, по-прежнему занимается финансовыми делами, оставшимися после отца. Без его помощи я бы не справилась. Сейчас я просто не в состоянии заниматься всей этой бюрократией. Примерно два месяца назад в этот дом проникли грабители и украли все семейные драгоценности. Отец вбил себе в голову, что нам нужна сигнализация, но эта чертова штуковина до сих пор не работает. Что-то не в порядке с проводами. К тому же только что начался сезон верховой езды, и у меня полно работы с

лошадьми... и вот, за день до похорон Вы показываете мне эту фотографию. — Она приложила руки к вискам.

В этот момент в зимний сад зашел один из рабочих. Он держал в руках крохотный пульт управления.

— Мы закончили.

Грета встала.

— Прошу меня извинить, тест номер 42, опять неудачный, это я уже знаю наперед. — Она бросила презрительный взгляд на рабочего.

Эвелин тоже встала.

— Вы живете в отеле поблизости? — спросила Грета.

— Вообще-то я собиралась сегодня вечером вернуться в Вену.

— Оставьте свой номер телефона. Я позвоню, как только что-нибудь выясню, и спасибо, что приложили усилия и приехали сюда. — Грета пожала ей руку, после чего исчезла в саду вместе с рабочим.

Эвелин смотрела на то, как они с техником шли к павильону. Порывшись в сумочке, она достала визитную карточку и положила ее рядом с фотороботом на плетеный столик. А фото с камеры свернула и убрала в сумочку. Действительно ли Грета хотела больше узнать об этом деле? Эвелин не была в этом так уверена. Ее насторожили две вещи. Во-первых, Грета не попросила у нее копию фотографии с камеры банкомата. На ее месте Эвелин была бы рада, наконец-то, получить настоящую фотографию таинственной женщины.

Во-вторых, Эвелин ни слова не сказала о том, что "Фридберг" выходила в море десять лет назад.

Пуласки добрался до Геттингена около полудня. Психиатрическая клиника Херберхаузен располагалась за городом. Соня Вилльхальм описала ему дорогу туда. Утро пролетело незаметно.

После того, как Пуласки этим утром отвез дочь в школу, он поехал в кофейню «Лютгенштайн» на юге Ляйпцига. Там он встретился с терапевтом, хотя и не рассчитывал на то, что она примет его приглашение, так как по телефону он просто упомянул о том, что хотел бы кое-что обсудить с ней. Но видимо она также как и Пуласки хотела, чтобы убийца Наташи был пойман. Когда приехал Пуласки, она уже сидела в нише за чашкой капучино.

Попивая кофе, куря сигарету и сильно кашляя, он рассказывал ей о расследовании и своих планах. Вилльхальм внимательно слушала, однако пока он говорил, забрала у него сигарету и на его глазах потушила ее. Пуласки улыбался и не воспротивился. В конце концов, Соня упомянула, что училась в Геттингене и знает главного врача детской психиатрической клиники. Но тот не будет ничего говорить, сославшись на врачебную тайну. Тем не менее, Пуласки хотел рискнуть. Вилльхальм пообещала позвонить врачу, чтобы сообщить ему о визите Пуласки. Большого она сделать не могла — как никак Пуласки больше не вел это дело и официально был в отпуске.

В девять часов Пуласки довез ее до психиатрии Маркклеберг, где она работала, после чего поехал в Гёттинген.

Шлагбаум поднялся, и портье махнул в знак того, что старенькая «Шкода» Пуласки могла проезжать. Видимо, утром шел дождь. Асфальт был еще мокрый, а на обочинах виднелись лужи.

Территория была необычайно большой — так как описывала ему Вилльхальм. По сути, пространство, которое занимала психиатрическая клиника, представляло собой огромную парковую зону с отдельными строениями, так называемыми историческими павильонами. Пуласки медленно ехал по износившимся асфальтовым дорожкам, проложенным среди обширного лабиринта аллей, изгородей и клумб с розами. Если бы он не знал, что в этих старых двух и трехэтажных постройках живут больные люди, то подумал бы, что находится в парке какого-нибудь санатория времен кайзера. Однако то, что происходило за этими стенами, не имело ничего общего с приятным времяпрепровождением на курорте.

Указатели привели его к отделению детской психиатрии под названием «Раздельное расстройство личности». Здесь находился Себастиан Земмельшлегер, до того как неделю назад покончил с собой, и здесь же жила Леся Прокопович.

Пуласки припарковался на парковочном месте для посетителей, рядом с павильоном 276. Он приехал слишком рано. Доктор Пинсгер примет его только в час дня. Поэтому он остался сидеть в машине и взял с пассажирского сиденья книгу. "Hot Water Music. Истории Чарльза Буковски". Где-то на середине шестой истории он загнул страницу. Дальше нее сегодня утром и во время остановки на автостоянке он не продвинулся. Это были истории о барах, питье, одиноких блондинках, курящих сигары и пьяных, бросающих монетки в музыкальный бокс. Ничего выдающегося. Истории, которые он ежедневно встречал на улицах. Зачем он вообще читал это унылое дерьмо? И почему это делала Наташа Зоммер, прежде чем седовласый мужик влил в нее джин и сделал смертельную инъекцию болеутоляющих?

Наташа, наверняка, многое пережила в детстве. Может, девушка, не говорившая ни слова, хотела больше узнать о настоящей жизни? О том, о чем думали мужчины и почему они творили с женщинами те или иные вещи? Узнать, что скрывалось в их больных мозгах? Тогда Буковски был подходящим автором. "Человек был отбросами вселенной", — говорилось в одной из его первых историй. Может, Буковски и не был поэтом, об этом Пуласки не мог судить, но он был не так уж и не прав в том, о чем писал. Однако были вещи, которые облегчали жизнь и делали ее сносной, о чем Буковски практически не проронил ни слова.

Пуласки нашел эту тоненькую книжку в своей квартире, в одной из многочисленных картонных коробок, в которых хранились личные вещи Карин и которые он вскрыл вчера ночью. Она была лектором в издательстве детских книг. Прежде чем рак начал разъедать ее изнутри, она читала минимум две книги в неделю. Чаще всего вечерами, когда у Пуласки были ночные смены в управлении уголовной полиции Дрездена. Хотя он не слишком разбирался в литературе, некоторые имена все же остались в памяти. Сэлинджер, Хемингуэй, Фолкнер или Барроус. Сам он не знал ничего, что они написали. Пуласки когда-то читал книгу Бориса Пастернака, но прочитав двадцать страниц, отложил ее. В его мире не было места для поэзии, и уж тем более после смерти Карин. Лишь мысли о дочери, бестолковых полицейских и убийце, пробиравшемся в психиатрическую клинику и убивавшем детей, напоминали ему о том, что он должен жить дальше.

Пролистывая книгу, Пуласки охватила внутреннее беспокойство. Он не дочитал историю до конца, а вышел из машины и вошел в павильон. Было около часа дня.

Доктор Пинггер уже ждал его. Ему было около шестидесяти лет, он едва доставал до плеча Пуласки, а весил вместе со своим халатом не больше мокрого мешка с картошкой. Пуласки надеялся встретить нормального человека, но Пинггер не оправдал его ожиданий. Наполовину лысый, с взъерошенным венчиком седых волос и большими глазами за толстыми стеклами очков, он выглядел как испуганная курица.

Доктор Пинггер протянул руку Пуласки и провел его в переднюю. Он пах соусом для жаркого и жареной рыбой. Через стеклянную вращающуюся дверь раздавался стук тарелок и столовых приборов.

— У нас сейчас обеденная пауза, — объяснил Пинггер. — Чем я могу Вам помочь?

Пуласки повесил пальто на вешалку. При этом его пиджак раскрылся и краем глаза он заметил, как врач уставился на оружие в кобуре.

Пинггер кашлянул.

— Доктор Вильхальм упомянула по телефону, что вы следователь полиции из Ляйпцига и интересуетесь Лесей и Себастианом.

— Это верно. — Пуласки застегнул пиджак, чтобы никто не мог увидеть оружие. Он надел кобуру сегодня утром чисто по привычке. Мысленно он все еще был погружен в расследование дела, и не воспринимал сегодняшней день как день отпуска. Тем важнее для Пуласки было напоминать себе, что здесь он был как частное лицо, прежде всего потому что находился так далеко от своей территории.

— Могу я видеть заявление прокурора, освобождающее меня от обязанности хранить врачебную тайну?

Пуласки сделал глубокий вдох. Ему было ясно, что все будет не так-то просто.

— В данный момент я в отпуске и нахожусь здесь по личным причинам, — признался он.

— Ваше начальство знает о нашей встрече? — спросил врач.

— Нет.

Врач пожевал губу. Возможно, он считал все происходящее плохой шуткой.

— Вы лично знакомы с обоими подростками?

— Нет.

— Скажите только одно, господин Пуласки. — Врач понизил голос. — Вы приезжаете сюда во внеурочное время, с частным визитом, чтобы навести справки о пациентах, с которыми не знакомы. Зачем Вам оружие?

Разговор принимал поворот, который не нравился Пуласки. Он должен был оставить свой «Вальтер ПК» в бардачке машины, тогда бы этот гном не задавал лишних вопросов.

— Если хотите, я оставлю оружие в машине.

Пинсгер покачал головой.

— Не нужно. Боюсь, наш разговор окончен. Если Вы хотите что-нибудь узнать о наших пациентах, поговорите сначала со своим начальством в Ляйпциге или с сотрудниками полиции в Гёттингене. Кроме того, без распоряжения прокуратуры я все равно ничего не могу для Вас сделать.

У Пуласки закипела кровь.

— Я три часа добирался сюда на машине!

— Да хоть десять часов. Простите, но Соня Вилльхальм не упомянула о том, что это частный визит. К тому же, вы появляетесь в нашей больнице еще и с огнестрельным оружием.

Черт возьми! Пуласки готов был взорваться.

— Уходите пожалуйста!

Этот человек не оставил ему другого выбора. Пуласки подошел ближе, опустил голову и прошептал на ухо Пинсгера:

— Послушайте меня внимательно. Я знаю, что Себастиан Земмельшлегер совершил самоубийство. Но сомневаюсь, что он добровольно лишил себя жизни. На мой взгляд, в Вашем учреждении есть пробелы в плане безопасности.

Пинсгер покраснел. Он хотел отвернуться, но Пуласки удерживал его за ворот халата.

— Еще минутку, доктор, — прошипел он. — Там, откуда я приехал, в одной психиатрической клинике на прошлой неделе были убиты двое подростков. С высокой долей вероятности, Себастиан знал их обоих, потому что десять лет назад они в одно и то же время лечились в одной и той же клинике в Бремерхафене. Тогда там был еще четвертый ребенок: Леся Прокопович. Возможно, ее жизни угрожает опасность. Вы должны немедленно привести меня к ней, чтобы мы выяснили, что случилось десять лет назад, до того как киллер снова нанесет удар и Вы вынесете отсюда еще одного ребенка в мешке для трупа.

Пуласки отпустил врача. Тот сначала сделал глубокий вдох, затем задумался. Возможно, Пинсгер представил себе черный трупный мешок, в котором полицейские закрыли Лесю.

— Это останется между нами? — прошептал он.

— Конечно.

Пинсгер кивнул в сторону лестницы.

— Леся наверху, в своей комнате. Следуйте за мной.

Шаги Пуласки эхом отзывались на лестничной площадке. Выложенные кафелем стены, кованые перила и высокие зарешеченные окна напоминали ему тюрьму строгого режима. Вызывая восторг снаружи, внутри эти дома, в том числе этот павильон, оставляли тягостное впечатление.

— Что Вы можете рассказать мне о парне? — спросил Пуласки.

— Себастиан жил как и Леся в этом крыле здания. Его лечение было успешным. В следующем месяце он бы переехал в общежитие, где находился бы под присмотром. Он уже нашел друзей и даже получил предложение о работе. Поэтому никто не понимал, что он...

— Как он покончил с собой? — спросил Пуласки.

Врач показал наверх, на потолок третьего этажа.

— Там наверху находится выдвигная лестница, ведущая на чердак. Себастиан забрался по ней и спрыгнул с крыши.

— Есть свидетели?

— Это случилось ночью.

"Так же как и убийство Наташи Зоммер", — подумал Пуласки. Они зашли на первый этаж.

— У Леси тоже диссоциативное расстройство личности?

Пинсгер удивленно поднял брови.

— Вам знакомо это понятие?

— Соня Вилльхальм кое-что рассказывала мне об этом.

— Честнейшая женщина. — Пинсгер улыбнулся. — Прирожденный терапевт, один из лучших, которые у нас есть.

"Наверняка", — подумал Пуласки.

— А Леся?

— На следующей неделе ее переведут в психиатрическую клинику для взрослых. Трудная пациентка, которой требуется особая терапия. У нее нет полноценного Я. Мы помогаем Лесе восстановить частичную идентичность.

— Как это делается?

— Гипнотически-терапевтическими методами. Представьте себе, что это внутренние пазлы, которые мы должны соединить друг с другом, чтобы воссоздать полную картину.

Они дошли до второго этажа. Врач уже собирался подняться по следующей лестнице, как Пуласки вдруг остановился, тяжело дыша, вытащил спрей для облегчения симптомов астмы и прыснул себе в рот.

— Вам нужна помощь?

Он покачал головой.

— Продолжайте говорить.

— Во время терапии Лесе удалось собрать множество частей своей личности воедино. На данный момент она знает, что не сошла с ума и обнаружила, что ее психика состоит из множества различных личностей. Мы вносим структуру в хаос, чтобы она могла организовать свою жизнь. В конце концов, она должна научиться делить свое тело с остальными. Представление о том, что кто-то другой живет в ее теле и владеет им, в то время как у нее провалы в памяти, не очень приятно.

Пуласки живо представил себе это.

— Она когда-нибудь выздоровеет?

Пинсгер снисходительно улыбнулся.

— Выздороветь это широкое понятие. Мы уже достигли того, что некоторые личности слились друг с другом. Это уже большое достижение.

Они дошли до третьего этажа, и врач направился в длинный, темный коридор, в конце которого было окно.

— Вам удалось выяснить, что с ней произошло десять лет назад?

— Самый трудный аспект нашей работы заключается в том, чтобы сделать так, чтобы другие личности Леси осознали эту травму, потому что многие из них даже не знают, почему она здесь. К тому же, личность, пережившая психические травмы, заговорила лишь несколько месяцев назад.

— И о чем Леся помнит?

Врач остановился перед дверью с номером 311. Он непроизвольно понизил голос.

— Леся была много раз изнасилована, когда была ребенком. Один из мужчин подарил ей мягкую игрушку, которую она могла брать с собой в постель. Желтого зайца с длинными ушами. Она назвала его Эльвира. Однажды ночью, когда этот человек снова пришел к ней, он вспорол игрушке живот и угрожал Лесе, что сделает с ней тоже самое, если она когда-нибудь расскажет о том, что с ней происходит.

У Пуласки пересохло в горле.

— Вот мерзавец!

— Ни слова об этом, — прошептал врач. — Позвольте я буду говорить.

Он постучал в дверь и нажал на ручку.

Пуласки хотел последовать за доктором в комнату, но врач внезапно застыл на месте. В комнате не было ничего кроме кровати, шкафа, стола и умывальника... залитых кровью.

Эвелин сидела в арендованной машине, все еще припаркованной у входа виллы и раздумывала о Грете Хокинсон. Что скрывала эта женщина? И по какой причине? Эвелин понимала, что ломать себе голову над этим ни к чему не приведет. В конце концов, она взяла сотовый и позвонила в бюро Патрика.

— Привет, ежик, — сразу же ответил он, как будто сидел рядом с телефоном и ждал ее звонка. — Ну, что ты узнала о "старике"?

— Он мертв...

— Это же не ты его...

— Ах, не говори ерунды. — Она рассказала ему о знакомстве с Гретой, несчастном случае, который произошел с Хокинсоном, фотороботе и разговоре в зимнем саду.

— Ну и ну! Твой путь усеян трупами, — пробормотал Патрик, после того как Эвелин закончила. — И ты совершенно уверена, что ни словом не обмолвилась о том, что "Фридберг" десять лет назад выходила в море с Пранге и Кислингером на борту?

— Патрик, я адвокат. Думаешь, я забываю, о чем говорю?

— И то правда. — Казалось, он раздумывает. К удивлению Эвелин, на этот раз он даже не выдал ни одной адвокатской шутки. — Значит, мы исходим из того, что эта Грета не только разводит лошадей, но и знает о делах отца больше, чем хочет показать. Надеюсь, ты взяла с собой фоторобот?

— Нет.

— О, жж...алко! — прошипел Патрик.

— Думаю, пришло время подключить полицию.

— И что они должны предпринять? — сказал он. — Фото с камеры наблюдения банкомата, показания свидетелей в закрытом судебном деле, которое мой отец держит под замком, и анонимный счет в Гамбурге — это слишком мало.

Эвелин опустила голову и посмотрела через боковое стекло в сад. По ту сторону кованого железного забора она увидела, как Грета выбежала из павильона, сердито размахивая руками. Следом за ней вышли два техника.

— Мы уже знаем, что Эдвард Хокинсон замешан в этом деле и что молодая девушка в платье на бретельках тоже как-то связана с его смертью.

— Не хочется повторяться... — Патрик с шипением глубоко вдохнул. — Но нам нужен фоторобот или, по крайней мере, еще какие-нибудь доказательства.

— Легко сказать. Мне что, силой выбивать из Греты информацию?

— Было бы лучше заполучить банковские справки или подтверждение о бронировании поездки на корабле.

Грета и оба техника исчезли на лестничном спуске, который располагался рядом с домом и вел в подвал. В следующее мгновение сад опустел.

— До скорого.

Эвелин положила трубку и бросила сотовый на пассажирское сиденье. Затем взяла фотографию и вышла из машины.

С колотящимся сердцем, она стояла в зимнем саду и оглядывалась вокруг. Дверь была всего лишь прикрыта. Грета и техники из "Сикуро" все еще были в подвале.

Почти не дыша, Эвелин прокралась к плетеному столу, на котором лежал фоторобот.

Поглядывая в сад, она свернула листок и спрятала в кармане джинсов. На случай, если Грета поймает ее, она придумала отговорку, что вернулась, чтобы забрать фотографию, которую забыла на столе.

Вобщем-то, на этом она закончила. Нерешительно стоя между раттановыми стульями, Эвелин покосилась на комод. Если она откроет ящик, то это уже будет считаться кражей со взломом. После того, как ее шеф Крагер застал их с Патриком ночью в своем бюро, они поклялись, что больше не будут заниматься незаконными делами. Но, с другой стороны, она знала, что Грета что-то скрывала. Возможно, она даже была знакома с девушкой в платье на бретельках.

У Эвелин выступил пот на лбу, когда она подошла к комоду и открыла ящик. Стоя посреди зимнего сада, она была у всех на виду. За ней легко можно было наблюдать из сада. Она поспешно перерыла документы, но не нашла ничего важного. Только договоры, ценные бумаги, выписки из счета, документ об имуществе, свидетельство о смерти, письма из адвокатской конторы, некролог, а также данные о похоронах и панихиде. Эвелин было не по себе от того, что она рылась в личной жизни этой женщины. Но с другой стороны Грета лгала.

Вдруг Эвелин услышала, как в саду захлопнулась дверь подвала. Она непроизвольно присела на корточки. Что она делала? С ума сошла? Настал момент, чтобы выйти из зимнего сада на террасу и, улыбаясь, упомянуть о том, что забыла здесь фотографию. Вместо этого Эвелин сидела на корточках рядом с комодом, затаив дыхание, и выглядывала между плетеными стульями. Осторожно подняв руку, она закрыла ящик.

С террасы доносились голоса. Эвелин вспомнила слова Патрика. Подтверждение о бронировании путешествия! В случае, если такой документ существовал, его наверное можно было найти в рабочем кабинете Эдварда Хокинсона. Она посмотрела в длинный коридор, который был виден из гостиной. Согласно показаниям Греты, она никогда не заходила в кабинет отца. Возможно, это тоже была ложь, и при ближайшем удобном случае она уничтожит все бумаги в его бюро, хоть как-то связанные с той поездкой на корабле. Но если Грета говорила правду, то рабочий кабинет — это последнее место, куда она пойдет.

На каменной лестнице, ведущей на террасу раздались шаги. Согнувшись, Эвелин медленно передвигалась по гостиной. Спрятавшись в тени огромного шкафа-стенки, она выпрямилась и задом попятилась в коридор.

— Позовите меня только когда установите датчики движения, — крикнула Грета в сад. Пройдя через террасу, она открыла дверь и зашла в зимний сад, громко хлопнув стеклянной дверью. — Идиоты!

Когда Грета плюхнулась на скрипящий, плетеный стул, Эвелин исчезла в коридоре. Первая дверь была открыта и вела на кухню, на второй был значок туалета. Эвелин как можно тише открыла следующую дверь, но за ней была всего лишь ванная комната. За последней дверью в конце коридора располагался просторный, рабочий кабинет. Жалюзи были наполовину закрыты, тем не менее, проникавшие в комнату лучи света вырывали из темноты множество книжных полок и стеллажей. Эвелин медленно закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. В комнате пахло как в библиотеке — старой бумагой и табаком.

У Эвелин дрожали колени. Как же ей теперь выбраться из дома незамеченной?

Мягкий ковер поглощал звук шагов Эвелин. Она осторожно села на скрипящий кожаный стул с широкими подлокотниками. Все произошло так быстро. Еще вчера вечером она даже не знала кто такой Эдвард Хокинсон, а теперь сидела за его столом.

Затаив дыхание, Эвелин прислушалась. В доме не было слышно ни звука. Она осторожно попыталась открыть ящики стола. Закрыты. Среди валявшихся бумаг, карандашей, авторучек и доз с табаком она не нашла ключ, а силой вскрывать ящики ей не хватало смелости. Ужасно уже то, что ее в любой момент могли застукать. И на этот раз у Эвелин не было подходящей отговорки, уловка с фото здесь не пройдет.

Она огляделась в комнате. Хокинсон очевидно был не только заядлым яхтсменом, но и спортивным стрелком. На стенах висели колчаны, стрелы и несколько луков. Некоторые выглядели как японские длинные луки, которые Эвелин видела в фотоальбомах, другие как оружие африканских аборигенов. Между ними висели спортивные луки с роликами и натянутыми тетивами. А в витрине стоял даже современный охотничий арбалет с комплектом опасно выглядящих дротиков.

На полке, располагавшейся выше, были представлены, обтянутые кожей, энциклопедия Брокгауза и издание сочинений Гёте, Шекспира и Солженицына. Музыкальным человеком Хокинсон не был, не считая нескольких пластинок Бенни Гудмана, в комнате были только книги.

Большая стенка на другой стороне была до потолка заставлена папками для бумаг. Эвелин рассматривала подписанные переплеты. Служебная переписка, договоры, счета, выписки со счетов, полисы страхования — все аккуратно рассортировано по годам.

Рассматривая некоторое время в тускло освещенном бюро договоры, письма и полисы 1998 года, она несколько раз наталкивалась на название корабля "Фридберг". Но эти бумаги не помогли ей продвинуться дальше. Люксовый лайнер был 65 метров в длину, на нем могли разместиться лишь 13 пассажиров. Соответственно, каюты-люкс были большими. Кроме того, на корабле было четыре палубы, причем верхняя, открытая палуба располагалась в пятнадцати метрах над водой и попасть на нее можно было только на лифте. На корабле также имелась сауна, парилка, резервуар с холодной водой, комнаты отдыха, салон красоты, массажные кабинеты, зал с видеопроектором и фитнес-центр с беговыми дорожками и гребными тренажерами. В брошюре также было написано, что на "Фридберге" был даже винный погреб и площадка для посадки вертолета. На такой яхте, наверное, можно было почувствовать себя богачом в плавающем замке.

Однако Эвелин нигде не нашла преysкурant. В такой люксовой категории цены сообщались только по запросу. А у таких людей как Пранге или Кислингер не было денежных забот. На картинке в брошюре лодка выглядела как ракета. При помощи трех дизельных генераторов корабль развивал максимальную скорость восемнадцать узлов в час. Таким образом, за девять дней можно было много где побывать.

Эвелин разочарованно поставила папку на место и вытащила другую, с наклейкой "Выписки со счетов июль — сентябрь 1998". Пылинки взметнулись вверх и, поблескивая, затанцевали в свете, веерообразно падающем сквозь жалюзи. Поверх выписок со счетов был прикреплен серый конверт. Эвелин открыла его и вытащила пожелтевший листок бумаги. На первый взгляд он был похож на список адресов, но, приглядевшись, она обнаружила

выцветшие подписи.

У нее пересохло во рту, когда она прочитала имя — Рудольф Кислингер. Под венским адресом стояла подпись. Этот список состоял из тринадцати имен и адресов. Список пассажиров! Имя Хайнц Пранге и его мюнхенский адрес тоже были в нем. У Эвелин задрожали руки. Значит, Патрик был прав. Эти мужчины знали друг друга со времен совместного путешествия на люксус-лайнере.

Другие имена ни о чем ей не говорили, но бросалось в глаза, что среди них не было женщин. Гостей звали Рене Манцон, Марк Пеллинг, Курт Хансон, Рихард Рушко, Мартин Риттер, Томас Эберхард, Георг Паллок и...

Не поверив своим глазам, Эвелин во второй раз перечитала очередное имя. Какое совпадение! Она знала человека, которого звали точно также. Но потом она увидела адрес. Вдруг все вокруг начало кружиться, у нее потемнело в глазах, так, словно она падала задом в шахту. Венский адрес. Футуристический жилой район в зеленой зоне. Пентхаус на двадцать третьем этаже. Этого просто не могло быть.

Каким образом адрес оказался на этой бумаге? Эвелин снова и снова перечитывала имя человека, который вчера, якобы в результате несчастного случая, выпал с балкона своей квартиры: ее коллега — адвокат Петер Холобек.

Простыни, подушки и пол были покрыты кровью. На кровати неподвижно лежала молодая девушка с бледным лицом. Казалось, она плыла в море из темных роз. В руке у нее было лезвие бритвы, которым она перерезала себе вены. Кровь все еще поблескивала и слегка пульсировала в ранах. Значит, порезы были нанесены не более, чем несколько минут назад.

Оглядевшись в комнате, доктор Пинсгер, не веря своим глазам, начал хватать ртом воздух. Пуласки оттолкнул его в сторону. Оконная створка была открыта и билась о раму, а ветер захлопнул за ними дверь.

— Ктонибудь посторонний входил в здание? — крикнул Пуласки.

— Нет.

Пуласки схватил врача за руку и посмотрел ему в глаза.

— Послушайте меня! Вызовите скорую. Девочке нужно переливание крови. Но не отходите от нее ни на шаг. Вы поняли?

— Конечно.

Пожилой врач бросился к кровати. Обмотав простыню вокруг запястий, превратив ее в давящую повязку, он вытащил сотовый из халата.

Тем временем, Пуласки подбежал к окну и распахнул створки. Никаких решеток. Под подоконником пролегли железные мостки с перилами. Они заканчивались у пожарной лестницы в форме спирали, ведущей вниз.

Пуласки оглядел парк. Ничего кроме деревьев, изгородей и клумб с розами. И тут он увидел седовласого мужчину в темном пальто, бегущего к лесу.

— Стоять! — закричал Пуласки.

Черт побери. Мужчина бежал со всех ног. Пуласки вылез в окно и спрыгнул на железный мостик, чьи опоры опасно застучали и зашатались под ним. Он бежал по лестнице вниз, этаж за этажом, запнувшись несколько раз о собственные ноги.

Задышавшись, он добежал до щебеночной дороги и посмотрел в конец парка. От края леса, где только что исчез седовласый мужчина, его отделяли примерно двести метров. На мгновение Пуласки задумался, бежать ли ему к парковке или к другой стороне здания, где стояла его машина. Однако ключ от нее лежал в кармане пальто, которое висело в передней.

— Черт!

Пуласки побежал в сторону леса. Через несколько минут его легкие уже горели огнем, не хватало дыхания, сдавило горло. Но он должен был поймать этого мерзавца! На этот раз Пуласки был уже так близко, что просто не мог позволить ему уйти.

Пуласки задышался. Его рубашка буквально за несколько секунд стала мокрой. На бегу он достал спрей из кармана пиджака и жадно вдохнул содержимое. Даже, если ему придется опустошить всю бутылочку, он все равно не остановится.

Добежав до края леса, он прислонился к дереву, чтобы немного отдохнуть. Через парк пролегла лишь узкая тропинка. Деревянная табличка указывала на выход и располагавшуюся поблизости лесную часовню. Этот мужик хотел сбежать через восточные ворота. Пуласки продолжил движение.

"Дальше, дальше" — мысленно подгонял он себя. Пожилой, седовласый мужчина не мог быть выносливее его. Пуласки стер со лба пот. Он попадал в лужи грязи, запинался о мокрые

корни, прорывался через кустарники, снова выбежал на тропинку и, в конце концов, добрался до часовни. Она располагалась на крошечной поляне под кроной огромных кленов.

Скрипнула деревянная дверь. Пуласки обернулся и на ходу вытащил заряженный "Вальтер" из кобуры. Он снял оружие с предохранителя и взвел курок. Осторожно, с пистолетом наготове, Пуласки прокрался в часовню. Увидев перед собой двух молодых девушек в больничной одежде, он опустил оружие. Они держали в руках сигареты, зажигалку и в ужасе смотрели на него, как будто он только что поймал их за каким-то запрещенным занятием.

— Мы только хотели...

— Здесь мимо не пробежал седой мужчина в пальто?

Одна из девушек показала в сторону восточных ворот.

— Спасибо, оставайтесь в часовне, пока я не вернусь, — сказал он и побежал дальше.

С каждым шагом дышать становилось все труднее. Кашель сжимал легкие. Ему приходилось глубоко дышать, чтобы вообще ощутить приток кислорода. Его сердце бешено колотилось, как перегруженная турбина. Насколько еще хватит сил? Вместо того, чтобы так долго дискутировать с доктором Пинсгером, нужно было сразу идти в комнату Леси!

Запинаясь, Пуласки бежал дальше. Когда дорога повернула за густую изгородь, он увидел мужчину перед собой. Высокий и крепкий человек в темном стеганом пальто. Он был на расстоянии примерно в сто пятьдесят метров. Аллея вела прямо к стене, окружавшей участок. Восточный выход — двустворчатые, мощные деревянные ворота, стояли приоткрытыми.

— Стоять... — Пуласки смог произнести только одно это слово, остальное невозможно было расслышать из-за свиста и хрипа его дыхательных путей. Он сделал ингаляцию, но давление на легкие никуда не исчезло.

Не долго думая, он достал оружие и выстрелил в воздух.

Но этот мерзавец даже не думал останавливаться.

— Полиция! — выдавил из себя Пуласки и сделал еще один предупредительный выстрел.

Мужчина невозмутимо продолжил бежать к выходу. Еще несколько метров и он исчезнет через приоткрытые ворота и покинет территорию больницы. Пуласки не знал, что находится за ее стенами.

— Чертов подонок, — задыхался Пуласки. Он взялся обеими руками за пистолет, нацелился на ноги мужчины и выстрелил. Первый выстрел прошел мимо, а вот второй оказался удачным. Мужчина упал, вытянувшись во весь рост в нескольких метрах от ворот, но за несколько секунд сумел снова встать на ноги и заковылял дальше.

— Да что ж ты будешь делать!

Пуласки снова прицелился, но ему помешал приступ кашля, от которого он содрогнулся и скрючился, а из глаз полились слезы. Ноги, ноги! Целься в его чертовы ноги! Несмотря на застилавшие глаза слезы, он поднял оружие и выстрелил. Но пуля пролетела мимо. В следующий момент мужчина исчез за воротами.

Кашляя, с болью в груди, словно кто-то вонзил ему пылающее копьё меж ребер в диафрагму, Пуласки, пошатываясь, направился к воротам.

Каждый шаг причинял ему невероятную боль. Дойдя до того места, где он попал в ногу убегающего, он начал искать в листве следы. И действительно нашел брызги крови на камнях и листьях. Испытывая определенно удовлетворение, Пуласки сел на корточки, окунул

кончик пальца в каплю крови и растер ее меж пальцев.

— Надеюсь, ты, подонок, надолго запомнишь меня и будешь испытывать боль при этом, — пробурчал он.

Пуласки услышал звук мотора. С оружием наготове, он пошел по кровавому следу, к выходу. Замок был вскрыт снаружи ломом. Медная пластина висела отогнутая в сторону, а на земле лежали щепки. Пуласки осторожно выглянул за ворота. Рядом со стеной уходила в холмы проселочная дорога. Позади были лишь леса и скошенные поля, не было видно ни людей ни машин.

Пуласки продолжил идти по следу, но через несколько метров он внезапно обрывался. Здесь незнакомец оставлял машину, на влажной земле остались отпечатки ног и колес.

Тяжело дыша, Пуласки опустился на мокрую траву и прислонился спиной к стене больницы. Он достал из кармана спрей, потряс его и хотел вдохнуть содержимое, но бутылек был пуст. Он обессиленно опустил руку. Только без паники! Пуласки сделал медленный и глубокий вдох. Нельзя чтобы мускулы свело судорогой.

Слезаящимися глазами он посмотрел наверх, на стену. Здесь не было камер наблюдения как в Маркклеберге. Несмотря на это, Пуласки улыбнулся. Человек, перерезавший вены Лесе, был считай что пойман. Теперь у них были не только отпечатки обуви и колес его машины, но и следы крови, а значит и его ДНК.

Сидя в траве, Пуласки вытащил из кармана сотовый и набрал номер бюро Хорста Фукса. После пятого гудка произошло соединение с другим аппаратом. Трубку снял Мальте.

— Привет, отпускник, все в порядке? — спросил коллега, видимо, узнав номер Пуласки на дисплее.

— Слушай, мне нужен Фукс, срочно!

— Да ты совсем запыхался. Чем ты занят? Ты...?

— Это срочно! Позови его!

— Шеф на совещании. Как ты себе это представляешь? Мне что, ворваться в зал заседаний?

— Да! Поторопись!

Пуласки услышал, как Мальте бросил трубку на стол и испарился.

У Пуласки все еще жгло в груди. Во рту был противный привкус, и он несколько раз сплюнул в траву.

Наконец, он услышал шаги.

— Пуласки, очень надеюсь, что это чертовски важно. В соседнем помещении сидит прокурор и мы...

— Ты мне доверяешь?

— Ты о чем сейчас? Да, черт возьми, конечно, доверяю.

— Хорошо, слушай, ты должен мне быстро помочь. Свяжись с коллегами в Гёттингене. Нужно заблокировать улицы в радиусе пятнадцати километров вокруг психиатрической клиники Херберхаузен на востоке Гёттингена. Разыскиваемый — седовласый мужчина, который уже совершил убийство в клинике Маркклеберг и которого мы уже ищем.

— Гёттинген? — проревел Фукс. — Что, черт побери, ты делаешь в Гёттингене?

— Да послушай же меня! Нам нужно заблокировать улицы, затем местная полиция должна связаться со всеми врачами и больницами в окрестностях. У подозреваемого пулевое ранение в правую ногу.

— Кто, черт возьми...?

— Это я ранил его в икру.

— У тебя с собой оружие? — прорычал Фукс. — Поверить не могу. Я так и думал, что ты что-то замышляешь.

Пуласки услышал, как Фукс ударил кулаком по столу.

— Хорст... Алло?

— Да!

— И еще нам нужна команда экспертов-криминалистов у восточного входа в больницу. У нас есть отпечатки ног, колес и следы крови подозреваемого.

Фукс вздохнул.

— Хорошо, я займусь этим, оставайся на связи.

И положил трубку.

В этот момент, над Пуласки низко пролетел вертолет. Это был хороший знак — значит, Леся еще жива и ее доставят в больницу. Он поднялся, его колени дрожали, оперся о стену и пошел обратно к клинике. Пуласки увидел, как вдалеке, за деревьями, вертолет начал снижаться.

Дойдя до часовни на небольшой поляне и заглянув в нее, Пуласки обнаружил, что она пуста. Конечно же, женщины в страхе побежали в клинку, когда услышали первые выстрелы. Наверняка, новость о стрельбе мгновенно разнеслась по всей психбольнице.

Выйдя из леса на лужайку, Пуласки увидел, как санитары только что погрузили в вертолет носилки. Не успели захлопнуться двери, как тут же раздался звук лопастей с большой частотой вращения. Ветки близлежащих деревьев согнулись, а листву сдуло с лужайки. Несколько минут спустя, вертолет поднялся и, тарахтя, полетел в ту сторону, откуда прилетел.

И лишь когда доктор Пинсгер подбежал к нему и скептически рассмотрел его с ног до головы, Пуласки заметил, что его рубашка выбилась из брюк.

— Я слышал выстрелы. Вы ранены?

— Нет, я в порядке. — Пуласки заправил рубашку. — Как Леся?

— Она потеряла много крови. У нее проблемы с кровообращением, кроме того, девушка пережила шок и потеряла сознание.

— Она что-нибудь сказала?

Врач покачал головой.

— Неизвестно выживет ли она.

Пуласки хотелось громко выругаться. Он не думал, что его намеки на мешок для покойников, которым он грозил врачу, так быстро станут действительностью.

Между тем, перед зданием начала собираться толпа зевак.

Пуласки кивнул в сторону леса.

— Восточные ворота взломали.

— Я займусь этим, — пробормотал врач. — Кроме того, мне нужно связаться с криминальной полицией.

— Я уже это сделал.

Доктор Пинсгер надвинул на нос очки. На мгновение стекла запотели.

— Если Леся выживет, — промямлил он, — то только благодаря Вам.

— А если нет... — У Пуласки было странное, тяжелое чувство внутри. Леся была единственным из четверых подростков выжившим свидетелем, который мог бы ответить на вопрос, что произошло в Бремерхафене десять лет назад. Малышка просто обязана была выжить, иначе все было зря.

— Я могу Вам чем-то помочь?

В голосе Пинсгера звучало беспокойство.

Пуласки вытащил ингалятор.

— У меня закончился спрей от симптомов астмы.

Врач посмотрел на марку.

— "Фостер", появился на рынке совсем недавно. Я принесу вам новый.

— Спасибо, и у вас не найдется для меня крепкого кофе и двух таблеток аспирина?

— Голова болит?

— Еще нет. — Пуласки посмотрел на главный вход. — Но скоро заболит.

Пинсгер обернулся.

Вверх по дороге, как раз поднимались две «Ауди» цвета "черный металлик". Это были либо коллеги из криминальной полиции Гёттингена, либо управление уголовной полиции Нидерсаксена, смотря кого уведомил Хорст Фукс.

Ну, теперь начнется свистопляска.

У Эвелин не было времени раздумывать, как имя и подпись Холобека оказались в списке участников поездки на корабле. Через закрытую дверь кабинета Хокинсона она вдруг услышала шаги. Затем голос Греты. Она шла по коридору и видимо звонила по телефону, потому что другого голоса не было слышно.

Эвелин поспешно свернула листок, затолкала его в карман джинсов и задвинула папку обратно в стеллаж.

— Нет, я больше не буду Вам надоедать, — раздался голос Греты сразу за дверью.

Когда снаружи нажали на ручку двери, у Эвелин сердце ушло в пятки. Одним рывком она пробежала по комнате и прижалась к стене рядом с входом.

Дверь открылась. Стоящая за ней Эвелин, затаила дыхание.

— Мой отец мертв, но не только это. Мертвы уже двое пассажиров той поездки. — Грета зашла в комнату. — Кто-то хочет кое-что разузнать... Не волнуйтесь, я больше не буду Вам звонить. Просто берегите себя.

Грета намеревалась пройти к столу, как вдруг по дому пронесся чей-то окрик. Эвелин узнала голос техника.

— Что еще такое? — Грета нервно бросила сотовый на стол и обернулась. — Уму непостижимо, какие идиоты, — пробормотала она самой себе.

Эвелин затаила дыхание.

Грета вышла в коридор.

— Мы готовы, — крикнул мужчина в дом из зимнего сада.

— Если и сейчас не получится, то, клянусь Богом, я выставлю Вас за дверь со всем Вашим барахлом. — Грета захлопнула за собой дверь и тяжелыми шагами пошла вниз по коридору. Эвелин медленно выбралась из своего укрытия. Сколько у нее оставалось секунд, чтобы покинуть дом?

Ее взгляд упал на сотовый. Его экран светился в полумраке. Она подошла поближе и уставилась на него. Последний разговор не продлился даже двадцати секунд. С кем Грета разговаривала? Эвелин нажала на меню, чтобы просмотреть набранные номера.

Смолле. Эта фамилия стояла последней в списке звонков.

Поспешно схватив со стола ручку, Эвелин записала номер на бумажку, спрятала ее и вышла из меню. Пришло время уходить. Она повернулась к двери, когда вновь услышала шаги, направляющиеся к бюро. Шанс сбежать был упущен... Эвелин поспешно осмотрелась в комнате. Была только одна возможность выбраться.

Она побежала к окну и распахнула его. От ворвавшегося в помещение ветра, застучали жалюзи. Но в тот же самый момент начала реветь сигнализация. Эвелин застыла.

— Да что же это такое, черт побери! — крикнула Грета в коридоре.

— Ложная тревога, сейчас исправим!

Эвелин села на подоконник и свесила ноги вниз. Под ней, на расстоянии полутора метров, склон круто спускался вниз к луку. Не долго думая, она прыгнула вниз.

При столкновении с землей, Эвелин поскользнулась и кубарем скатилась вниз по склону, прямо в кусты... Тяжело дыша, она встала на ноги. Пока Грета и люди из «Сикуро» были заняты устранением причины сбоя сигнализации, возможно у нее был шанс сбежать. Согнувшись, и прячась за изгороди, Эвелин побежала к гравийной дороге.

С колотящимся сердцем, Эвелин побежала к кованым воротам. Рядом с входом была припаркована ее машина. На последних метрах она вытащила ключ зажигания из кармана, открыла дверь, распахнула ее и упала на сиденье.

С трудом переводя дыхание, Эвелин опустила голову на подголовник. Наверняка от падения у нее останутся синяки. Она наклонилась на пассажирское сиденье и посмотрела через боковое стекло. Насколько было видно между деревьями за забором, в саду никого не было, также никто не смотрел из окна виллы. Если повезло, ее побег остался незамеченным... если не считать открытое окно в рабочем кабинете.

Эвелин вытащила бумажку и взяла сотовый с пассажирского сиденья. Скрыв свой собственный номер, она набрала незнакомый номер телефона и напряженно ждала, держа сотовый у уха.

После второго гудка послышался хриплый, скрипучий мужской голос.

— Да?

Ее пульс участился, она побоялась ответить, и словно в замедленной съемке опустила сотовый и прервала связь. Смолле был пожилым человеком. Эвелин вытерла пот со лба и завела машину.

Она поехала вниз по улице, оставив дом позади, затем повернула на боковую улицу. Оттуда Эвелин направила машину через курортный парк и район с виллами, обратно к дёзерской морской дамбе, откуда и приехала.

У Эвелин все еще дрожали руки. В данный момент ей было не до чаек, парусных яхт и рыбных ресторанов, которые она заметила по дороге сюда. Слишком много мыслей крутилось у нее в голове. В принципе, она узнала даже больше, чем надеялась узнать. Если повезет, то Грета даже не заметит, что из дома исчезли фоторобот и список пассажиров. Теперь у нее в руках был еще один пазл, который мог использовать Патрик.

Пока Эвелин стояла на пешеходном переходе, пропуская бабушку с внуками, у нее зазвонил сотовый, лежащий на пассажирском сиденье.

Патрик был настоящим мучителем. Он не мог подождать и часа, пока она не позвонит ему.

Она взяла трубку.

— Патрик, ты бесишь!

В телефоне что-то щелкнуло. Никто не ответил.

— Патрик? — спросила она.

Тишина.

— С кем я говорю? — спросила она, хотя уже давно все поняла.

— Золотце, почему Вы рылись в бюро моего отца?

Бабушка уже давно перешла дорогу. Стоящие позади Эвелин машины начали сигналить. Словно в транс, она включила передачу и поехала.

— Вам повезло, что моя камера видеонаблюдения еще не работает, иначе Вы были бы у меня на видео. Ну, так что... — Грета повторила свой вопрос с пугающим спокойствием.

Эвелин готова была рвать на себе волосы от злости, потому что оставила свою визитную карточку на плетеном столе. Но, с другой стороны, настал момент, когда можно было закончить игру в прятки с Гретой.

— Что произошло на "Фридберге" десять лет назад? — спросила она.

— Почему Вы забрались в мой дом?

Эвелин так крепко держалась за руль, что у нее побелели костяшки пальцев. Если так и

далее пойдет, они не сдвинутся ни с места в разговоре.

— Одна из нас должна позвонить в полицию, — предложила Эвелин. — Тогда и разберемся, и с незаконным проникновением в дом, и с "Фридбергом".

Классическое патовое положение.

Грета Хокинсон повесила трубку.

За окошком небольшой почты, на окраине Куксхафена, сидел молодой человек в очках с никелевой оправой. Две страницы факса в Австрию стоили пять евро. Эвелин сунула ему десятку и прошла в нишу, где стоял факс.

Она набрала код Австрии, затем номер факса в бюро Патрика. Прежде чем вложить список пассажиров, Эвелин еще раз пробежала его глазами.

Смолле...

Она даже не знала, было ли это имя или фамилия. Эвелин отчаянно искала Смолле в списке, но никого из почти дюжины пассажиров даже приблизительно так не звали. С кем Грета разговаривала по телефону? Кто был этот человек с хриплым голосом?

Последнее имя в списке было зачеркнуто. Она вертела лист во все стороны и даже подставляла к свету, но так и не смогла прочитать имя последнего пассажира. Может, это и был Смолле?

На глаза вновь попались имя и адрес Холобека. От осознания этого у нее снова кольнуло в груди. Эвелин знала Холобека с первых дней своей подработки в адвокатской конторе Крагера во время каникул. Этот человек научил ее всем уловкам и трюкам, которые должен был знать адвокат. Не считая своих коротких поездок в Тайланд, Холобек никуда не ездил в отпуск. Может, путешествие на "Фридберге" было как-то связано с его гомосексуальностью? Эвелин еще раз перечитала имена. Одни мужчины! Ее пересохшее горло стало шероховатым, как наждачка. Она вновь вспомнила теплое щекотание в животе, когда в последний раз разговаривала по телефону с Холобеком. Каждый раз когда у нее появлялось это ощущение, что-то было неладно. Оно еще никогда не подводило ее.

Если Холобек действительно был на корабле, значит, он знал и Рудольфа Кислингера и Хайнца Пранге. Теперь ей стало понятно, почему Холобек вопреки обычным адвокатским принципам защищал интересы частного лица в противостоянии с фирмой. Дело о воздушной подушке! Возможно, Холобек поддерживал контакт не только с Пранге, но и с его вдовой и хотел оказать ей дружескую услугу. В любом случае, у Холобека должна была быть очень веская причина, чтобы скрыть от Эвелин обстоятельства... Она хорошо запомнила его слова во время последнего телефонного разговора. "Эвелин, не лезьте в это дело. Оба случая не связаны между собой".

Еще как связаны! Холобек был сам по уши замешан в них. На мгновение Эвелин представила себе пугающую картинку, как девушка в платье на бретельках толкала Холобека через балконное ограждение. Отбросив эту мысль, она вложила фоторобот в факс и нажала на кнопку "Отправить".

Пока бумага с треском уходила, ей на сотовый позвонил Патрик.

— Слушай, никогда больше не клади трубку в то время как я разговариваю с тобой, —

накричал он на нее. — Я смертельно перепугался!

На почту зашла клиентка с полным пакетом писем.

— Не преувеличивай, — прошептала она. — Я сейчас высылаю тебе факс.

— Неужто из дома Хокинсона?

— Не волнуйся, я на почте. Сначала ты получишь фоторобот нашей блондинки...

— Мата Хари, ты же не украла эту картинку?

Эвелин ничего не ответила и молча вложила список пассажиров.

— Следом придет список гостей "Фридберга". Ты удивишься, когда увидишь чье имя там...

Эвелин не договорила. Лист, лежащий обратной стороной наверх, на ее глазах затянуло в факс. На короткое мгновение имя Смолле как привидение промелькнуло мимо нее.

— Что? — крикнул Патрик? — Какой список гостей?

— Подожди секунду.

Эвелин вытащила лист с обратной стороны из прорези для бумаг. Пока прибор набирал номер, она пробежала глазами обратную сторону списка.

Вот оно, черным по белому: Пауль Смолле. Он был капитаном "Фридберга".

Подождав подтверждение об отправке факса, и разорвав его, Эвелин села в свою машину.

Проезжая вдоль Эльбы, обратно к автомобильной переправе в Вишхафен, она разговаривала по громкой связи с Патриком. Разговор был длинный. Ей столько всего пришлось рассказать Патрику, самое главное, как ей удалось заполучить отправленные ему по факсу бумаги.

— Это ты ловко придумала, на всякий случай оставить свою визитку на вилле — чтобы Грета, если что, смогла заявить на тебя, обвинив в краже со взломом, — ехидничал он.

Тоже мне умник! Эвелин и сама знала, что это не было блестящим достижением.

— Ладно, все нормально, ежик. Наконец-то у нас есть хоть что-то на руках. Список можно разобрать, но последнее имя перечеркнуто. Ты можешь что-нибудь разобрать в оригинале?

— Никаких шансов.

— Может, что-нибудь получится, если мы отдадим оригинал уголовной полиции. Я поеду на такси в участок и...

От этой мысли у Эвелин все сжалось внутри.

— Прежде чем ты отдашь список полиции, я бы хотела, чтобы ты сам прошелся по нему и попытался узнать побольше об этих мужчинах.

— Что это ты вдруг стала такая нерешительная, спящая красавица? Вчера тебе срочно надо было, чтобы мы... о, черт! — выругался он.

Наконец-то он нашел.

— Наш друг Холобек тоже в этом списке.

— Поэтому я и не хочу, чтобы список сразу попал в полицию.

— Вот это да!

Эвелин буквально слышала, как мысли в голове Патрика стремительно сменяли друг друга.

— Ты знаешь, что это значит?

— Да, — тихо ответила она. — Пожалуйста, выясни, кто остальные. Были ли они тоже гегями? Шантажировали ли и их тоже?

— Да, да, я знаю, что делать.

Конечно же он это знал, в конце концов Патрик зарабатывал себе на жизнь такого рода работой.

Сбросив скорость, она объехала стадо овец.

— Но сначала я бы хотела попросить тебя о другом одолжении. Некто Пауль Смолле был капитаном "Фридберга". — Эвелин произнесла имя по буквам. — Разузнай, где он живет, и сразу же позвони мне. Это срочно.

— Сделаю, но возможно этого парня уже нет в живых.

— Да нет, — возразила она. — Полчаса назад я разговаривала с ним по телефону.

Около трех часов дня, Эвелин стояла у поручней автомобильного парома, бороздившего по Эльбе. Над водой все еще висел туман. Видимо здесь всегда было так.

Наконец-то, на другой стороне стала медленно приближаться суша. Постепенно из густого тумана появились сначала будка паромщика, а затем и причал в Глюкштадте. Над рекой раздался гул сирены.

Перед отправкой Эвелин купила себе колу, хотдог и плитку шоколада. И только надкусив булочку, поняла, насколько была голодна.

Она натянула ворот свитера до самых ушей. Стало холодно, с севера подул ледяной ветер. Кроме того, события последних часов вызывали у нее внутреннюю дрожь. Эвелин откусила шоколадку. Якобы шоколад успокаивал нервы. Если это так, то она очень нуждалась в нем.

Съехав с парома на своей арендованной машине, Эвелин остановилась на парковке рядом с федеральной трассой. Навигатор показывал ей дорогу из Глюкштадта до аэропорта Гамбурга. Почти час езды. Если она хотела улететь домой еще сегодня, то пришло время заказать билет в «Эйр Берлин» по телефону. Но, возможно, улетать из Гамбурга было не таким уж умным решением. Грета Хокинсон знала о ее планах. Вдруг она будет ждать ее в аэропорту. Мысль, граничащая с паранойей, но с другой стороны Эвелин не знала, чего ожидать от этой женщины, так же как от своего коллеги Холобека. Разве она не была твердо уверена в том, что знает его и его маленькие секреты? Эвелин вновь стало понятно, что нельзя заглянуть ни в одного человека, и нужно полагаться лишь на свою интуицию.

Эвелин в нерешительности смотрела на сотовый. Лететь домой или оставаться здесь? В принципе, она уже давно приняла решение.

Когда зазвонил телефон, она вздрогнула. На дисплее высветился номер Патрика.

— Алло, — коротко ответила Эвелин.

— У тебя напряженный голос.

От господина детектива не ускользало ничего.

— У тебя есть что-нибудь для меня?

— Капитан Пауль Смолле, 1944 года рождения. Отец погиб на войне, мать исчезла после его рождения. Довольно неприятный парень, имеет лицензию капитана, однако несколько раз привлекался за вождение в пьяном виде. Уже десять лет не работает капитаном. Больше деталей моему коллеге Уве выяснить не удалось.

— Адрес?

— Ты не поверишь... Он живет в старом передвижном доме на колесах, который переоборудовал под бунгало.

— Звучит убого.

— По крайней мере, он не наш вымогатель.

— Где стоит дом на колесах?

— На побережье Веннингштедта на острове Зильт.

Это плохо. Эвелин задала маршрут в навигатор. На Зильт вела лишь одна дорога, время в пути составляло шесть часов, включая поездку на поезде, перевозящем транспортные средства через дамбу.

— Когда ты вылетаешь домой? — спросил Патрик, после того как Эвелин некоторое время ничего не говорила.

— У тебя есть точный адрес, где стоит вагончик Смолле?

— Черт, я так и знал! — выругался Патрик. — Зильт находится на границе с Данией. Поездка туда сродни одиссеи.

— Шесть часов, — ответила она.

— Эвелин, это безумие! Ты должна вернуться.

"Почему? Потому что он так хотел?"

— Я слишком глубоко увязла в этой истории и буду продолжать, — коротко ответила она. — Я должна распутать это дело.

Эвелин посмотрела на указатель на противоположной стороне улицы. Одна стрелочка указывала в сторону Гамбурга, другая на север в сторону Фленсбурга. Она посмотрела на дорогу перед собой. С севера тянулись темные тучи. Если она поедет навестить Смолле, то попадет прямо в грозу.

— Если я поеду сейчас, то в девять часов вечера уже буду там.

— Скорее, в десять часов ночи, — поправил ее Патрик. — Где ты собираешься спать?

— На Зильте, наверняка, есть мотель.

Пуласки стоял со стаканчиком кофе на лужайке перед павильоном.

На территории психиатрической клиники было полным-полно полицейских, которые, не покладая рук, держали на расстоянии любопытных пациентов.

Насколько Пуласки понял из разговоров по рации, были даже перекрыты улицы. Но, видимо, беглец смог ускользнуть. И это не изменится. Просто уже прошло слишком много времени.

Должно быть, Хорст Фукс устроил шумиху в криминальной полиции Гёттингена, потому что Пуласки еще никогда не видел столько полицейских на месте преступления. Минимум два следователя допрашивали персонал и еще троих пациентов. Но никто не знал седовласого человека в стеганом пальто, не говоря уже о том, что видел, как он попал на территорию клиники. В то время как одна команда следователей прочесывала лес и обследовала дорогу к часовне и восточный вход, вторая команда занялась комнатой, в которой спала Леся. Седовласый мужчина, видимо, проник в ее комнату через главный вход и лестничную клетку. Предположительно, он услышал, как Пуласки и доктор Пингер поднимались по лестнице и поспешно покинул комнату через окно.

Пока докуривший сигарету Пуласки искал урну, чтобы выбросить пустой стаканчик из-под кофе, к нему подошли двое парней в костюмах. По их лицам было видно, что им будет доставлять удовольствие взять его в оборот и прокрутить через мясорубку, как кролика. Им обоим было за сорок, черты лица у них были грубые и угловатые. Тот, у кого были маленькие, красные пороссячи глазки, веснушки и рыжие волосы, выглядел немного потасканно. У другого, с лысиной на полголовы, словно бы отсутствовала парочка лицевых мускулов. В последний раз он смеялся, наверное, в 1986 году. Но, с другой стороны, Пуласки же не собирался жениться на одном из них.

— Вы стреляли? — спросил рыжеволосый.

Пуласки безмолвно выдал им служебное оружие. Рыжий вытащил магазин из пистолета и пересчитал оставшиеся патроны. Затем достал рацию.

— Должно быть пять гильз. — Очевидно, он разговаривал с командой экспертов у восточных ворот.

— Вы оповестили врачей и больницы в округе? — спросил Пуласки.

Лысый криво улыбнулся.

— Мы делаем нашу работу уже на протяжении двадцати лет. — Он засунул в рот жвачку. — Мы слышали, что это дело как-то пересекается с расследованием, ведущимся в Ляйпциге. Кто работает над этим делом?

Пуласки подумал о Стэне и Лауреле.

— Клаус Винтерэггер и Ларс Готайник из управления уголовной полиции Дрездена, — ответил он. "Законченный алкоголик и сопляк, только что закончивший университет", — мысленно добавил он.

Лысый приподнял бровь.

— А Вы кто такой?

Пуласки назвал им свое имя и служебный номер.

— Я нахожусь на постоянной службе в криминальной полиции Лейпцига.

— На постоянной службе в криминальной полиции? — повторил мужчина. Это

прозвучало так, словно он говорил о герпесе или сифилисе. — Довольно далеко от родины. Вам больше не нравится Саксония? — Его тон, и без того не дружелюбный, резко изменился.

— Наши коллеги знают, чем Вы тут занимаетесь? — вмешался в разговор рыжий.

— А Вы как думаете? Разве я иначе был бы здесь? Люди из управления криминальной полиции не могут оторвать свои задницы от стула, пока киллер продолжает убивать.

Оба переглянулись.

— Полегче, "Грязный Гарри". — Лысый положил Пуласки руку на плечо — жест, который он терпеть не мог. — Думаю, наши коллеги в Дрездене лучше контролируют ситуацию чем Вы, старик.

Пуласки молчал. Эти парни ничего не знают. Если так и дальше пойдет, они еще целый час будут тут хамить, в то время как седовласый убийца скроется окончательно.

Через два часа Пуласки закончил давать показания. Ему нужно было лишь дождаться, пока лысый и рыжий, которые так до сих пор и не представились по имени, не выдадут ему его оружие.

Тем временем, Пуласки сидел в пустой столовой павильона и разговаривал по телефону со своим участком в Лейпциге. Фукс был явно в плохом настроении.

— Именно по этой причине прокурор забрал у тебя это дело и передал его управлению криминальной полиции! — кричал Фукс. — Потому что ты не можешь играть по правилам!

— Правила! Что за ерунда, — прошипел Пуласки в телефон. — Речь не идет о том, чтобы делать что-либо в угоду бюрократии, чтобы мельницы мололи еще медленнее. Самое главное — это поймать убийцу, и предотвратить убийства других подростков.

— О, боже, — простонал Фукс. — С тобой бесполезно спорить. А я-то думал, что ты перевелся к нам на постоянную службу в Лейпциг, чтобы сильно не напрягаться и больше времени проводить с дочерью.

Ясмин!

Пуласки посмотрел на часы. Начало пятого. Она уже давно пришла домой из школы. Нужно срочно ей позвонить.

— Да, это так, — пробормотал он. — Но разве тебе не становится дурно от того, как эти дилетанты заводят дело в тупик?

— Эти дилетанты, как ты называешь своих бывших коллег из управления криминальной полиции, сегодня много чего выяснили.

— В самом деле?

— Бутылка из-под "Cadenheads Old Raj Gin", которым напоили Наташу, была взята из бюро главного врача.

Пуласки хорошо помнил этого сварливого старика, доктора Хайнриха Вольфа. Он вполне мог себе представить, что доктор выпивал.

— Какое грандиозное открытие! Что-нибудь еще?

— Есть новости судебной медицины.

— Этого и следовало ожидать. Майке — лучшая.

— Готов результат предварительного вскрытия парня. Мартин Хорнер действительно умер от остановки сердца, однако причиной этому послужила передозировка лекарства.

— Детали? — спросил Пуласки.

Было слышно как Фукс перебирал бумаги.

— Таблетки «Дигиталиса» должны были укрепить его сердцебиение, однако,

передозировка привела к мерцанию предсердий, тяжелому нарушению ритма сердца, и, в конце концов, к его остановке... — процитировал Фукс доклад и сделал паузу. — Неприятная смерть.

— Ну, теперь-то парни из УКП, наконец, поняли, что мы имеем дело с двойным убийством?

— По крайней мере, теперь они не могут этого исключать. В крови как Наташи так и Мартина были найдены следы ботокса. Наши сотрудники проверили персонал клиники в Маркклеберге, но это ни к чему не привело.

— Я бы мог сразу тебе это сказать. Врачи и медперсонал думали, что Мартин покончил с собой, и хотели скрыть самоубийство, чтобы не навредить репутации клиники.

— Видимо, так и есть. Главный врач сейчас находится в не простом положении.

Дверь в столовую открылась. Рыжий и лысый вошли и огляделись. Видимо они везде и всюду ходили вместе.

— Я должен заканчивать, — прервал Пуласки своего шефа. — На меня насаждают особо одаренные из Нижней Саксонии.

— Они уже звонили мне сегодня.

— Это меня не удивляет.

Фукс кашлянул:

— Не раздражай их там...

Больше Пуласки ничего не услышал, так как уже положил трубку.

— У Вас есть с собой запасной магазин? — спросил рыжий.

— Нет, — солгал Пуласки, поняв, к чему все шло.

— Вот, Ваше оружие. — Рыжий протянул ему Вальтер.

Пуласки взял пистолет и по весу заметил, что что-то не так. Он выкатил магазин и заглянул внутрь. — Патроны?

— Остаются у нас.

— Какого черта? — не могли же они просто взять и забрать его служебные патроны.

— Мы разговаривали по телефону с Вашим начальником. — Рыжий некоторое время подождал пока его слова произведут эффект, прежде чем продолжил говорить. — Для сотрудника постоянной службы Лейпцига, который взял отпуск на день, а сам размахивает здесь служебным оружием, вы слишком уж выпендриваетесь. Вы должны были поставить в известность Ваше начальство и направиться по распределению в другую федеральную землю.

Какой умник! Пуласки ждал, что будет дальше.

В любом случае он знал, что они не имели права забирать у него пистолет и патроны в качестве доказательств. Неважно в отпуске Пуласки или нет — главное, он предотвратил попытку убийства и стрелял в подозреваемого. И, все таки, эта история будет иметь огромные последствия, но это должны были улаживать служебные инстанции между собой. Пуласки уже было все равно. Единственное, что его интересовало — это Леся. Пока его так называемые коллеги, включая высшие инстанции, перекладывали бюрократическое дерьмо из одного угла в другой, он надеялся, что девочка выжила.

— Ваш начальник сказал, что мы должны забрать у Вас патроны и отправить Вас домой.

— Пока Вы не снова не загрузите магазин, Вы не представляете никакой опасности, — добавил лысый.

Пуласки понимал, что они просто издеваются. Он защелкнул пустой магазин и убрал оружие в кобуру.

— Вы нашли все пять пуль?

— Разве иначе я бы отдал Вам оружие? — это все, что сказал рыжий на этот счет.

Никакой информации для старика! Какими все-таки дилетантами были эти двое! По крайней мере теперь Пуласки знал, что нанес седовласому касательное огнестрельное ранение. Ему даже не понадобится врач, он просто будет хромать.

— Вот. — Лысый с застывшим лицом сунул ему под нос протокол на трех листах, который он, наверное, напечатал в течение последнего часа двумя пальцами на переносной печатной машинке. Видимо у полицейских Нижней Саксонии не было ноутбуков.

— Прочитайте и распишитесь. Главный врач хотел видеть Вас в своем бюро. А после этого сделайте нам и себе большое одолжение, и исчезните из этого города.

Без проблем. Как уже было упомянуто выше, Пуласки и так не собирался жениться на одном из них. Он рассмотрел протокол. Имя, служебный номер, место, дата, время, серийный номер пистолета, его показания и действия — обычная ерунда. Он расписался, застегнул пиджак и встал.

Пуласки прошел мимо полицейских не попрощавшись, и отправился на поиски бюро Пинсгера.

С севера тянулся грозовой фронт. Главный врач стоял у окна и выглядел очень жалко. Пуласки редко видел, чтобы люди страдали так, как он. Его мучили угрызения совести? Или в его голове бесконечно крутились мысли о том, что он смог бы предотвратить несчастье, если бы вовремя оказался на месте?

Пинсгер посмотрел на Пуласки грустными глазами.

— Если бы я послушал Вас раньше, мы бы вовремя оказались в комнате.

Пуласки достаточно знал таких аргументов.

— А если бы у моей бабушки была борода, она была бы моим дедушкой.

Пуласки сначала не понял, но затем улыбнулся.

— Вы правы.

— Мы поймаем этого парня, — заверил его Пуласки. — Это вопрос времени. Мы уже многое о нем знаем. — Он подумал о фотографии с камеры видеонаблюдения из Маркклеберга и следы, которые оставил убийца у восточных ворот. — Как дела у Леси?

Пинсгер устало поднял плечи.

— Она в критическом состоянии. Переливание крови вызвало у нее аллергическую реакцию, ее легкие отказали. Врачам пришлось ввести ее в искусственную кому.

Доктор долго смотрел на него, затем вдруг улыбнулся.

— Поначалу вы показались мне грубым, неприятным человеком, но я ошибся. А вот следователи, которые все здесь перевернули с ног на голову, действительно ужасны. У них чувство такта как у стада мамонтов.

— Вот видите, всегда есть еще что-то более ужасное. — Пуласки улыбнулся. — Коллеги сказали, Вы хотели поговорить со мной.

— Ах да. — Пинсгер подошел к столу, открыл ящик и вытащил серую, алюминиевую коробочку. — Ваш медикамент.

Пуласки с благодарностью взял ампулу. Несмотря на сумятицу в клинике, Пинсгер не забыл о нем. Пуласки заметил, что на столе лежало досье. Ему был знаком формуляр такого рода. Основные данные медицинской карты. Он подошел поближе и, как ему показалось,

увидел на обложке имя — Леся Прокопович.

— Что Вы собираетесь делать? — спросил врач.

— Завтра рано утром начнется мой рабочий день. У меня есть пара часов времени, чтобы поразмыслить над этим делом.

— Я могу вам чем-то помочь?

Пуласки бросил взгляд на досье.

— Как звали врача, который лечил Лесю и Себастиана в 1998 году в Бремерхафене, прежде чем детей перевели сюда

Пинсгер вздохнул.

— Это все?

— Да.

Доктор рассматривал лист, затем убрал досье в ящик стола.

— Простите, но я не могу Вам этого сказать. Это нарушает врачебную клятву, к тому же Вы работаете над этим делом неофициально.

Это Пуласки частенько слышал со вчерашнего дня.

— Я знаю.

Врач маленького роста, с толстыми очками и взглядом испуганной курицы, подошел к нему и пожал на прощание руку.

— Я надеюсь, Вы понимаете. Потому что если бы я сказал, что врача звали Вобельски, я бы нарушил закон.

Пуласки улыбнулся.

— А Вы тоже не такой уж неприятный тип.

Сев в машину, Пуласки начал поспешно рыться в бардачке. Наконец, он нашел копию больничного листа Наташи и листа с личными данными Мартина, которые Соня Вилльхальм ночью оставила на ветровом стекле.

Мартин Хорнер первым получил лечение после совершенного над ним 17.08.1998 году насилия, Наташа Зоммер два дня спустя, причем она попала в реанимацию клиники Бремерхафена. В обоих этих случаях врач был один и тот же: Доктор Конрад Вобельски.

Вспомнит ли этот человек после стольких лет, что случилось с детьми? Работал ли он еще в Бремерхафене? Поездка туда займет три часа. Пуласки завел машину и взял телефон.

Грозы поздним летом создавали особую атмосферу, которую нельзя было ощутить иначе. Когда шторм хлестал дождем по стеклам, молнии вырывали из темноты окружающую местность, а гром как лавина раскатывался над горами, Эвелин, как ребенок, всегда заворачивалась в одеяло и садилась у окна с чашкой какао.

Она считала секунды между громом и молнией и всегда волновалась, когда приближалась гроза. В такие минуты отец, обычно, затаскивал в сарай ее велосипед и игрушки сестры, а мама доставала с чердака одеяла и свечи, на тот случай, если снова отключится свет. Когда это происходило, вся семья, как никогда сближалась друг с другом. Эвелин прямо-таки чувала аромат горячего какао в своей детской кружке, запах бабушкиного яблочного штруделя и мокрой одежды отца, когда он шел из гостиной в ванную, чтобы высушиться. Некоторые детские воспоминания надолго врезались в память. Может быть, именно по этой причине она так любила грозы.

Однако на этот раз шторм, в котором она ехала, не имел ничего общего с летними грозами ее детства. Видимость была не более десяти метров, а монотонный звук щеток стеклоочистителя начал постепенно раздражать. С ума сойти. Сейчас она могла бы уже сидеть в самолете, летящем в Вену, где бы стюардесса подала ей горячую алюминиевую чашку с макаронами, а еще соус, столовые приборы, соль и перец — все упаковано в крошечную пластиковую фольгу. Что бы она сейчас только не отдала, чтобы откинуть назад спинку сиденья, завернуться в одеяло и закрыть глаза! Но ей обязательно нужно было найти этого Смолле...

Эвелин попыталась взбодриться и начала строить планы. Когда поездка в Германию завершится и прояснится дело с воздушной подушкой и крышкой люка, она возьмет настоящий отпуск. Заказать круиз по Карибскому морю или, по крайней мере, провести неделю в вельнес-отеле, чтобы забыть обо всем.

Эвелин посмотрела на часы. Было еще не поздно позвонить Конни. Она набрала номер дочери соседей, которая в ее отсутствие присматривала за кошками.

— Привет Конни.

— Ах, это Вы. — Девушка помедлила. — Я Вас не узнала.

— Точно... — Эвелин вспомнила, что звонила со скрытого номера и забыла отключить эту функцию.

— Где Вы?

— Все еще в Германии. Боюсь, моя поездка затянется.

— Без проблем. У Бонни и Клайда все хорошо. Каждый раз, когда я захожу в Вашу квартиру, они оба валяются на диване и даже ухом не ведут. Наверное, они даже не заметили, что Вас нет.

— Да, наверняка. — Эвелин улыбнулась. На самом деле эти двое точно знали, что их кормилицы нет дома. Как только Эвелин вернется, кошки будут всесторонне игнорировать ее, а Бонни, в знак протеста, наверное даже помочится в ее туфли. Но, тем не менее, они были для Эвелин всем.

— Ах, да, — сказала Конни. — Вам пришла посылка с «Амазона». Я затолкала ее под кровать. Можно мне ее открыть?

Эвелин засмеялась. Девочка была такой же любопытной как ее мать. Раз в неделю

Эвелин совершала пробежку по городскому парку вместе с Таней, а иногда, пока Конни в субботу делала домашние задания, ходила с Таней в кофейню, чтобы поговорить с соседкой о ее работе медсестрой или послушать разные семейные истории.

— Можно? — повторила Конни.

— Если хочешь. Надеюсь, ты не расстроишься, когда найдешь там детективы Марты Граймс, Стига Ларссона и Мэри Хиггинс Кларк.

— Не знаю таких.

— А что ты читаешь?

— Томаса Брезину, — выпалила Конни.

Они поболтали еще какое-то время, пока Эвелин не услышала на заднем плане голос Тани, которая звала Конни в ванную чистить зубы.

Они попрощались.

— Приятных снов, — сказала Эвелин и положила трубку.

Когда где-то между Хайде и Хузумом стрелка показателя бензина упала чуть ли не до нуля, Эвелин остановилась на заправке и купила там же сэндвич с тунцом, банку колы и чашку эспрессо. О сне не могло быть и речи.

Радио было отключено, пока она ела и считала секунды между громом и молнией. Промежутки становились все короче. Ей не хотелось слушать музыку или болтовню диктора новостей. В свете молнии она увидела, как стада овец толпились под козырьками кормушек, велосипедисты проезжали по улицам, держа над головами газеты, а ветер гонял по местности вязанки соломы.

Нибюльль был последним большим населенным пунктом, в который приехала Эвелин. Она медленно ехала по главной улице, пока не увидела вокзал. Следующий автомобильный поезд на Зилт отправлялся через двадцать минут. Она купила билет и направила машину по наклонному въезду на поезд. Странное ощущение, сидеть в машине на верхнем этаже с включенной первой скоростью, без всяких креплений.

Поезд немного качало, когда он отправился в путь, но Эвелин быстро привыкла к этому. В принципе, это даже было захватывающе, ночью сидеть на возвышении и мчаться в непогоду по местности. Немного жутковато стало лишь тогда, когда поезд покинул материк и поехал по узкой дамбе Гинденбурга, шириной примерно как два участка железнодорожных путей. Отсюда Эвелин могла с обеих сторон смотреть на море и даже разглядеть сквозь пелену дождя вспышки некоторых маяков на побережье. За время поездки температура в машине начала быстро падать. Как никак, Эвелин находилась на границе с Данией. Она спрятала руки в рукавах пуловера, поудобнее уселась на сиденье и уставилась в темноту.

Поездка на поезде длилась немногим более получаса, прежде чем он остановился на станции отправления в Вестерланде. Оттуда навигатор отправил Эвелин дальше на север. Свет фар вырывал из темноты куски местности. Справа была видна лишь вересковая пустошь, слева расстились бесконечно длинные дюны и море. Бесчисленные деревянные настилы вели прямо в Северное море. Ветер с шумом разбивал волны о молы [\[12\]](#).

Патрик, как всегда, оказался прав. Около десяти часов вечера она прибыла в Веннингштедт. Эвелин медленно катилась по крошечному городку, проехала мимо часовни, нескольких ферм, сдающихся на каникулы домов и апартаментов и, наконец, добралась до площадки для кемпинга. На другом конце территории, всего в нескольких метрах от пляжа, из-за дюн выглядывала покосившаяся хижина. Должно быть, это она.

Эвелин остановилась на обочине, оставила включенными габариты, взяла сотовый и

кошелек, и по дождю побежала по песчаному пляжу. Соленый ветер бил ей в лицо. Пахло рыбой.

Эвелин обошла бунгало кругом. Жилой вагончик было просто не узнать. Колес не было, а оси стояли на вкопанном в песок деревянном настиле. Смолле соорудил вокруг пришедшего в негодность трейлера конструкцию из досок с гонтовой кровлей, нечто вроде пристройки. Из крыши торчала печная труба, откуда вырывался светлый дым, который ветер тут же развеивал в разные стороны.

В окнах жилого вагончика колыхалось пламя свечи. Большого за занавесками разглядеть не удалось. Очевидно, Пауль Смолле жил без электричества и проводил осень и приближавшуюся зиму с газовой плиткой и печкой с дровами.

Совершенно промокнув, Эвелин подошла к входной двери. Ветер отрывал дощатую перегородку и с грохотом захлопывал ее. Эвелин проскользнула в переднюю и вытерла мокрое лицо. Она стояла на мокрой пластиковой фольге. С потолка, сквозь деревянные доски капала вода. В углу стояли емкости с пропаном, рядом множество ящиков с пустыми бутылками из под вина и водки, дрова, большое количество гороховых и мясных консерв. Рядом с мобильным туалетом громоздились завернутые в нейлоновый мешок рулоны туалетной бумаги.

Эвелин даже представить не могла, что путешествие приведет ее в такое отдаленное, богом забытое место, вдали от цивилизации. Хуже уже быть не могло. Ее современный, прокатный автомобиль, припаркованный на обочине, казался неуместным в этой округе, словно она попала в другую реальность.

Эвелин постучала по жестяной двери с вмятинами. Открытый висячий замок дребезжал, ударяясь о засов. В остальном, было абсолютно тихо.

— Господин Смолле? — она еще раз постучала в дверь.

Ее прервал раскат грома.

Слова, которые Эвелин собиралась сказать: "Я адвокат, приехала из Вены", — показались ей такими неподходящими, что она не решилась их произнести.

— Господин Смолле?

Она осторожно открыла дверь и сделала шаг на лестницу. Заглянула за угол в трейлер. Лицо обдало горячим потоком воздуха. Пахло маслом и хвоей. В печи потрескивали дрова.

Посреди комнаты, на табуретке, на коленях стоял человек неотесанного вида с серой бородой. На нем были рабочие штаны и футболка в пятнах. На лбу виднелись капли пота. Казалось, он даже не удивился, увидев Эвелин. Его взгляд был безучастным, грустным и серым, таким же серым как и веревка на его шее, закрепленная на потолочном крюке, рядом с печной трубой.

Эвелин моментально вернулась в другое время, отброшенная в дыру, которая казалась такой далекой, но никогда не прекращала существовать. Она услышала свой собственный голос — плач десятилетней — почувствовала туго затянутую на шее веревку и вонючий джутовый мешок, который, как ночь опустился на ее лицо. При каждом вздохе...

... его волоски проникали все глубже в ее рот, вызывая угрозу удушья. Эвелин ощутила

мясистые пальцы, ощупывавшие ее тело. Сначала шею, потом спину, они двигались к ногам и, в конце концов, остановились между ног. Она пыталась представить, что по ней ползает насекомое с множеством лапок, всего лишь насекомое, надоедливое животное, которая она при желании могла раздавить, но у нее ничего не получилось. У этого насекомого были грубые пальцы и оно пахло алкоголем и сигаретами. Эвелин слышала тяжелое дыхание мужчины, чуюла гнилой запах из его рта. Он вдруг отпустил ее, наверное, хотел заняться ей позже. Но ей хотелось, чтобы он остался с ней, она не хотела отпускать его. Пусть он лучше щупает ее тело, сколько хочет... делает с ней все, что хочет. Она бы позволила это, даже не пикнув. Все лучше, чем слышать беспомощные крики младшей сестры.

— Убирайтесь!

Эвелин вздрогнула.

Мужчина вытер локтем бороду. Из его рта капала слюна.

— Уйдите, пожалуйста.

Его голос прерывался.

Ей даже показалось, что у него на глаза навернулись слезы. Но вместо того, чтобы уйти, Эвелин вошла в вагончик и закрыла за собой дверь.

— Что Вам здесь надо?

Эвелин потеряла руки.

— Мне ужасно холодно. У Вас не найдется чашка чаю?

— Кто Вы такая, черт побери?

— Я хорошо Вас понимаю, — сказала Эвелин. — Впервые я хотела покончить жизнь самоубийством в десять лет.

Четверть часа спустя, они сидели на кухне на диване и пили чай с ромом. Смолле закрыл шторы, отделявшую кухню от гостиной, чтобы Эвелин не видела веревку, болтавшуюся рядом с трубой отопления. Но штора не могла изменить того, что угроза все еще оставалась. Такие планы не исчезали из головы человека за несколько секунд.

Хотя Смолле, со своей лохматой бородой, выцветшими татуировками на руках и глубоким, низким голосом и походил на грубого морского волка, в душе он был хорошим человеком. Эвелин не понадобилось даже минуты, чтобы понять это. Достаточно было посмотреть в его глаза. Одно то, как он приготовил ей чай, дал одеяло и полотенце, чтобы она высушила мокрые волосы, доказывало, что он не мог быть плохим человеком. Когда она спросила, почему он больше не работал капитаном, он тут же, не ходя вокруг да около, ответил на вопрос.

— Последняя поездка была уже, наверное, лет десять лет назад. Я уволился. Хотел поступить на службу где-нибудь в другом месте, капитаном или морским офицером. Я бы мог работать рулевым или машинистом, мне все равно, но последние корабли были зарезервированы.

Эвелин заметила уродливый шрам на внутренней стороне его левой руки, который выглядел так, словно он выжег татуировку над конфоркой. Наверное, этот мотив вызывал у него неприятные воспоминания.

— До следующего сезона оставалось еще полгода. Зима сводила меня с ума. Я слишком много думал над тем, что произошло и начал пить. — Он пожал плечами. — Весной работы я не нашел. Сам того не осознавая, я за несколько месяцев превратился в настоящего пьяницу.

Руки Смолле дрожали, когда он поднес чашку к губам. Глядя в маленькое окошко,

Эвелин увидела, как множество молний друг за другом освещали пляж. Высокие волны разбивались о берег, а ветер гнал дождь по дюнам. Когда над морем послышался раскат грома, пламя чайных свечек в мини-кухне задрожало.

— Я привык выпивать бутылку вина, когда вечерами гулял с собакой, — продолжил свой рассказ Смолле. — Потом бутылка стала появляться у меня к обеду, и, в конце концов, с утра, когда я шел с Тёле на пляж. Я пил, когда просто сидел в вагончике. Пёс однажды убежал, а вино осталось. И водка тоже.

Иногда Смолле мямлил или проглатывал слова, но Эвелин могла додумать смысл сказанного.

— Сначала забрали водительские права. Потом машину. А теперь и денег не стало. Даже не могу устроиться на временную работу рабочим в портовый склад. Десять лет — долгий срок. Больше не хочу. Понимаете?

Эвелин кивнула.

— Мне кажется, нет. — Смолле налил ром в пустую чашку и залпом выпил ее.

— Что случилось во время Вашего последнего рейса? — спросила она.

Он горько усмехнулся.

— Так Вы поэтому здесь? Ну конечно, поэтому. — Смолле посмотрел в потолок. — Если бы Он не хотел, чтобы Вы узнали, Вы бы пришли минутой позже. Тайну я бы взял с собой в могилу.

— Что произошло на "Фридберге"?

Услышав название, он вздрогнул и непроизвольно посмотрел на обгоревшую руку, словно оттуда вернулись плохие воспоминания, которые он тщетно пытался забыть.

— Это название. Всего алкоголя не хватит, чтобы все забыть. Я напивался в стельку, но эти мысли все равно оставались, как неприятное послевкусие.

— Мысли о чем?

Смолле молчал.

— Вам о чемнибудь говорят следующие имена: Кислингер, Пранге, Холобек, Манцон, Хансон, Рушко, Риттер, Эберхардт, Паллок или Хокинсон?

— Хокинсон...,- прошептал он, бросив на Эвелин короткий взгляд. — Вы, правда, хотите знать?

Она кивнула.

— Правда, хотите знать всё?

Эвелин снова кивнула.

— У меня была судимость, я много пил, но Хокинсон дал мне шанс. И вот я начал работать на него. Наверное, ему не удалось найти другого капитана на этот корабль. — Он пожал плечами. — Тем летом все изменилось.

Смолле залпом опустошил бутылку рома и уставился в отверстие.

Я много чего ужасного пережил в своей жизни, — начал он свой рассказ, — но в августе 1998 года произошли еще более страшные события. "Фридберг"...

.. был кораблем мертвых душ. На палубе, где он стоял и управлял яхтой, он чувствовал себя паромщиком, перевозящим мертвых по реке в царство Гадеса, подземное царство мертвых. Снаружи "Фридберг" выглядела роскошно. Ослепительно белая, с обтекаемыми формами. Внутри было также роскошно, золотые ручки, мраморные зеркала и шикарные кровати с шелковыми простынями. Но за этим фасадом корабль был черным как черт, черным, как горячая, капающая смола, которая жарилась на солнце, пуская вонючие пузыри.

Если он когда либо управлял бездушным кораблем, то это был "Фридберг".

В августе они в последний раз отправились в рейс, длящийся девять дней. На борту было тринадцать кабин класса люкс для тринадцати пассажиров. Путешествие на "Фридберге" стоило клиентам гораздо больше, чем он мог себе представить. Но, судя по тому, как вели себя гости, деньги было последнее, что их волновало.

На борту было достаточно алкоголя. Самого высшего качества! Самые дорогие сорта брэнди и виски. Шампанское и элитные сигары. В таком путешествии как это не обходилось и без наркотиков. У них было все. Легкие наркотики, такие как экстази или каннабис, синтетические наркотики ну, и, конечно, тяжелые... полный набор. Для каждого находилось что-то свое. Хокинсон позаботился о том, чтобы его гости ни в чем не нуждались. В конце концов, он был известен в определенных кругах своими эксклюзивными круизами.

А еще были и другие пассажиры — так называемый "товар". Они держали их вместе на самой нижней палубе в помещениях без окон. Едва выходили в море, начинались игры. Стюард выводил "товар" из темноты наверх. У каждого на голове был надет мешок. Они всегда видели только кабину, больше ничего. Некоторые, наверное, даже не знали, что жили на корабле. Это были дети. Среди них даже были брат с сестрой. Мальчику было восемь, девочке от силы десять. Смолле так никогда и не узнал, откуда они были. Да он и не хотел много о них знать. Некоторые, даже не разговаривали на немецком. Возможно, это были сироты или дети с улицы, которых никто не искал. Он никогда не спрашивал Хокинсона об этом, потому что все равно бы не получил ответа.

Официально он не знал, что происходило на борту, но о таких вещах, конечно, знали все, кто был на корабле. Достаточно было заглянуть в кабины. Комнаты были обустроены лучше, чем любой элитный бордель, который он когда-либо видел, а был он во многих. Там были камеры, кожаные ремни и металлические инструменты. К тому же, помещения были звуконепроницаемыми.

Иногда гости перегибали палку. На такой случай на борту находился пожилой врач, которого лишили лицензии, который лечил малышей и ставил их на ноги. Им нельзя было долго болеть. В конце их снова уводили вниз.

В душевых на самой нижней палубе вода была чуть теплой. В конце концов, это были всего лишь дополнительно пристроенные помещения в грузовом отсеке, прямо рядом с шумно работающими моторами. Несколько двухъярусных кроватей, шкаф и туалет для всех. Слабые обогреватели почти не давали тепла в комнатах. Иногда бывало так холодно, что виден был пар изо рта.

Смолле приносил детям пуловеры, одеяла, горячую еду, чай, витамины, а некоторым даже антибиотики. Иногда он смотрел им в глаза. И не мог забыть этот взгляд. Они не знали, кто их привел сюда, где они находились или что с ними будет дальше. Они даже не знали, как долго продлится все это. Каждый рейс длился более девяти дней, а сезон начался еще в мае. В конце концов, это случилось во время последней поездки.

В большом салоне шла вечеринка. Хокинсон утратил над ними контроль. Все пошло не так. Дети кричали так, что Смолле слышал их испуганные крики через две палубы в рулевой рубке. Потом умер мальчик. Были ли это наркотики, насилие или изнасилования, не прекращавшиеся той ночью? Никто не мог сказать точно.

Мальчика звали Мануэль. Восемилетний паренек. Смолле сих пор помнил его лицо. Хокинсон и его гости представили все как несчастный случай. Два дня спустя тело ребенка было закопано где-то в дюнах.

Хокинсон с гостями пытались убедить десятилетнюю сестру Мануэля, что это она виновата в смерти брата. Позже всех детей накачали наркотиками и высадили на побережье, предоставив самим себе, в то время как "Фридберг" вернулась в Бремерхафен... с капитаном за штурвалом, перед глазами которого постоянно стояла картинка мертвого мальчика.

Слезы текли по щекам Смолле.

— Девочку звали Лиза. — Он прикрыл лицо руками. — Я вижу ее перед собой. Почти каждую ночь. Она сидела полуголая в углу, держала на руках голову брата и гладила его мокрые от пота, прилипшие ко лбу волосы, в то время как остальные просто стояли вокруг и ничего не делали...

Он замолчал. Было слышно, как дождь хлестал по вагончику.

Невероятный холод распространился у Эвелин внутри. Она не могла поверить в то, что только что услышала. Он говорил об убийстве, растлении малолетних и организованному круизу, длившемуся месяцами. Она вспомнила о заявлениях на Пранге и Кислингера по поводу детской порнографии в интернете — все вдруг обрело смысл. Ее затошнило. Холобек, ее наставник и уверенный в себе коллега, тоже был на борту. Его гомосексуальные наклонности никогда не были для нее проблемой. До сегодняшнего дня.

Это же были дети.

Желудок Эвелин сжался до размера грецкого ореха. От нехватки воздуха она потянула ворот пуловера.

— У Вас не найдется глоточка для меня? — прохрипела она.

Смолле достал из шкафа запечатанную бутылку рома и налил его в чашку Эвелин.

— Могу представить, как Вы себя чувствуете.

— Не можете. — Эвелин поспешно опустошила кружку. Ром согрел ее и она постепенно расслабилась. Смогла снова нормально дышать и думать. Дети. Всегда это были дети. Они были наиболее беззащитными. Наверное, поэтому над ними чаще всего совершалось насилие.

Эвелин заставила себя думать о другом.

— Этой Лизе сейчас, наверное, около двадцати лет, не так ли? — спросила Эвелин. — Вы знаете, где она?

Смолле снова наполнил чашку Эвелин.

— Насколько мне известно, она оказалась в закрытой клинике в Гамбурге... детская психиатрическая клиника Оксенцоль... но там ее уже нет.

Эвелин насторожилась.

— Откуда Вам это известно?

Смолле с грустью взглянул на нее.

— Потому что она была здесь.

Клиника Бремерхафен представляло собой огромное высотное здание, и в семидесятые годы, наверняка, была одной из самых современных больниц страны. Сегодня здание, включающее в себя оздоровительный центр, реабилитационный центр и прилежащие клиники по-прежнему выглядело импозантно.

Пуласки приехал около девяти вечера. Клиника, окруженная огромной территорией с деревьями и прудом, одиноко возвышалась в темноте. При этом, освещенные этажи выглядели как рождественские огни. Контрастируя со всем этим, с севера надвигался грозовой фронт.

Пуласки оставил машину на практически пустой парковке для посетителей. Ветер гонял по дорожкам листву, а в воздухе уже пахло дождем, когда он шел к главному входу. На этот раз служебное оружие, на всякий случай, осталось в машине. Теперь он знал, как чувствительно реагировали медики, как только видели ручку спрятанного под пиджаком пистолета.

Доктор Вобельски, прежде хирург в отделении интенсивной терапии, сменил специальность и стал главным врачом в терапевтическом отделении. Все это Пуласки выяснил в дороге, поговорив по телефону с Мальте. Дама, сидевшая за стеклом регистратуры, уже знала, что Пуласки хотел поговорить с врачом и отправила его на седьмой этаж. Ему повезло, что у Вобельски была ночная смена. Однако из-за срочного дела за пределами клиники, он вернется не раньше двадцати трех часов.

Пока Пуласки поднимался в лифте, его вдруг посетила странная мысль о том, что Вобельски, возможно, и являлся тем самым разыскиваемым седовласым мужчиной в темном пальто и поврежденной ногой. На седьмом этаже он направился напрямиком к больничной схеме на доске. Терапевтическое отделение подразделялось на отделения кардиологии, онкологии, диабетологии, гастроэнтерологии и реаниматологии. У каждого врача, санитаря и каждой отдельной медсестры была своя фотография. Над ними всеми висел снимок доктора Вобельски. Ему было около шестидесяти — и он был седым. Пуласки разглядывал фотографию, прямо-таки гипнотизируя глаза врача. Во время преследования он видел седовласого только со спины, но он знал контуры его профиля, которые смог воспроизвести Мальте с помощью компьютера с камеры видеонаблюдения из Маркклеберга. Был ли это именно тот человек? Будет ли он хромать при встрече?

Пуласки оторвал взгляд от фотографии. Примерно через два часа он все узнает. А пока он, один за другим, покупал кофе в автомате, хотя от дерьмового капучино с ароматизаторами у него выворачивало желудок. С другой стороны он сегодня совсем мало ел, вот желудок и урчал как у голодного волка.

Он сел рядом с окошком информации на жесткий диван между двумя искусственными пальмами и позвонил дочери. С тех пор как он уехал из Гёттингена, Ясмин знала, что домой сегодня он уже не вернется. Она ночевала у подруги, с которой завтра поедет в школу. Пуласки хотел просто удостовериться, что с ней все в порядке и она не злилась на него.

— Не волнуйся, пап, — прошептала она в телефон. — Ты поймаешь парня, который убил русскую?

— Конечно.

— Хорошо. Я заметила, что ты открывал мамины коробки.

— Я искал одну книгу.

— Ты читаешь?

— Я пытался.

— Ого. — Она тихо засмеялась. — Я убрала коробки.

— Спасибо.

— Мы поедем на выходных с Рексом в Йоханна-парк? — вот опять, эти угрызения совести, которые испытывал Пуласки каждый раз, когда ему приходилось обнадеживать свою дочь. — Обещаю.

— Честно?

— Честно. — Пуласки задумался о соседской собаке. Рекс просто обожал гоняться за фризби.

Пуласки бросил взгляд на экран сотового. Батарейка понемногу разряжалась.

— Мне пора заканчивать. Спокойной ночи, малышка. — Подождав, пока она пошлет ему поцелуй, он положил трубку.

Он действительно хотел выполнить свое обещание на этих выходных. Но, глядя в окно, Пуласки сомневался, что это возможно. Темные грозовые тучи все ближе подбирались к окнам. Вдалеке уже вспыхивали первые молнии. Еще ничего не было слышно, но гром не заставит себя долго ждать. В следующий момент о стекло уже начали разбиваться первые капли дождя.

За информационным окном, и в коридоре стало странно тихо. Временами раздавался звук открывающейся двери лифта этажом ниже, а по кафельному полу скрипели подошвы.

Пуласки убрал телефон. Он не догадался взять с собой зарядное устройство, которое можно было бы подключить к аккумулятору. Вообще-то, это должна была стать короткая поездка в Гёттинген, однако вместо этого он торчал на Северном море и ждал, когда на местность обрушится потоп.

Пуласки встрепенулся. Он задремал. Настенные часы показывали 23:05. Его разбудил звук кабинки лифта.

К нему шел высокий мужчина с усами, седыми висками и с папкой под мышкой. Видимо, он пришел с улицы, так как его пальто было насквозь мокрым. Следующий взгляд Пуласки предназначался его ногам. Мужчина не хромал. К тому же у него были слишком густые волосы.

Пуласки поднялся.

— Доктор Вобельски?

Врач кивнул и протянул ему руку.

— Мне уже сказали, что Вы хотите поговорить со мной, но я не смог прийти раньше. Коллега хотел, чтобы я ассистировал ему во время сложной и срочной операции. Автомобильная авария. Пойдемте со мной. — Он быстрым шагом пошел вперед. — О чем пойдет речь?

Пуласки проследовал за ним по коридору в бюро. Пока он рассказывал о четырех детях, которых десять лет назад лечил Вобельски, врач снял пальто, надел белый халат, включил кофеварку и вытер мокрые волосы полотенцем.

Когда Пуласки закончил свой рассказ, в маленьком помещении уже пахло свежим кофе.

— Хотите чашечку кофе?

Пуласки отказался.

— Боюсь, я все выпил из автомата в коридоре.

Вобельски заговорщицки подмигнул.

— Не волнуйтесь, реанимация здесь недалеко. — Улыбаясь, он сел на стул, помешал содержимое чашки и уставился из окна. Вдруг его лицо стало серьезным. — Я помню этих детей. Не часто встречаешь такое, что четверо несовершеннолетних попадают в больницу по уши накачанные ЛСД и с ужасными ранами на теле. У нас никогда не было столько полиции, как тогда. Кроме того, это был мой последний месяц в реанимации. Такое прощание трудно забыть. После этого я две недели был в отпуске, после чего перешел в терапевтическое отделение. — Он испытующе посмотрел на Пуласки. — Поэтому Вы приехали из Лейпцига?

— После того, как Вы оказали детям первую помощь, двоих направили в психиатрическую клинику Маркклеберг недалеко от Лейпцига, а остальных в психбольницу Херберхаузен возле Гёттингена.

— Я знаю, после отпуска я должен был написать для некоторых детей медицинское заключение. Одна из девочек была довольно тяжелым случаем, потому что не говорила ни слова и никто не знал, откуда она родом. Это было ужасно...

— Наташа Зоммер, — прервал его Пуласки. — Так ее называли. Возможно, она приехала с Украины. Мы до сих пор не знаем, кем она была на самом деле.

— Была? — врач взглянул на него. — Как она?

— Она и еще двое из тех подростков мертвы. Четвертая находится на грани жизни и смерти.

— О, господи. — Вобельски на самом деле выглядел шокированным. — Дело будет возобновлено?

— Я пытаюсь сделать это. Поэтому я здесь. Что Вы помните?

Врач откинулся назад и закрыл глаза.

— Боже мой, прошло столько времени... дети были найдены с интервалом в несколько дней на расстоянии нескольких километров друг от друга в разных прибрежных деревнях Северного моря. Одного из детей даже привез какой-то рыбак на старой, разваливающейся повозке. Они были голыми, голодными, накачанными наркотиками, а на телах были следы ужасных побоев. Кто-то так сильно издевался над ними, что они были на грани смерти. — Вобельски открыл глаза. — До сих пор я только слышал о подобных случаях в прибрежных регионах Франции и Греции. Это было за несколько лет до этого. Но ни одно из этих дел так и не было раскрыто.

Пуласки сник.

— Криминальная полиция ничего не выяснила в свое время?

— Насколько я знаю, никто так и не выяснил, как дети попали на пляж. Полиция месяцами безрезультатно проверяла все прибрежные деревни. — Вобельски сделал глоток кофе. — Я помню только то, что дети почти одновременно стали сиротами, а вскоре и вовсе куда-то пропали на несколько месяцев... а потом вдруг объявились на пляже. Не ориентирующиеся в пространстве, с нарушенной психикой и вообще, скорее мертвые, чем живые. По крайней мере, так было написано в газете.

— Чтонибудь еще?

— Боюсь, что нет. — Врач покачал головой. — Газеты еще несколько недель писали об этом, но заголовки все время были одинаковыми: "Четверо сирот и неизвестный беспризорник..."

— Погодите! — Пуласки выпрямился на стуле. — Что Вы только что сказали?

Вобельски также выпрямился.

— Да, точно, я вспомнил. Их было не четверо.

У Пуласки участился пульс.

— Был пятый ребенок?

— Она была здесь? — повторила Эвелин и непроизвольно вцепилась в подлокотник дивана. У нее вдруг возникло ощущение, что она сидит не в ржавом жилом вагончике, а в камбузе корабля. Все вокруг кружилось перед глазами.

— Примерно два месяца назад, — ответил Смолле.

— Как она выглядела?

На лице бывшего капитана промелькнула грустная улыбка.

— Красивая. Изящное лицо, веселая натура, словно никогда не знавшая бед.

Эвелин быстро открыла сумочку и вытащила фоторобот и снимок с камеры банкомата.

— Это она?

Смолле взял фотографию и держа ее на расстоянии, посмотрел на девушку в платье на бретельках.

- Вне всяких сомнений.

— На обеих фотографиях?

Взглянув на фоторобот, Смолле кивнул.

- Это Лиза.

— Лиза! — наконец-то это лицо обрело имя! — Чего она от Вас хотела?

— А Вы не догадываетесь? — нижняя губа Смолле дрожала. — Однажды ночью она постучала в дверь вагончика. Была полуголой и насквозь промокшей. Шел дождь, также, как сегодня. Я дал ей поесть и выпить. Она сидела, завернувшись в одеяло — как Вы — и была бледной как морская пена. Выглядела невероятно худой и хрупкой, но располагала к себе. Правда, от ее взгляда у меня бежали мурашки по спине. Она знала мое имя, и я догадывался, что девушка не случайно постучала в мою дверь.

Разветвленная молния вспыхнула над морем. Эвелин прямо-таки чувствовала электричество в воздухе.

Смолле тоже смотрел в окно.

— Увидев мою обожженную руку, она на мгновение вздрогнула и дернулась назад. И тогда я понял, откуда она меня знала. В тоже мгновение игра в прятки закончилась. Она лишь сказала: — «Фридберг». И задала всего один вопрос: — Кто организовал круиз?

— Хокинсон, — выпалила Эвелин.

Смолле кивнул.

— Эдвард Хокинсон. В то же мгновение она исчезла за дверью. Я побежал за ней, но потерял из виду в дожде... после этого я не видел девушку и ничего не слышал о ней. — Смолле посмотрел на Эвелин. — О чем Вы думаете?

Она покачала головой.

— Не важно.

Эвелин пришло в голову дело о подушке безопасности. Она подумала о Пранге. Он погиб два месяца назад в Альпах в районе города Берхтесгаден. Возможно, в ту ночь Смолле сдвинул дело с мертвой точки. Но почему именно в это время? Десять лет спустя?

— Вам нехорошо? — спросил Смолле, с волнением в голосе.

— Я была готова ко всему, но только не к такому.

Голос Смолле стал тише.

— Вот уже десять лет я ни с кем не разговаривал о событиях той ночи. Я месяцами

просматривал все газеты в поисках одной единственной новости на эту тему, но дюны так до сих пор и не раскрыли секрет мальчика. Я бы все рассказал, если бы полиция допросила меня о происшедшем. Но этого так и не произошло. А в газете было написано только о девочке. Что она попала в клинику, а потом ее следы затерялись как песок в дюнах. — Он кашлянул. — Спасибо, что выслушали.

Это прозвучало так, словно он только что исповедался о своей жизни.

Смолле поднялся, отодвинул занавеску, закрывавшую гостиную и подошел к шведской печи. Поленья догорели, пламя почти погасло. Он открыл дверь и подкинул в печь новых дров. После чего снова сел на диван рядом с Эвелин.

— Почему Вы хотели покончить жизнь самоубийством в десять лет?

Эвелин поначалу не расслышала вопрос. Ее мысли были слишком сильно поглощены рассказом Смолле. Но вдруг она вздрогнула и повернулась к нему.

— Что?

Вместо того, чтобы повторить вопрос, он осторожно, почти нежно взял ее руку. Эвелин не стала противиться и даже не вздрогнула, когда он поднял вверх рукав ее пуловера, обнажив шрам на запястье. Он тянулся поперек руки и был едва заметен. Тогда она почти ничего об этом не знала. Нажми Эвелин осколком стекла посильнее на артерию, она бы уже здесь, наверное, не сидела.

— Вы пережили нечто подобное? — предположил Смолле.

Она покачала головой, но как — то слишком уж сильно. Да и имело ли смысл лгать?

— Вижу по Вашему взгляду. — Он отпустил ее руку. — Вы не обязаны говорить, если не хотите.

Возможно, она даже этого хотела.

- Какой-то мужчина на моих глазах затащил мою восьмилетнюю сестру на заднее сиденье автофургона. — Она до сих пор видела перед собой коренастого парня, словно это случилось вчера. — На школьной парковке никто ничего не заметил. Он держал ее за руку и сказал, что сделает ей больно, если я тоже не сяду к нему в машину. Если бы я тогда убежала, все было бы по-другому, но я слишком боялась за сестру. — Эвелин прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать слезы и почувствовала на плече руку Смолле. — Так что я тоже забралась в фургон. Он закрыл дверь, связал нам ноги и завязал руки за спиной. Потом он заклеил ей рот. Для меня скотча у него не хватило, поэтому он натянул мне на голову вонючий мешок. Я не издала ни звука. Лишь когда он завел мотор, я хотела громко закричать и позвать на помощь, но музыка в машине заглушала все остальные звуки. На парковке стояло столько людей. Я до сих пор не знаю, почему никто ничего не заметил.

Эвелин вытерла слезы, текущие по щекам. От удара грома у нее внутри все похолодело. Ветер непрерывно хлестал дождем по стеклу. Это случилось в то же время года... Только началась школа... и также была гроза. В тот день она впервые ощутила горячее щекотание в желудке — как спазм, от которого сжимались все органы. Она слишком много рассказала о своем прошлом, поэтому Смолле ничего не узнает об охотничьей избушке в лесу и сыром подвале. Только Патрик знал эти подробности.

Мысли Эвелин прервал звонок сотового. Дрожащими руками она взяла телефон. Цифры на дисплее расплывались, и она вытерла слезы. На часах было 23:56. Высветился номер Патрика. Почему он звонит так поздно?

— Алло.

— Привет, я тебя разбудил? — прошептал он. Видимо он тоже был не в лучшем

настроении.

— Нет, все в порядке. — Краем глаза Эвелин увидела, как Смолле встал и пошел к печке.

— У тебя какой-то невеселый голос.

— Все нормально. Что случилось? — она кашлянула.

— Ты же послала мне факсом этот список.

Список пассажиров из папки. У нее было такое чувство, что с тех пор как она посетила рабочий кабинет Хокиносна прошла целая вечность.

— И что с ним?

Скрипнул шарнир печной двери. Эвелин слышала, как Смолле перемешал кочергой угли. Поток воздуха раздул огонь, и дерево начало похрустывать.

— Я проверил несколько имен. Люди из списка — это врачи, политики, чиновники и правозащитники. Я собрал довольно пикантный материал...

Вдруг вагончик качнуло. Задрожал потолок, а чайные кружки затанцевали по столу. У Эвелин бешено заколотилось сердце.

— Эвелин... Эвелин?

Она уронила телефон. Он упал на пол, где-то между кухонными шкафами. Голос Патрика звучал теперь вдалеке.

Эвелин огляделась, словно загнанная в угол. И тут она услышала потрескивание веревки.

Она не заметила, что Смолле задернул занавеску. За ней вырисовывался покачивающийся туда-сюда силуэт. А из под занавески выглядывали колени Смолле, волочившиеся по полу.

Пуласки и главный врач обыскивали уже третье подвальное помещение. Просмотрев документы из реанимации, они решили попытаться счастья с бумагами из хирургии. В этом архиве их тоже окружали десятки ящиков. С потолка свисала голая лампочка, такая пыльная, что в помещении был приглушенный свет, из-за чего оно напоминало архив ляйпцигского полицейского участка. Не удивительно, что Вобельски решил заняться этой комнатой в последнюю очередь.

Пуласки восхищался терпением доктора, у которого постоянно пищал пейджер. Каждый раз он сразу перезванивал с сотового и просил своих людей подождать, так как в данный момент был занят.

— Там, наверху, — сказал он после очередного звонка, затем встал на цыпочки и вытащил с полки коробку. — Ну, вот и нашли — август 1998 года.

Вобельски поставил коробку на пол.

— Через год все данные были переведены на новую компьютерную систему, непосредственно перед новым тысячелетием. Можете себе представить? Это безумие! Ничего не работало. А потом никто не удосужился оцифровать старые бумаги. Пришло время сфотографировать этот хлам на микрофишу.

Вобельски снял крышку, пролистал документы, и вытащив нужную папку, сдул пыль с обложки.

— Леся Прокопович, — прочитал он вслух.

Пуласки опустил напряженные плечи.

— Нашли.

После этого они еще нашли документы Мартина Хорнера, Себастиана Земмельшлегера и незнакомой девушки с веснушками, которую терапевты Маркклеберга спустя восемнадцать месяцев после лечения назвали Наташа Зоммер.

— Вот документы пятого ребенка.

Вобельски вытащил еще одну папку.

— Точно, теперь я вспомнил. Нежная, хрупкая девочка с длинными светлыми волосами, похожая на ангела.

Пуласки стер пыль с титульного листа.

На нем было написано Лиза Гурдиев.

Если врач правильно помнил о тех событиях, Лиза была одним из четырех детей-сирот.

Вобельски водил пальцем по строчкам медицинского заключения.

— Она чуть не умерла от передозировки героина. К счастью, в ту ночь дежурил токсиколог, который ввел ей антидот, чтобы вывести яд из организма.

Пуласки рассматривал фотографию десятилетней девочки. У нее были сильные кровоподтеки под глазами, на щеках и шее.

— Могу я оставить себе эту фотографию?

Вобельски сделал несчастное лицо.

— Вы же знаете, без ордера на обыск и освобождения от обязанности хранить врачебную тайну, мне нельзя находиться здесь внизу, вместе с Вами.

— Я ценю это. — Пуласки кашлянул. — Но если девочка еще жива, то, возможно, ее жизнь в опасности. Вы можете, хотя бы выяснить, куда ее отправили после лечения?

— Это возможно.

Врач нашел рекомендательное письмо, к которому был прикреплен протокол передачи.

- Ее перевели в психиатрическую больницу Оксенцоль. Коллеги в Гамбурге наверняка смогут Вам помочь в дальнейших поисках.

— Насколько велика вероятность, что она все еще там?

Врач пожал плечами.

— Зависит от тяжести ее психологической травмы и того, насколько быстро подействовала терапия.

Пуласки посмотрел на часы. В это время он никого не застанет в больнице, было уже около трех часов утра. Но если он выедет прямо сейчас, то с рассветом будет там.

Если Лиза все еще жила в Гамбурге, нужно было вовремя найти ее, прежде чем до нее доберется седовласый.

Зал ожидания вокзала Вестерланда состоял только из белого кафельного пола и жестких скамеек для сидения. Пахло мочой. Мигающая, неоновая лампа на потолке излучала такой же холод, какой Эвелин испытывала внутри себя. Подтянув ноги, она свернулась калачиком на лавке и спрятала руки в рукава пуловера. Голубой пуловер ее матери в норвежском стиле пах соленой водой. Из рта шел пар, но она его не замечала. От множества слез, пролитых ее в последние часы, воспаленные глаза горели так, как будто сетчатка глаза соприкоснулась с мылом.

Тем временем на часах было уже три часа утра. На улице темно, лишь кое-где вдалеке молния освещала ландшафт. Грома почти не было слышно. Вместо этого Эвелин ощутила легкую головную боль в висках, которая со временем только усилилась. Она по очереди смотрела то на дверь туалета, то на грязное окно зала ожидания. Ее арендованная машина стояла на парковке под дождем. Сидеть в «Ауди» было бы конечно удобнее, но вот уже на протяжении нескольких часов Эвелин постоянно подташнивало, а со рвотой выходил только желудочный сок, к привкусу которого она уже успела привыкнуть. "Всего два часа", — сказала она себе. В пять часов от острова к суше шел первый автопоезд. В Ниебюлле она снимет комнату, примет душ и попытается съесть круассан или хотя бы выпить чашечку чаю.

Рядом на сиденье лежал роман Мэри Хиггинс Кларк.

Эвелин попробовала прочесть первую главу. Отвлечься. Обычно это получалось, но не в этот раз. Она даже не знала о чем была книга, и, прочитав двадцать страниц, отложила ее в сторону. Перед глазами постоянно всплывало лицо Смолле, напоминавшее о ее бесполезных попытках развязать веревку, висевшую на потолочном крюке рядом с печной трубой. В конце концов, Эвелин схватила телефон, не долго думая, выбежала из вагончика и помчалась на машине по улице вдоль побережья в Вестерланд.

Она даже не помнила как добралась сюда. Последние часы было словно стерты из памяти. Эвелин знала только, что в дороге поговорила с Патриком, а потом началась эта ужасная тошнота и вскоре она, пошатываясь, зашла в зал ожидания с дорожной сумкой в руках.

В четыре утра на горизонте появилась первая полоска света. Дождь прекратился, но Эвелин по-прежнему была продрогшей до костей. Поначалу она не услышала звонок сотового, но затем онемевшими пальцами взяла телефон и ответила.

— Как дела, ёжик?

Эвелин закрыла глаза и сделала глубокий вдох. "Говори дальше, — подумала она. — Так приятно слышать твой голос". Звук его голоса напомнил о ее бюро в адвокатской конторе Крагера, о шефе, о ее квартире в Вене, о соседке Тане и ее дочери Конни, и о кошках. Что бы она только не отдала сейчас, лишь бы оказаться на диване перед телевизором в обнимку с Бонни и Клайдом! Услышать их урчание и погладить густую шерсть!

— Линни, ты меня слышишь?

— Да, — пробормотала она, погруженная в мысли. Ей нужно было обязательно купить упаковку аспирина. — Можешь рассказать какую-нибудь адвокатскую шутку?

Патрик молчал.

— Ничего не приходит в голову.

У него был уставший голос.

— Ладно, не важно. Прости, что всю ночь не даю тебе спать.

— Ты же сама говорила, я должен быть доступен днем и ночью.

Эвелин представила, как он улыбается. Но в ее голове это была грустная улыбка.

— Что нового? — спросила она.

— Я разговаривал по телефону с полицией Фленсбурга, сообщил дежурившему сотруднику все, что знаю и передал им твои данные. Предположительно к передвижному вагончику Смолле уже направляется скорая, чтобы снять его с петли. На рассвете сотрудники полиции прилетят на вертолете в Веннинштедт, чтобы разобраться в ситуации. Они позвонят тебе в течение дня. Ты сможешь дать показания в участке во Фленсбурге.

— Спасибо, Патрик.

— Без проблем. На твоём месте я бы тоже сбежал.

Эвелин знала, что он лгал. Но это не играло никакой роли. Он просто пытался быть вежливым.

— Хочешь знать, что еще я выяснил вчера, после того как ты отправила мне факс? — спросил он спустя некоторое время.

Была ли ей интересна его информация? Она не смогла предотвратить самоубийство человека.

— Эвелин?

— Да. — Эвелин пыталась вспомнить. — Ты что-то говорил о некоем новом, интересном материале.

— Именно. Список имен. Гости Хокинсона были сплошь врачи, политики, промышленники либо правозащитники, — напомнил он ей.

Эвелин стало дурно при мысли о том, что произошло на борту корабля. Об этом она еще не сказала Патрику ни слова и даже не знала, могла ли она вообще говорить об этом. Пока Эвелин раздумывала, голос Патрика погружался куда-то в глубины ее подсознания. Но внезапно она насторожилась.

— Что?

— Двое мужчин со временем умерли естественной смертью, — повторил Патрик. — Остальные, один за другим, за последние два месяца погибли при загадочных обстоятельствах.

— Как Пранге, Кислингер, Хокинсон и Холобек?

— Линни, мне уже тоже кажется, что это были убийства, инсценированные под несчастные случаи. Но почему только годы спустя? Что хотят скрыть их смертью?

— Эти свиньи насильовали детей, — прервала его Эвелин.

Эвелин услышала как он глубоко вздохнул.

— Я подозревал нечто подобное. Не зря Пранге и Кислингера обвиняли в связи с детской порнографией. Но тогда кто эта девушка в платье на бретельках?

— Она была одной из тех детей, — сказала Эвелин. — Ее зовут Лиза. Ее брат Мануэл умер во время этой поездки на корабле.

— Вау. — Патрик сделал паузу. — Постепенно все обретает смысл. Кстати, всех этих стариканов шантажировали. Выплаты производились на один и тот же анонимный счет в Гамбургском народном банке. Возможно, смерть Мануэля использовалась в качестве средства давления.

— Но кому нужно убивать людей, которые были готовы платить? — прервала она его.

— Убийца и шантажист вполне могут быть разными людьми, — размышлял Патрик.

Эвелин изумленно спросила:

— Как тебе удалось все это выяснить за такое короткое время?

— Не хочу тебя обманывать, я связался с Венской криминальной полицией. Они всё проверят и, в свою очередь, свяжутся с немецким федеральным управлением уголовной полиции.

— Я же тебе сказала отдать список полиции.

— Линни! — прервал он ее. — Я знаю, ты не хочешь порочить репутацию Холобека, но это дело уже давно касается не только его одного. Речь идет о десятке влиятельных людей, которых шантажировали на протяжении десяти лет и которые вдруг умерли в течении последних двух месяцев... Все, кроме одного.

— Одного?

— Не считая человека, чье имя перечеркнуто так, что его невозможно прочесть, из списка в пассажиров в живых остался только один.

Эвелин опешила.

— И в полиции тебе так просто рассказали об этом?

— Скажем так: Комиссар полиции Бернекер был мне кое-что должен.

Эвелин не хотела знать слишком много о его контактах.

— Кто этот последний выживший? — спросила она как бы невзначай, затем достала из сумки список и пробежала глазами имена.

Хайнц Пранге

Рене Манцон

Марк Пеллинг

Курт Хансон

Рихард Рушко

Мартин Риттер

Рудольф Кислингер

Томас Эберхардт

Георг Паллок

Эдвард Хокинсон

Петер Холобек

Альфонс Болтен

XXXXXXXXXXXXXX

— Кто? — повторила Эвелин. Возможно, его адрес в списке был все еще актуален.

— Если я тебе скажу, то возможно ты поедешь туда. Я не могу этого допустить.

— Патрик, прошу тебя, — возразила Эвелин, но сама поняла, что это прозвучало не слишком убедительно.

— Линни, не лги мне! Тебе лучше не знать. Это дело уже стало слишком опасным. Кроме того, им займется федеральное управление полиции.

— Когда? Пока это случится, он, возможно, тоже будет мертв, он наш единственный свидетель.

— Я этого и хочу. Как по мне, так лучше пусть он умрет, а не ты.

Не было никакого смысла спорить об этом с Патриком. Он с самого начала был против ее поездки в Германию.

— Хорошо, — уступила Эвелин. — Спасибо за все. Я попытаюсь немного поспать.

— Ты должна быть в форме, когда отправишься в полицию во Фленсбурге. Позвони мне потом и расскажи как все прошло. Я тоже пойду спать, ночь была бурной. Целую, пока. — С этими словами Патрик положил трубку.

— Целую, пока, — прошептала она и убрала телефон.

Несмотря на головную боль, спать она не собиралась, также как не собиралась ехать во Фленсбург для дачи показаний. Пока еще нет.

Ничего, что Патрик не выдал ей имя еще живого насильника. Эвелин преследовала другую цель. Она вспомнила высказывание Смолле: — "Насколько мне известно, она оказалась в закрытой клинике в Гамбурге... детская психиатрическая клиника Оксенцоль... но там ее уже нет."

"Она все-таки была там! — подумала Эвелин. И это был ее единственный след, ведущий к Лизе.

Дорога оказалась труднее, чем ожидалось. Видимость была не более десяти метров, а дождь лил как из ведра. Дворники работали на полную мощь, но лобовое стекло все равно было похоже на море из дождевых капель. Такого Пуласки еще не видел.

Даже на автобане он не мог ехать быстрее семидесяти километров в час. Казалось, небеса разверзлись прямо над ним, не важно, как далеко и куда он ехал. Вдобавок ко всему, водой с дороги регулярно забрызгивало боковые стекла.

Доктор Вобельски записал на листочке, который Пуласки приклеил на руль, номер телефона психиатрической клиники Оксенцоль. Он вновь и вновь набирал его, но никто не брал трубку. Записанный на пленку голос настойчиво повторял, что все линии заняты и он следующий на очереди ожидания ответа.

Ждать так долго Пуласки не мог, так как батарейка сотового могла сесть в любой момент. Поэтому каждые десять минут он нажимал на кнопку повтора звонка.

У Пуласки постоянно закрывались глаза, поэтому он приоткрыл боковое окно. Бушующая гроза, свежий воздух и брызги дождя, попадавшие во внутрь машины, не давали ему заснуть.

Когда небо на горизонте уже начало светлеть, кто-то, наконец, взял трубку. Приятный голос, со "вкусом" одновременно нектара и амброзии.

Из-за слабой батарейки Пуласки сразу перешел к делу.

— Это Вальтер Пуласки из криминальной полиции Лейпцига. У меня срочный запрос, касающийся одной из Ваших пациенток. Ее зовут Лиза Гурдиев. Она все еще проходит лечение у Вас, или, может быть, Вы знаете где она находится в настоящий момент?

Долгое молчание на другом конце провода действовало Пуласки на нервы.

— Еще раз, кто говорит?

— О, господи... — Наверняка, это была блондинка — ассистентка врача, которая в это время еще не до конца проснулась. — Криминальная полиция Лейпцига! У Вас на лечении находится пациентка по имени Лиза Гурдиев?

- Минуточку... Не могли бы Вы назвать фамилию по буквам?

— Густав, Ульрих, Рихард, Дора...

— Нет, я имею в виду Вашу фамилию!

— Черт! — Пуласки ударил свободной рукой по рулю. — Скажите, находится ли Лиза Гурдиев в Вашей клинике, или соедините меня со своим начальником! — крикнул он.

— Да, да, — пробурчала она.

Пуласки услышал стук клавиатуры.

— Лиза Гурдиев уже десять лет здесь. Она проживает в закрытом психиатрическом отделении. Большого я не могу сказать Вам по телефону.

— Она еще жива?

— Что?

— Жива ли она?

— Конечно.

В отражении лобового стекла Пуласки увидел как погас дисплей сотового. В тот же момент раздался предупреждающий гудок.

— У меня сейчас сядет батарейка. Позаботьтесь о том, чтобы к ней приставили охрану.

Позвоните в Гамбургскую...

Связь прервалась. Пуласки выругался сквозь зубы и гневно бросил сотовый на пассажирское сиденье.

Проезжая мимо сворота на Ротенбург, Пуласки уставился на панель приборов. Примерно половина пути была позади. Еще девяносто километров и он будет в Гамбурге, где надерет задницу этой тетке, с которой говорил по телефону.

Она подслушивала возле двери, затем нажала на звонок. Его имя крупными буквами стояло на дверной табличке. Она следила за ним. Уже несколько дней. Знала, что он был дома.

Она звонила до тех пор, пока не открылась дверь в квартиру. Когда он час назад вышел из машины на другой стороне улицы, то выглядел по-другому. Сейчас, с близкого расстояния, он казался старше и худее, а слегка покрытое шрамами от акнэ лицо и светлые волосы с боковым пробором, придавали ему вид постаревшего дэнди. Для полной картины не хватало только шейного платка и подходящего лосьона после бритья.

Он вопросительно уставился на нее, при это не опустил взгляд, чтобы оглядеть тело. Даже непроизвольно, на короткое мгновение. Нервничая, он смотрел ей в глаза.

— Вы...?

В эту секунду она поняла, что он был геем. Инстинкт подсказывал ей, что ее обычный прием на этот раз не сработает. Не с ним. Ее план не удастся. Кроме того, у него в руке был мобильный телефон. Невозможно было взглянуть на дисплей, но, наверняка, она оторвала его от разговора. "Тебе нужно импровизировать", — промелькнуло у нее в голове.

Не долго думая, она выхватила у него телефон, прервала связь и со всей силы ударила его сотовым в висок.

Пошатнувшись, он отпрянул назад. Она сразу же нанесла краем телефона еще один удар по лицу, прежде чем он смог закрыть его руками. Простонав, мужчина упал на пол.

Он закатил глаза, словно готов был потерять сознание, а она в этот момент с грохотом закрыла за собой дверь.

Не успела она на секунду отвернуться, как он уже попытался встать.

— Вы были в Германии... — прохрипел он и провел рукой по носу и щеке, оставив на лице размазанную, красную полосу. — Вы убили Пранге!

На мгновение она насторожилась. Откуда он мог об этом знать?

— Я занимался этим делом! Вас описали свидетели. Я догадывался, что однажды Вы появитесь здесь.

У нее колотилось сердце.

— Хватит болтать! — она замахнулась и ударила сотовым по его переносице. Он вздрогнул и опустил голову.

Со стоном ощупал рану.

— У Вас ничего не выйдет, я...

— Тихо! — когда она в очередной раз замахнулась, чтобы нанести удар, он содрогнулся. У него уже бежала кровь из носа, капала на рубашку-поло. Она должна была что-то предпринять, прежде чем кровь начнет капать на паркет, хотя ей уже и не удастся представить все как несчастный случай. Если только...

Она засунула сотовый в карман джинсов, и поспешно огляделась в квартире. Балкон! Подхватив мужчину за подмышки, она потащила его через комнату к балконной двери. Он висел у нее на руках как мокрый мешок. Она даже сама удивилась, откуда у нее взялось столько сил, чтобы тащить его.

Возле балконной двери он начал оказывать сопротивление. Но они уже были на улице. Прохладный ветер обдувал ее волосы. Солнце уже начало садиться и ярко освещало лоджию.

С невероятным усилием она поставила мужчину на ноги и толкнула его к поручням. Двадцать третий этаж. Он в панике обернулся. Его веки дрожали, на мгновение подогнулись коленки, но он взял себя в руки и снова выпрямился. Он ожесточенно махал руками и хватал ими первое, что попадалось под руку.

Едва не угодил ей метлой по лицу. Этот чертов идиот не хотел мириться со своей судьбой. Она словно фурия бросилась вперед, схватила метлу обеими руками и прижала мужчину ею, так, что он спиной опрокинулся через перила. Он отпустил метлу, одной рукой схватился за перила, другой за птичью клетку, болтавшуюся на крючке под потолком. Волнистый попугайчик закричал и в панике начал бить крыльями. Сквозь решетку посыпались перья.

— Не делайте этого, — крикнул он.

Она изо всех сил сдавливала палкой от метлы его горло. Он потерял равновесие, но она продолжала выталкивать его наружу, пока его ноги не оторвались от пола. В отчаянии он держался за клетку. Дверца открылась, и птица вырвалась на свободу. А потом оторвался крюк на потолке.

Сопротивление мужчины вдруг ослабло, и, словно в замедленной съемке, он опрокинулся через перила.

Раньше она испытывала триумф и облегчение, наблюдая за умирающими мужчинами, чувствуя их последний вздох, видя угасающие глаза и замирание грудной клетки, которая больше никогда не опустится и не поднимется. Но в этот раз было по-другому. Последний взгляд в его глаза не принес удовлетворения. Его лицо столько всего выражало... раскаяние, стыд, беспомощность, мольбу и просьбу о прощении, что в какой-то момент она даже схватила его за рубашку-поло.

Но ткань выскользнула из ее слабых рук и его ноги пронесли мимо ее головы. Клетка с грохотом ударилась о перила. Все еще держа ее в руке, мужчина упал вниз с балкона.

Она не стала смотреть вниз, а вместо этого, бросив метлу, задом попятилась из лоджии в квартиру. Сколько у нее оставалось времени? Она быстро огляделась. В нише стоял вращающийся стул и стол с компьютером. Она выкатила стул на лоджию и толкнула его ногой, ударив по стеклу балконной двери. Стекло разбилось. Затем она принесла из кладовки пылесос и воткнула его в розетку. Для надежности включила его. Рев пылесоса заглушил крики людей с улицы, которые было слышно даже на двадцать третьем этаже. Пришло время покидать квартиру.

Возле входной двери она остановилась, вытащила окровавленный телефон из кармана и посмотрела на дисплей. Он треснул, а между кнопок прилипли светлые волоски. На мгновение ей стало дурно. Невозможно было оставить сотовый здесь, но и выбрасывать его с балкона тоже было поздно.

Погрузившись в мысли, она снова сунула его в карман и вытерла испачканные кровью пальцы о джинсы. Затем взяла с полки запасной ключ от входной двери. Единственный, кто заметил бы, что он пропал, неподвижно лежал на асфальте.

Выскользнув наружу, она заперла квартиру. В коридоре никого не было. Приглушенное бормотание на лестничной клетке, стук шагов, звук лифта где-то вдалеке.

Она засунула ключ в карман и пробралась через пожарную дверь на лестничную клетку.

Несколько часов спустя она уже находилась на восточном вокзале Вены, и поднималась по эскалатору на перрон, держа в руках дорожную сумку. Была ночь. Все сделано. В этом городе ее больше ничего не держало.

Ей нужно было на одиннадцатый перрон, объяснил продавец билетов в окошке. Ночной поезд уже ждал на платформе. Отправление через десять минут.

Она прошла вперед, к первому вагону, где располагались зарезервированные спальные места. Одно из них на двухъярусной кровати принадлежало ей. Распаковав сумку, она ненадолго заглянет в вагон-ресторан, купит себе сэндвич и напиток, а если никто не заметит, то, может, и украдет их. У нее было достаточно денег, но желание воровать слишком глубоко засело в ней. Это было ее второй натурой. Хлеба и воды будет вполне достаточно. Желудок урчал, но на большее ее сегодня уже не хватит. Смертельно уставшая, она опустится на подушку и погрузится в сон, все тот же сон, как всегда, под успокаивающий стук колес по рельсам.

Громкоговоритель на перроне объявил, что поезд отправится вовремя.

Она смотрела через большие окна на город, простиравшийся под ней как ковер. Серые стены домов, штукатурка и гипс на окнах, темно-красные кровли, ржавые водосточные трубы и черные от сажи дымоходы. Мерцающая неоновая реклама погрузила улицу в смесь тусклых тонов. Мимо проехала электричка. Контактные провода вспыхнули, разбрызгав искры в ночи.

Все было как в прошлый раз, когда она посещала благотворительное мероприятие. Много в этом городе было ей знакомо, словно она провела здесь несколько лет. Она не была уверена. Так ли это на самом деле?

Может, кто-то другой был здесь и просто рассказал ей об этом? Но кто бы это мог быть? Она ведь никого не знала. Внезапно она подумала о девочке. Стоит ли рассказывать ей о том, что произошло в этом городе?

Ее мысли прервал звонок телефона. Это был ее сотовый, вибрировавший в кармане штанов. Может, это была она. Поспешно поставив сумку на пол, она вытащила телефон и ответила.

— Лиза. Алло? Того кто тебе звонил, я...- она запнулась.

Из телефона донесся незнакомый голос.

В ту же секунду она вспомнила, чей сотовый держала у уха.

Она медленно опустила его и с отвращением уставилась на треснувший темно-красный дисплей. Она вспомнила испачканные кровью волосы. Теперь их не было видно. Может ей все это показалось там, в квартире, или волосы стерлись о внутреннюю поверхность кармана?

Ее затошнило.

Прервав разговор, она вытерла сотовый об рукав свитера и выкинула его в урну, где он исчез в куче газет.

Пятница, 19 сентября

Эвелин в буквальном смысле слова проигнорировала Нибюлль и Фленсбург. В данный момент ее голова была забита другими мыслями, а не мыслями о том, чтобы дать показания во Фленсбурге. Вместо этого она проехала на арендованной машине до Гамбурга, постоянно видя перед глазами лицо Лизы.

В северной части города, съехав с автобана, она нашла мотель, где сняла комнату. Владелец, не задавая лишних вопросов, протянул ей магнитную карточку, после того как она оплатила проживание. В прихожей Эвелин разделась, проглотила две таблетки аспирина и, избегая отражения в зеркале, встала под душ.

В начале десятого утра она сидела в джинсах, футболке и голубом свитере с норвежскими узорами за завтраком, пила крепкий кофе и жевала кусочек хлеба. Голова все еще раскалывалась из-за бессонной ночи, но таблетки скоро прогонят боль, как было всегда. К сожалению не было средства, которое помогло бы забыть вчерашние происшествия. Эвелин постоянно думала о Лизе, девочке, десять лет назад доставленной в психиатрическую клинику Оксенцолль.

Воспользовавшись в мотеле доступом в интернет, она выяснила, что психиатрическая больница Оксенцолль являлась частью клиники Асклепиос и располагалась между районами Гарштедт и Лангенхорн, то есть недалеко от мотеля. О сне можно было забыть. Эвелин взяла комнатную карточку. Пришло время выселяться.

Эвелин понадобилось двадцать минут, чтобы на машине добраться до шоссе Лангенхорна. Кругообразная территория клиники было окружена лесом и состояла из множества отдельных зданий, которые выглядели как автономное поселение. В одном из этих корпусов лежала Лиза, и если повезет, Эвелин удастся найти врача девочки, который лечил ее тогда.

Она остановилась на парковке для посетителей и направилась к административному зданию. Луи грязи и поломанные ветки свидетельствовали о грозе, бушевавшей прошлой ночью. Но сейчас небо было ясное. День обещал стать более или менее солнечным.

Как у главного входа, так и рядом с боковыми корпусами здания, стояли полицейские машины. Из раций в машинах глухо доносились искаженные голоса. Некоторые люди в форме ходили по территории. Поначалу Эвелин подумала, что полицейские были здесь из-за нее или самоубийства Смолле, но это было невозможно. Нехватка сна уже привела к тому, что у нее начали возникать непонятные, параноидальные мысли. Полицейские, наверняка, патрулировали здесь по другому поводу, возможно, сбежала одна из пациенток.

В то время, как Эвелин входила в административное здание, из него вышли двое полицейских. В воздухе чувствовалась хаотичность. Слишком много людей, не похожих на персонал клиники, сновали по коридорам и разговаривали по своим сотовым. Но, может быть, на Эвелин это подействовало так просто потому, что она сама испытывала внутреннее беспокойство и толком не знала, зачем приехала сюда, не говоря уже о том, чтобы суметь объяснить кому-нибудь, что конкретно она искала.

Окошко информации с вывеской "Специализированное отделение II — Расстройство личности/ Психические травмы" выглядело многообещающе. За затонированным оргстеклом

сидела пожилая женщина, с крашеными черными волосами с пробором посередине и в очках в роговой оправе с толстыми стеклами. Она разговаривала по телефону и одновременно не по-дамски жевала кончик карандаша.

В ожидании окончания разговора, Эвелин задумчиво пролистывала информационную брошюру.

Клиника располагала пятьюстами кроватями и включала в себя более сотни отделений, в которых ежегодно проходило лечение восемь тысяч пациентов. Восемь тысяч! Глядя на план, Эвелин видела, насколько обширной была территория. Она уныло опустила плечи, потому что представляла себе все намного проще. Здесь она вряд ли получит какие либо сведения, тем более не в царившей сегодня утром спешке.

— Эй! Вы! — женщина в очках постучала карандашом по стеклу.

Эвелин подняла глаза.

— Можете взять брошюру себе, или скажите, что Вам нужно. Иначе... — Дама кивнула в сторону коридора.

Эвелин обернулась. Позади нее ждали еще две женщины. Не самый удачный момент, чтобы о чем-то попросить эту копию Наны Мускури [\[13\]](#).

Тем не менее, Эвелин попыталась.

— Десять лет назад сюда доставили десятилетнюю девочку. Я бы хотела поговорить с лечащим врачом, который был у нее тогда.

— Как его звали?

— Этого я к сожалению не знаю.

Эвелин заметила, как напряглось лицо у женщины за стеклом.

— Фамилия пациентки? — медленно спросила она.

— Я знаю только ее имя, но...

— Вы знаете только ее имя? — повторила женщина самодовольным тоном. — Предлагаю Вам прийти еще раз, когда будете знать больше — следующий, пожалуйста!

Эвелин наклонилась ниже, чтобы говорить прямо в отверстие.

— Послушайте, это важно. Я приехала издалека, чтобы...

— Я слышу это по Вашему акценту. Может у Вас в Австрии и дают сведения о пациенте по одному лишь имени, но здесь это невозможно. Следующий, пожалуйста!

Как можно быть такой упрямой? Эвелин даже и не думала отходить от окошка.

— Эту девочку доставили сюда десять лет назад, после того как она была сильно избита и изнасилована.

Дама не стала слушать, а демонстративно взяла телефонную трубку и набрала соседнее отделение.

— Ее зовут Лиза, тогда ей было десять и...

Женщина хотела что-то сказать в трубку, но внезапно остановилась. Она медленно положила трубку и посмотрела на Эвелин.

— Вы сказали Лиза?

Эвелин была озадачена не меньше женщины в окошке.

— Да, так ее звали.

— Лиза Гурдиев?

Эвелин приподняла плечи.

— Возможно.

Имитация Наны Мускури посмотрела на Эвелин странным взглядом, который та не

могла истолковать и указала на сиденье у стены.

— Подождите вон там. — Она снова взяла трубку.

Пока Эвелин, сидя на диване, без интереса пролистывала журналы по психологии, лежавшие на столе, время тянулось медленно, как в зале суда, когда она ждала объявления приговора. Кому звонила эта женщина? Постоянно приходили и уходили новые посетители, медперсонал или пациенты со своими сопровождающими. Здесь царил большее оживление, чем на Венском западном вокзале в разгар туристического сезона. Когда Эвелин уже начала думать, что дама в регистратуре ее забыла, в здание вошел мужчина в помятых брюках, темном пальто и пиджаке.

Лицо этого примерно пятидесятилетнего мужчины и его помятая рубашка указывали на то, что он, как и Эвелин, провел не менее ужасную ночь. Однако он не был похож ни на врача, ни на медбрата и даже не на посетителя. Он напрямик направился к информационному окну. Копия Наны Мускури увидела его и коротко кивнула в сторону углового дивана. У Эвелин учащеннее забилось сердце, когда мужчина молча повернулся, подошел и, рассматривая, встал перед ней.

— Доброе утро. Вы интересуетесь Лизой Гурдиев, — сказал он. — Могу я узнать, по какой причине?

У него были остро очерченные черты лица и коротко остриженные волосы с сединой на висках.

— Почему в клинике так много полиции?

Он надул щеки.

— Послушайте, Вам лучше ответить на мои вопросы...

- Судя по произношению, Вы не из этих мест, — заметила Эвелин.

— К счастью... Вы, кстати, тоже.

Он потер глаза, прогоняя сон.

— Я из Лейпцига, если Вам так интересно... И у меня была ужасная ночь, поэтому не усложняйте все еще больше.

— Моя ночь прошла тоже не лучшим образом.

— Хорошо. — Мужчина нервно потянул узел галстука. — Итак, еще раз: Почему вы интересуетесь Лизой Гурдиев?

— Не хотите ли для начала представиться?

Мужчина помедлил, рассматривая ее.

— Извините, Вы правы. Я ведь мог бы быть сбежавшим сумасшедшим. — Он снял с пояса кожаный футляр и раскрыл его. На значке было написано "Дежурная криминальная полиция". — Вальтер Пуласки, — представился мужчина.

Помятое лицо обрело имя. Он даже протянул ей свою визитку. На ней было написано: "Верховный комиссар криминальной полиции". Эвелин засунула карточку в карман джинсов, встала и протянула Пуласки руку.

Немного погодя она заметила, что за его суровым внешним видом и грубоватой манерой общения скрывался не такой уж закоренелый сыщик. В принципе, Пуласки был даже

веселым парнем, Эвелин заметила в его глазах некий сарказм, который проскальзывал в глазах Патрика.

— Эвелин Мейерс, — сказала она и дала ему свою визитку. — Судя по Вашему виду, Вам бы не помешал крепкий кофе. Могу я пригласить Вас на чашечку?

— Вау. — Пуласки слегка улыбнулся. — У меня еще никогда не было свидания с... — Он посмотрел на логотип. — Адвокатом. — Он достал из сумки экземпляр красочной листовки, которую Эвелин видела в окошке информации. Она была такой помятой, как будто Пуласки уже несколько дней находился на территории клиники.

— В последнее время я видел достаточно психиатрических клиник изнутри, но эта "побила" все остальные, — ворчал он, изучая план местности. — Все так запутано. Но где-то на этой территории есть кафетерия, где нам, надеюсь, никто не будет мешать.

Кофейня "Старая Вена" находилась в доме номер семнадцать, и полностью оправдывала свое название. В ней пахло свежим сваренным кофе, пончиками и яблочным штруделем. Из громкоговорителей рядом с витриной с тортами раздавались тихие звуки Венского вальса.

Пуласки провел Эвелин в нишу.

— Вообще-то здесь Вам должно быть уютно?

— Почти как дома. — "Он совершенно не имеет никакого понятия", — подумала Эвелин.

Стереотипы о Вене существовали во всем мире, и упорно поддерживались даже в самой Вене. Но с другой стороны, стулья и круглые, кованые столы в австро-венгерском стиле, действительно немного напоминали ей кофейни Рингштрассе.

В это время заведение почти пустовало. Немногие посетители сидели у окон, где могли наблюдать за сотрудниками полиции, снующими в парке.

После того как они заказали напитки, Пуласки снял пальто и вытащил из кармана пиджака спрей от астмы и пачку сигарет "Эрнтэ 23".

Эвелин непроизвольно приподняла брови.

— В чем дело? — спросил Пуласки.

— Убойная смесь, — прокомментировала она.

— Что Вы говорите. — Пуласки выудил сигарету из пачки и покрутил ее между большим и указательным пальцами. — Сочетается как огонь с бензином, по крайней мере, так утверждает моя дочь.

— Мне это не мешает, но если Вы сейчас ее закурите, медсестры нападут на Вас как стая гиен.

Ни на одном из столов не стояло пепельницы.

Пуласки посмотрел на стойку, за которой готовили их кофе.

— Вы правы, они смотрят сюда довольно злобно.

Вздыхнув, Пуласки убрал сигареты. Немного погодя принесли напитки. Вдохнув аромат черного кофе, Эвелин сдержанно зевнула.

— Мало спали? — спросил Пуласки.

— Совсем не спала, — поправила она его.

Он кивнул, как будто у него было также.

— Вообще-то я расследую это дело неофициально, я здесь в качестве... — он поморщился, — ... консультанта. Я в отпуске, однако, уже давно должен быть в своем лейпцигском бюро.

— Какое дело? — прервала его Эвелин.

Пуласки долго и внимательно смотрел на нее.

— Мы заключим сделку, — предложил он. — Вы расскажете мне, почему венский адвокат интересуется Лизой Гурдиев, а я расскажу Вам, почему я здесь.

— Выкладываете.

Пуласки помедлил.

— Нет, так не пойдет.

— Нет? Сделка была Вашей идеей, так что я уступаю Вам право говорить первым.

— Мы можем пойти другим, более жестким путем и продолжить общение в участке.

— В участке? — Эвелин знала, что он блефовал. — Охотно, в девятом районе города Вены. — Улыбаясь, она взяла сумочку и встала.

— Погодите, — вздохнул Пуласки. — Госпожа адвокат... Ну, хорошо, я расскажу Вам то, что могу рассказать об этом деле.

Почему нельзя было сделать это сразу? Эвелин снова села.

Когда он понизил голос и наклонился вперед, она заметила выглядывающий из под воротника ремень от плечевой кобуры.

— Все началось с самоубийства двадцатилетней Наташи Зоммер в психиатрической клинике Маркклеберг...

В следующие несколько минут Эвелин узнала об убийствах Наташи Зоммер, Мартина Хорнера, Себастиана Земмельшлегера и о попытке убийства Леси Прокопович, а также о том, что Пуласки преследовал седовласого мужчину в костюме, предполагаемого убийцу.

— Я еще не понимаю как все это связано между собой, но предполагаю, что Лиза тоже находится в опасности, — завершил он свой доклад.

Эвелин задумчиво смотрела в окно. Лиза в опасности? Какая ерунда! Скорее это она была "ангелом смерти", убивавшем одного за другим людей из списка Хокинсона. То, что рассказал лейпцигский следователь совершенно не совпадало с тем, что удалось выяснить ей.

— Боюсь, мы ведем разные дела, никак не связанные друг с другом, — в конце концов, сказала она.

— Давайте выясним это. Почему Вы здесь?

Эвелин упомянула загадочные несчастные случаи, над которыми работала ее контора, и рассказала как умерли детский врач Рудольф Кислингер, ее коллега Петер Холубек, член городского совета Хайнц Пранге, а также о том, как немецкий судовладелец Эдвард Хокинсон задушился шелковым шарфом, который запутался в заднем шасси его кабриолета.

Пуласки не делал никаких замечаний. Он слушал с непроницаемым видом, но по выражению его лица было видно, что он подмечал все, даже малейшие детали.

— Всех этих мужчин, которых уже нет в живых, связывало общее прошлое, — сказала Эвелин. После того как она упомянула о круизе на "Фридберге", в котором десять лет назад принимали участие мужчины, о шантаже, выплатах, поступавших на анонимный счет и, в конце концов, о брате Лизы и других детях, Пуласки сощурил глаза.

— И Вы действительно выяснили, что Лиза Гурдиев и ее брат Мануэль десять лет назад были на корабле? — прервал он ее.

Эвелин кивнула.

— Значит, детей было шестеро. Черт! — вырвалось у Пуласки. Он вскочил на ноги и начал ходить по комнате. — Путешествие на корабле, черт возьми! — он задумчиво закурил сигарету. — Что рассказал врач в Бремерхафене? — бормотал он, между двумя затяжками,

пытаясь вспомнить. — Во Франции и Греции тоже были брошенные дети, всегда вблизи побережья. Корабль! Об этом видимо никто не подумал. Пуласки засмеялся. — Полиция обыскала множество прибрежных деревень, но ничего не нашла. Не мудрено! От корабля уже давно и след простыл!

— О чем Вы говорите?

— Послушайте! — крикнула женщина за стойкой. — Здесь запрещено курить!

Пуласки проигнорировал ее. Он подошел к сидевшей за столом Эвелин и понизил голос.

— Лизу и других четверых детей нашли тогда накачанными наркотиками в разных прибрежных деревнях Северного моря. Это и были дети с того корабля. Сейчас, десять лет спустя, их по очереди убивают. Лиза и Леся единственные выжившие, которые могут дать показания о том, что тогда произошло. Но кто-то пытается помешать этому и замести следы. Поэтому я распорядился о том, чтобы Лиза была под охраной полиции.

— Под охраной полиции? — повторила Эвелин. У нее в голове все смешалось. — Вы ошибаетесь. Речь здесь совершенно о другом. Лиза — убийца.

— Здесь нельзя курить! — рявкнул голос.

Остальные гости смотрели уже не в окно, а на Эвелин и Пуласки.

— Это Вы ошибаетесь! — стоял на своем Пуласки. — Лиза не убийца. Напротив. Если бы мы своевременно не выделили ей охрану, она возможно стала бы жертвой под номером пять.

— Эй, Вы! — крикнула какая-то дама.

— Ладно, ладно! — Пуласки раздавил сигарету на блюде из под кофе. Он все еще стоял перед Эвелин и наклонился к ней. — Мы попытались допросить Лизу, — прошептал он. — Но в данный момент из нее ничего не вытянуть.

— Она здесь? — спросила Эвелин. — И Вы с ней разговаривали?

Пуласки кивнул, словно это было нечто само собой разумеющееся. У Эвелин замерло сердце. Но если она была здесь...?

Этот человек не знал, что делал.

— Вы даже не представляете насколько опасна эта девушка. — Эвелин огляделась. Посетители кофейни все еще поглядывали на них. Их дискуссия видимо была хоть каким-то разнообразием в серой, будничной жизни клиники.

Эвелин поспешно достала фотографию с камеры банкомата и положила ее на стол.

— Это она?

— Откуда у Вас эта фотография?

— Это она? — повторила Эвелин. Пуласки кивнул.

— А это? — Эвелин развернула фоторобот.

— Да! Черт возьми, откуда у Вас эти фотографии?

Значит, девушку действительно звали Лиза Гурдиев. В этот момент у Эвелин появилось ощущение, что она уже целую вечность разыскивала эту девушку в платье на бретельках. Эвелин наклонилась и тихо сказала:

— Фотография сделана около трех недель назад в центре Вены, а фоторобот несколько дней назад со слов владелицы бутика в Куксхафене.

Пуласки взял листы.

— Это невозможно.

— Возможно, — возразила Эвелин. — Эта девушка — коварная убийца. Ее видели в тех местах, где умерли Кислинггер, Пранге и Хокинсон.

— Не может она быть такой коварной. — Пуласки расслабил узел галстука. —
Пойдемте. — Он быстрым шагом направился к двери.

Эвелин последовала за ним.

— А платить кто будет? — крикнула женщина за стойкой.

— Да, да, вот! — Пуласки положил купюру на стол и вытолкнул Эвелин на улицу. Не успели они выйти, как он схватил спрей от астмы и вдохнул содержимое. При этом Пуласки так крепко держал бумаги, что у него побелели костяшки пальцев.

— Вы должны арестовать Лизу, — настаивала Эвелин.

— Вы ошибаетесь, — выдавил он из себя. — Эта девушка вот уже десять лет живет в закрытом психиатрическом отделении и за это время ни разу не покидала клинику.

Лиза лежала в корпусе номер 46, где находились молодые люди обоих полов в возрасте между восемнадцатью и тридцатью годами, на стыке между подростковой и взрослой психиатрией. Пуласки уже знал туда дорогу, потому что, как детектив объяснил Эвелин, он только что пришел оттуда, когда его настиг звонок из регистратуры.

Перед зданием стояли двое полицейских в штатском. Эвелин узнала их по грубым лицам, не характерным для клиники, и по выпирающим на уровне груди пальто. Это было очевидно, как в кино. Не удивительно, что по больнице поползли слухи.

Зайдя вслед за следователем в здание, Эвелин бросила взгляд на настенную доску с планом здания, обозначавшим запасные выходы. В здании располагалось примерно двадцать односпальных и двухспальных комнат, несколько терапевтических помещений и комнат отдыха, а также отдельная зона для психологов и социальных педагогов.

Когда они поднялись на верхний этаж, им навстречу вышла пожилая женщина в белом халате и с пучком седых волос. На ее груди болтались очки на цепочке.

— Это главный врач, — прошептал Пуласки Эвелин.

— Не хороший знак, да?

— Сейчас увидите.

Врач встала перед Пуласки.

— Опять Вы. А я думала, мой день начался, когда я избавилась от Вас.

Эвелин заметила, что Пуласки хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого, он прикинулся прирученным волком, который, тем не менее, мог в любую минуту укусить.

— Я вспомнил еще кое что, о чем бы хотел поговорить с Лизой.

Видимо мимо этого "серого кардинала" невозможно было пройти, не сделав дружелюбное лицо.

— Кого Вы привели на этот раз?

Врач бесцеремонно разглядывала Эвелин с головы до пят.

Если существовало предубеждение, что психиатры — это интроверты, страдающие неврозом навязчивых состояний, которым самим нужен психолог, то на эту даму оно не распространялось. Эвелин знала такого рода женщин. У нее был ледяной и расчетливый взгляд, и она ни секунды не будет ходить вокруг да около. Согласно табличке с именем на груди, перед ними стояла госпожа доктор Мелани Гесслер и, кажется, она была не в восторге от Пуласки.

— Эвелин Мейерс, — представилась Эвелин и протянула доктору руку. Однако та не отреагировала на жест, а вместо этого сжала костлявые пальцы в кулак и подбоченилась.

Пуласки мельком взглянул на Эвелин, как бы говоря: "А Вы ожидали чего-то другого от этого дракона?"

— Госпожа Мейерс моя коллега, — сказал он госпоже Гесслер. — Мы вместе работаем над этим делом.

Коллега? У Эвелин сердце ушло в пятки. О чем он говорил? Стоило ей открыть рот, как любой понял бы, что она знала о работе криминальной полиции столько же, сколько торговец подержанными автомобилями о защите интересов потребителей.

Лицо доктора Гесслера постепенно становилось еще более каменным, хотя это трудно было себе представить.

- Следователь гамбургской полиции сказал мне, что Вы находитесь здесь исключительно как советник, и я должна докладывать ему о каждом Вашем шаге.

— Так и сделайте, — ответил Пуласки. — Между тем, нам нужно еще раз поговорить с Лизой.

— У Вас уже было пять минут, больше я Вам не могу разрешить по медицинским показателям. Кроме того, Вы сами видели, что в данный момент пациентка не реагирует на речь.

— Мы только что получили новую информацию, способную пролить свет на прошлое Лизы.

Доктор Гесслер простонала.

— О боже, у Вас все так просто.

Она щелкнула пальцами.

— Мы работаем с ней десять лет, а потом приходите Вы и думаете, что за десять секунд сможете поставить здесь все с ног на голову. Мне кажется, Вы путаете наших пациентов с Вашими преступниками.

— Пять минут, — просил Пуласки. — Возможно, от этого разговора зависят человеческие жизни.

— Возможно? — повторила врач. — Единственная жизнь, о которой я волнуюсь, это жизнь Лизы. Сегодня она Вам уже достаточно посодействовала. Простите.

Эвелин заметила, как Пуласки напряг челюсть. Она бы уже давно потеряла самообладание и прошла мимо этой женщины, но Пуласки лишь сжал руку в кулак за спиной.

Врач уже хотела протиснуться мимо него, но Пуласки не сдвинулся с места. Вместо этого, он сунул доктору Гесслер под нос снимок с камеры банкомата.

— Вы узнаете Лизу? — спросил он. — Это фото было сделано почти три недели назад в центре Вены.

Доктор Гесслер критично рассматривала снимок.

— Случайное сходство.

— Девушка на снимке — Лиза Гурдиев, — возразил Пуласки. — Нам удалось кое-что выяснить о ее прошлом и проследить за ней от Вены до Куксхафена.

Эвелин затаила дыхание. Следователь ступил на тонкий лед. Теперь уже она сама не была уверена, что девушка на фото и пациентка клиники это одно и то же лицо.

Доктор Гесслер отдала Пуласки фотографию.

— Вена? Куксхафен? Это невозможно.

Пока Пуласки молчал, в разговор вступила Эвелин.

— Лиза должно быть нашла какой-то способ на несколько дней покинуть клинику. — Она повернулась к Пуласки. — Она узнала, что тогда происходило на борту, чтобы во время своих "прогулок"...

— Не было никаких "прогулок"! — прервала ее Гесслер. — Я ручаюсь за многочисленных психиатров, терапевтов и санитаров, которые когда либо работали с Лизой. За последние десять лет она покидала клинику только один раз и всегда под присмотром.

Пуласки помахал снимком, как будто это фото изобличало ее ложь.

— Значит в Вашем отделении серьезные проблемы с системой безопасности.

Это высказывание как угроза повисло в воздухе.

На мгновение выражение лица Гесслер стало еще более холодным.

— Вы намекаете на недавно сбежавших психически больных пациентов? Это было в госпитале Святого Николая в Райнберге, не здесь!

— Я ни на что не намекаю, — парировал Пуласки. — Но вы же знаете эти СМИ.

Выстрел в яблочко.

Гесслер подняла подбородок.

— Пять минут, и ни секунды дольше! А потом, чтобы духу вашего здесь не было.

Комната была размером с детскую, и обставлена соответствующе. Пахло мятным чаем. На стенах висели приклеенные на скотч рисунки цветными карандашами, на столе лежали стопки книжек с картинками, а на подоконнике сидел целый ряд мягких игрушек. Эвелин узнала в них Винни Пуха, кролика Роджера и мышиногo детектива Базиля. У каждой игрушки были присоски на лапах. Если бы Эвелин не знала чья это комната, то приняла бы ее за комнату десятилетней девочки. Однако рядом с книгой Отфрида Пройслера "Маленькая ведьма" лежал толстый справочник по психологии с закладкой посередине.

Лиза сидела скрестив ноги на кровати. У нее на коленях лежал потрепанный экземпляр кубика Рубика, голубую сторону которого она уже успела собрать. Одета в темно-синюю фланелевую пижаму, Лиза с апатией во взгляде смотрела на доктора Гесслер.

Затаив дыхание, Эвелин стояла у стены и рассматривала девушку, сидевшую напротив. Вне всяких сомнений, это была молодая девушка с фотографии и фоторобота. Та же фигура, те же волосы, то же узкое, бледное лицо. Даже взгляд, и тот был идентичным. Но среди всех этих игрушек она выглядела хрупким ребенком, а вовсе не той расчетливой и уверенной в себе девушкой в голубом платье на бретельках.

— Доброе утро, Лиза, — сказала врач. Ее голос звучал намного мягче, чем еще минуту назад. — К тебе опять гости. Они пробудут недолго. Ответь, пожалуйста, не торопясь, на вопросы, которые тебе задаст господин Пуласки.

Доктор Гесслер повернулась к следователю.

— У нее диссоциативное расстройство личности, — прошептала она ему. — Ее психика частично осталась на уровне десятилетнего ребенка. Но другая часть ее психики делает ее энергичной и сильной. Лиза может быть сильной личностью. Но из-за Вас она так разволновалась, что нам пришлось успокаивать ее двумя миллиграммами "Халдола". У Вас пять минут. — Она прислонилась к подоконнику и посмотрела на настенные часы.

— Я могу присесть?

Не дожидаясь ответа, Пуласки сел на кровать.

Лиза этого даже не заметила и продолжила собирать кубик.

— Лиза, с недавних пор мы знаем, что у тебя был брат.

Лиза продолжала крутить кубик.

— Ты еще помнишь Мануэля?

Она вдруг остановилась и медленно подняв глаза, посмотрела на следователя.

— Мы также знаем, что вы вместе были на корабле.

Лиза поджала губы и наморщила лоб.

Эвелин заметила, что доктор Гесслер занервничала. Она наблюдала за каждым

движением девушки, но пока ничего не предпринимала.

— Я обещаю тебе, что мы найдем тех мужчин, которые сделали это с тобой и твоим братом.

Теперь Лиза внимательно слушала Пуласки. Кубик выпал у нее из рук. Она смотрела на следователя ясными глазами.

— Я недавно виделся с Лесей. Она была с тобой на корабле, не так ли?

Лиза открыла рот. Хотела что-то сказать сухими губами.

Пуласки тоже одновременно вопросительно и подбадривающе смотрел на нее.

— Какой корабль? — прошептала она.

— Какой...? — удивленно повторил Пуласки. Он посмотрел на Эвелин просящим взглядом.

Мысли в голове у Эвелин сменяли одна другую. Могла ли девушка симулировать? Она ведь должна что-то знать о корабле! С другой стороны, ее вопросительный взгляд выглядел настолько естественно, как будто Лиза действительно ничего не знала о круизе.

— Какой корабль?

На этот раз вопрос Пуласки предназначался Эвелин.

Она обратилась к Лизе.

— Судно вышло из Бремерхафена. Яхта принадлежала некоему Эдварду Хокинсону.

На лице Лизы никакой реакции.

— На борту находились Хайнц Пранге, Рудольф Кислингер, Петер Холобек...

При мысли о шефе у нее подступил ком к горлу, однако она перечислила и другие имена, которые уже знала наизусть. Но ни одно из этих имен не вызывало у Лизы никаких воспоминаний.

— Капитан корабля приносил вам еду в кабины, — продолжила Эвелин. Краем глаза она заметила, как доктор Гесслер начала нервничать. Она наморщила лоб, видимо впервые услышав эту версию произошедшего. Медленно опустив руку в карман халата, врач вытащила шприц.

— Дальше, — прошептал Пуласки.

— У капитана была татуировка на руке. Его звали Пауль Смолле...

У Лизы расширились глаза и участилось дыхание.

— Прекратите, — прервала их врач. — Достаточно.

На всякий случай она убрала защитную пленку с иглы.

— Корабль назывался "Фридберг", — добавил Пуласки.

Вдруг Лиза начала кричать, бросилась на Пуласки и поцарапала ему руку. Кубик полетел на пол. Пока Пуласки держал ее за руки, пытаясь успокоить, подбежала доктор Гесслер и ввела Лизе успокоительное. Лиза сразу же разжала пальцы, опустилась на подушку и уставилась в потолок, а ее дыхание стало более спокойным.

Врач потрогала лоб девушки и пощупала пульс.

— Покиньте комнату... сейчас же! — сказала она, не глядя на них.

Пуласки и Эвелин ждали в коридоре, отпустив на некоторое время полицейского, дежурившего у двери.

— Почему Вы мне помогаете? — спросила Эвелин.

— Хороший вопрос. — Пуласки смотрел в конец коридора. — С одной стороны, мы имеем убийства подвергавшихся истязаниям детей, с другой эту странную серию несчастных случаев с бывшими пассажирами, о которой Вы мне рассказали. Наши дела связывает этот

круиз на яхте. Но в данный момент мое расследование зашло в тупик. — Он посмотрел на Эвелин. — Мой единственный шанс поймать седого убийцу, это продолжать идти по Вашему следу.

Эвелин кивнула. То, о чем говорил этот мужчина, звучало убедительно.

Несколько минут спустя из палаты вышла доктор Гесслер. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

— Вы с ума сошли? — напала она на Пуласки и Эвелин. — Я думала, вы хотели спросить ее о фотографии, на которой она якобы находится в Вене. А вместо этого, своими вопросами Вы чуть не уничтожили результаты многолетней терапии. Вы хоть представляете, сколько потребовалось сеансов, чтобы Лиза осознала, что с ней тогда случилось?

Эвелин прикусила губу. Расспрашивая Лизу, они не продвинулись ни на шаг, напротив, все что им удалось сделать, это привести в бешенство главного врача. Но Эвелин не хотела так легко сдаваться.

— У Вас есть видео этих сеансов?

Терапевтическое отделение было таким большим, что посреди комнаты нашлось место для круглого стола с семью стульями. У стен стояли полки с книгами, телевизор и доска с мелом. В детском уголке лежали кубики и большой, желтый резиновый мяч, на котором можно было прыгать. Пуласки опустил жалюзи на широком окне и закрыл их, так что лучи обеденного солнца едва освещали помещение.

После короткого разговора с главным врачом, к Эвелин и Пуласки присоединился сотрудник гамбургской криминальной полиции.

— Его не интересуют видеопленки, — прошептал Пуласки Эвелин, — он просто хочет проследить за нами.

Эвелин даже не знала, как звали этого гамбургского полицейского. Молодой человек лет тридцати с небольшим — "протирагель штанов", как выразился Пуласки — сел в углу и с важным видом что-то записал в блокнот.

Конечно же, им не предоставили видеозаписи с индивидуальными занятиями Лизы с ее психотерапевтом. Пуласки подробно поговорил с доктором Гесслер об обязанности хранить врачебную тайну, но врач была непоколебима. Однако она, по крайней мере, разрешила им посмотреть видеозаписи с утренних групповых занятий. Они проводились по понедельникам, когда приходил социальный работник и разговаривал с пациентами отделения номер 46 о том, как у них были дела и нуждались ли они в чем-либо.

Видео последних двух лет включали в себя 93 занятия по тридцать минут, которые снимались на установленную на штатив камеру, чтобы психотерапевты впоследствии смогли посмотреть записи. Доктор Гесслер выделила им девяносто минут. После чего в помещении якобы должно было начаться занятие, но Эвелин сомневалась в этом. Гесслер хоть и шла на компромисс, в конце концов, она не хотела чтобы в СМИ разразился скандал о недостаточном обеспечении безопасности в ее отделении, но с другой стороны она хотела как можно быстрее выпроводить Эвелин и Пуласки из клиники.

Мельком взглянув на часы, Пуласки начал с самых старых видеозаписей, наугад выбрал

одну из них и пультом прокрутил до того места, где Лиза открыла рот, что было довольно редкое явление.

После просмотра первых видео, Эвелин поняла, почему доктор Гесслер так охотно предоставила им видеозаписи. В общем и целом, материал не содержал ничего важного и полезного для них. Все сцены были похожи друг на друга. Лиза рассказывала о том, как она спала, что ей снилось, что она делала в течение недели, что ее особенно радовало и огорчало. На ней были надеты то тапочки с голубой фланелевой пижамой, то платье в желтый горошек, иногда серый спортивный костюм с завязками и капюшоном. Всего Эвелин увидела трех социальных работников женского пола, которые все как одна говорили одинаковым мягким, усыпляющим голосом, как будто им кто-то внушил, что в присутствии психически больных пациентов ни в коем случае нельзя говорить громко.

В приглушенном свете терапевтического помещения, Эвелин не могла сдержать зевоту. Сказывалось напряжение и тяготы последней ночи. Но в один прекрасный момент, она резко взбодрилась. В одной из сцен на видео обстановка накалилась. Летом прошлого года во время занятий у Лизы случился припадок. Прямо посреди предложения у нее сменились тон и выражение лица. Голос вдруг зазвучал глубже и взрослее. Она что-то вспомнила, и Эвелин слишком хорошо знала, что.

— Помещение узкое. Я голодная, но они почти не дают еды. Пить можно только теплую воду. Меня тошнит от одного только взгляда на кувшин. По ночам я слышу грохот рядом со стеной и не могу спать. А если все-таки засыпаю, то вижу один и тот же сон.

Эвелин уставилась на монитор. На заднем плане можно было разглядеть, как социальный работник вскочила и выбежала из комнаты. В это время Лиза продолжала говорить, как будто находилась одна в комнате.

— Они забирают наверх Мануэля. Промежутки становятся все короче. Каждый раз, возвратившись назад, он рыдает навзрыд. Но однажды прекращает плакать. Он больше ничего не помнит и неподвижным взглядом смотрит в одну точку. И самое страшное: он перестает со мной разговаривать.

Тем временем социальный работник вернулась в сопровождении врача.

Лиза говорила пылко и громко.

— Почему ты со мной больше не разговариваешь? Что с тобой случилось? Что они с тобой сделали?

Врач подошел к Лизе и хотел сделать ей укол, однако она резким движением отбросила его руку.

— Почему они сделали это с тобой? — кричала она. Волосы беспорядочно упали ей на лоб, а лицо было искажено яростью.

Соцработник держала Лизу сзади, чтобы врач наконец смог сделать укол.

— Что они с тобой сделали?

... она знала, что с ней сотворили. Ее крики и мужской голос не оставляли сомнений. Она слышала. Он сделал с ее сестрой тоже самое, что и с Лизой. Однако Сандра была на два года младше и еще не понимала, чего от нее хотел мужчина. Не по этой ли причине он приходил к Сандре чаще, чем к ней?

Если бы только удалось отлепить скотч ото рта! Она могла бы позвать Сандру, сказать ей, что находится рядом и вместе они со всем справятся. Что ей просто нужно закрыть глаза, когда он опять придет к ней и все будет хорошо... Но хорошо не стало. Она лежала с кляпом во рту на полу посреди подвала, привязанная к железному кольцу. Она даже не могла

дотянуться до стены, чтобы подать ей знак стуком. Да и что было бы, если бы ей это удалось? Мужчина угрожал убить Сандру, если она попытается сопротивляться или освободиться.

Закончив с Сандрой, он пришел к ней. На этот раз только для того, чтобы проверить наручники и клейкую ленту, которой был залеплен рот. Так он делал каждую ночь, прежде чем уехать на своем автофургоне. Несколько минут спустя она услышала тарахтение мотора. Едва свет фар перестал освещать ее окошко, она начала тереть веревку, которой были связаны ее запястья. Она была продета через железное кольцо и исчезала где-то наверху в темноте. Железное кольцо выступало из металлической пластины с острыми краями. Ее руки кровили, но она непрерывно продолжала тереть веревку об острый край.

Она вновь и вновь вспоминала его угрозу, если он поймает ее за попыткой к бегству. Нужно было торопиться и она еще сильнее терла запястье о пластину, потому что иногда он возвращался посреди ночи.

Тем временем жалобное хныканье ее сестры в соседнем помещении прекратилось. Прошло, должно быть, несколько часов и веревка, наконец, порвалась. У нее болели плечи, но она сразу же дрожащими руками сорвала клейкую ленту со рта, при этом ее стошнило от запаха крови на собственных пальцах.

В сумеречном свете она пробралась к двери, ручка которой предательски скрипнула. Закрыто. На всякий случай затаив дыхание, она прислушалась. Ничего. Она пробралась к стене, за которой была комната Сандры.

Она постучала по каменной стене, звук был глухим.

— Сандра? — прошептала она.

Ответа не было. Наверняка он ей тоже заклеил рот и связал руки за спиной.

Она на ощупь пробралась в другой конец помещения, где через узкое окошко в помещение падал свет. Решетки не было. Если сложить друг на друга несколько деревянных поддонов, то она смогла бы достать до окна. У него была ручка, и если повезет, ей удастся протиснуться в отверстие. Она выглянула наружу. Света от фар не было. Нужно было торопиться. Хоть бы он не вернулся именно этой ночью.

Она даже не ожидала, что у нее еще остались силы, чтобы подтянуться к окну. Но каким-то образом у нее это получилось без того, чтобы столкнуть деревянные поддоны. Стерев локти о каменную стену, она забралась наверх, с трудом вылезла верхней частью тела наружу и погрузила руки в землю. Как чудесно пахла земля в лесу! Окончательно протиснувшись в окошко, она прокралась вдоль стены, села в траву перед следующим подвальным окном и начала искать камень. Когда камень, наконец, нашелся, она бросила его в стекло. И лишь после четвертого или пятого удара окошко треснуло. Она торопливо продолжала бросать камень, пока полностью не разбила его.

Она осторожно наклонилась в помещение.

— Я тебя вытащу, — крикнула она в темноту.

Пока она на ощупь искала с внутренней стороны ручку оконной рамы, лес осветили фары автомобиля. Она застыла на месте, и в ту же секунду услышала звук мотора. В памяти снова всплыли слова мужчины. Он убьет ее сестру, если она сбежит. Он лгал. Она знала, что он лгал. Он должен был лгать, чтобы сломать ее волю и иметь над ней контроль. Залезть обратно в помещение? Нет. Она должна бежать! Как только он заметит, что ее нет, у него начнется паника и он будет искать ее. Это было словно состязание. Ее состязание! Она внушила себе, что должна победить его, чтобы спасти Сандру; и у нее есть только один

шанс.

Оцепенение прошло.

— Я должна уйти, — прошептала она. — Но я тебя вытащу. Доверься мне.

С обратной стороны дома уже донесся скрип колес. Она встала, оставила свою сестру наедине с монстром и побежала прочь. Хижина стояла где-то в лесу. Она бежала через кусты, запиналась о корни деревьев, перебегала от одного дерева к другому, пока в свете луны не увидела тропинку, по которой и побежала дальше.

"Он лгал, он лгал", — вновь и вновь говорила она себе. Бормотала это как молитву, в то время как ветви деревьев царапали ей лицо.

На рассвете она увидела дома. Местность была ей знакома. Этот населенный пункт располагался недалеко от ее дома. Полузамерзшая, голодная, грязная и с дрожащими коленками, она стучала в чью-то дверь, пока ей, наконец, не открыли. Что было потом она помнила плохо. Чашка горячего чая, теплое одеяло, полицейские, которые опрашивали ее, и которым она описывала охотничью сторожку и автофургон. Ей казалось, что прошли недели, но на самом деле полицейские нашли хижину за несколько часов. Она плохо помнила подробности — но одно знала точно: мужчина не солгал.

— Эвелин? Эвелин? — она испуганно вздрогнула.

Рука Пуласки лежала на ее плече.

— Вы задремали.

Он уже снял галстук и пиджак, расстегнул первую пуговицу рубашки. Пятна пота под мышками не смущали ее, но зато смущало его оружие в плечевой кобуре.

— Как Вы?

— Спасибо. — Эвелин огляделась. Полицейский из Гамбурга все еще сидел в дальнем углу и что-то писал. Пуласки остановил пленку. На экране телевизора мерцал неподвижный кадр.

— Надолго я отключилась? — спросила она хриплым голосом.

Пуласки протянул ей стакан воды.

— Минут на двадцать. Вам приснился кошмар. Что-то ужасное?

— Не стоит об этом. — Она выпрямилась. — Вы что-нибудь обнаружили?

— Боюсь, у меня не хорошие новости.

— Было бы слишком хорошо, если бы были хорошие новости. — Она протерла глаза и сделала глоток.

- Если цифры на фото верны, — Пуласки помахал снимком с камеры банкомата, — фотография была сделана в воскресенье ночью, тридцать первого августа.

— Дата и время соответствуют действительности, — сказала Эвелин. В ту ночь Рудольф Кислингер упал в канализационный колодец и утонул.

— Якобы Лиза в ту ночь была в Вене. Но видео, датируемое утром понедельника, первого сентября, доказывает, — Пуласки протянул ей одну из видеопленок, — что Лиза принимала участие в групповом занятии в Гамбурге. Она никак не смогла бы преодолеть на машине дистанцию в почти тысячу километров за такое короткое время.

— На самолете?

— После полуночи нет рейсов из Вены в Гамбург.

Эвелин внимательно посмотрела на фотографию молодой девушки в голубом платье на тонких бретельках. Кто же ты? Фоторобот из Куксхафена и фотография этой девушки были идентичны. Пауль Смолле опознал ее как свою гостью, и она даже назвала ему свое имя:

Лиза. От всего этого можно было сойти с ума.

Эвелин свернула фотографию.

- Значит, я охочусь на призрака?

— Не обязательно. — Пуласки улыбнулся. — Я случайно обнаружил в видеозаписях кое что интересное.

Пуласки перебрал кассеты, которые пометил стикерами, и вложил одну в видеомэгнитофон.

— Это одна из старых записей, датируемая летом 2006 года. Поначалу я не обратил внимания на эту молодую девушку. — Он остановился рядом с телевизором и показал пальцем на ничем не примечательную девушку, сидевшую на расстоянии трех стульев от Лизы.

— Это Сибил, — сказал он. — Предположительно, она на год или на два старше Лизы. Обратите внимание на ее голос. Сейчас она заговорит...

Немного погодя, Сибил заговорила.

— У нее австрийский акцент, — определила Эвелин.

— Исходя из того, что мне удалось расслышать на кассетах, она родом из Вены. Беспризорница, выросшая в Пратере [\[14\]](#) без родителей, среди воров и сутенеров. Как и многие другие пациенты этой клиники она подвергалась насилию, когда была ребенком. Каким-то образом ей удалось пробиться в жизни и подростком переехать в Германию.

Эвелин подумала о Пратере, сахарной вате, горках, колесе обозрения и пещере ужасов с зеленым монстром, куда она часто ходила с родителями, когда была маленькой.

— Почему Вы мне об этом рассказываете?

— Посмотрите, что произошло полгода спустя. — Пуласки сменил кассету. На этот раз Сибил сидела рядом с Лизой.

— Она отрастила волосы.

— Не только, обратите внимание на ее акцент.

Эвелин наклонилась вперед. Качество звука было плохим, но не смотря на треск, нельзя было не услышать немецкое произношение Сибил.

— Она переняла северо-немецкий акцент Лизы.

— Слушайте внимательно. Она даже имитирует ее манеру говорить и ударение.

Эвелин почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Даже как-то жутковато.

Скрип откуда-то сзади заставил ее вздрогнуть. Это сотрудник гамбургской криминальной полиции поднялся со стула и демонстративно посмотрел на наручные часы.

— Так, ваши полтора часа истекли.

Пуласки поднял руку.

— Еще немного.

— Я сказал, ваше время истекло.

— Да, черт возьми, еще только одна кассета. — Пуласки поменял кассеты, продолжая объяснять Эвелин. — Очевидно в этой части клиники не так уж много тех, кто дружит друг с другом. Однако Сибил подружилась с Лизой. Исходя из наблюдений социальных работников, Сибил креативна, обладает уровнем интеллекта выше среднего и выдающимся организаторским талантом.

Полицейский встал рядом с Пуласки.

— Ну, так что?

— Еще одно видео, согласен? И на этом закончим, приятель. — Пуласки даже не стал ждать ответа и нажал на пульт видеомэгнитофона.

На экране появилось еще одно групповое занятие.

— Это видео сделано весной этого года, — прокомментировал Пуласки.

Ему не пришлось дальше объяснять. Эвелин увидела все с первого взгляда. Сибил была одета так же как Лиза, в джинсы и бежевую вязаную кофту. Рукава закатаны до локтя. Обе девушки носили на левом запястье браслеты в знак дружбы, и сидели одинаково закинув ногу на ногу. Они были так похожи, что их можно было перепутать. Сибил что-то сказала. Всего несколько слов с грубым, северным акцентом — и Эвелин показалось, что она уже когда-то слышала этот голос.

— Прокрутите назад! — настояла она. — Мне кажется, я знаю...

Вдруг на мониторе появилась вспышка и в следующую секунду экран потемнел. Видеомэгафон щелкнул и жужжание кассеты прекратилось.

Гамбургский полицейский стоял с кабелем в руке рядом с розеткой.

— Так, Зигмунд Фрейд. Шоу закончилось.

— Эй, что за черт... — Большого Пуласки сказать не смог.

В этот момент открылась дверь и в комнату вошла доктор Гесслер в сопровождении двух санитаров.

— Ваше время истекло. Прошу на выход. — Она указала на дверь.

Эвелин почувствовала, как у нее все сжалось внутри. Эти люди упорно думали только о графиках.

— Я бы хотел уладить еще одно дело... — сказал Пуласки.

— Охотно верю, — прервала его врач. — А именно, вы хотите как можно скорее отправиться в кафетерий и оплатить Ваш счет до конца. Вы заплатили слишком мало! — она бросила на него гневный взгляд.

— Ох уж эти крохоборы, — пробормотал Пуласки и уставился на нее, как будто не понимал, о чем она только что сказала.

— Я оплачу остаток, — вмешалась Эвелин. — Без проблем, Вы предельно ясно обозначили Ваши приоритеты.

Доктор Гесслер пропустила мимо ушей подкол Эвелин.

— Прекрасно, значит это дело улажено. — Она снова обратилась к Пуласки. — Сегодня утром Вы поставили с ног на голову полбольницы, так что я рада, наконец, избавиться от Вас и других полицейских.

— Я бы хотел поговорить с одной из пациенток.

— Конечно. Еще что-нибудь? — врач рассмеялась. — Кладешь Вам палец в рот, а Вы...? — она покачала головой. — Я поговорила по телефону с Вашим начальником в Лейпциге. Во-первых, Вы скрыли от меня, что со вчерашнего дня находитесь в отпуске, во-вторых, в Вашем участке не знают коллегу по имени Эвелин Мейерс. Интересно, что сказала бы пресса по поводу этого происшествия?

Эвелин затаила дыхание. Все вскрылось. Будучи юристом, она знала, какие последствия вызовут их действия. Тем более, что она сама была в отпуске и официально не работала над делом.

Однако Пуласки не отреагировал на обвинения.

— Я бы хотел переброситься парой слов с Сибил.

— Сибил? — врач покачала головой. — Не получится. Я достаточно долго терпела Ваше присутствие. Эти два господина проводят Вас наружу. До свидания.

Пуласки повесил галстук на шею, взял пиджак и пальто и, не прощаясь, проследовал за

санитарами в белых халатах. Наверняка внутри у него все кипело. По крайней мере Эвелин чувствовала себя так, и он должно быть тоже испытывал схожие чувства. В данный момент у нее создалось впечатление, что они вместе с Пуласки боролись с ветряными мельницами бюрократии. Эвелин вдруг стало смешно.

— Почему Вы смеетесь? — пробурчал Пуласки, спускаясь вниз по лестнице к выходу.

— Я вдруг подумала о Дон Кихоте.

— О ком? Вы имеете в виду это старого тощего из...? — он подумал некоторое время. — Мне бы Вашего чувства юмора.

— Я бы не стала упрекать Вас в том, что Вы утратили свое чувство юмора за прошедшие годы.

Он кивнул.

— Эта неделя еще хуже, чем обычно. Видите ли, я уже четыре дня общаюсь с врачами и психиатрами. По сравнению с ними, бюрократы из министерства внутренних дел просто хиппи.

— Вы явно не в восторге.

— Не в восторге? — повторил он. — Меня уже тошнит от одного упоминания о врачебной тайне.

Эвелин покосилась на санитаров, которые шли впереди них. Очевидно Пуласки было все равно, что они о нем подумают.

Когда они остановились перед зданием, один из санитаров показал на выход.

— Кафетерий вон там.

— Спасибо, я знаю! — прошипел Пуласки.

Санитар исчез, не попрощавшись.

Пуласки зажег сигарету. Второй санитар, молодой, анорексичного вида парень с прыщавым лицом, похожий скорее на студента, остановился и так же сунул в рот сигарету. Уже глядя на то, как он прикуривал от зажигалки, Эвелин поняла, что курил он не часто. При этом парень оглядывался, как будто хотел посмотреть проследовал ли кто-нибудь за ними к выходу.

Вдруг он обратился к Пуласки.

— Вы хотите поговорить с Сибил?

— Вы знакомы с этой девушкой?

Он огляделся, после чего понизил голос.

— Я часто имел с ней дело.

Пуласки улыбнулся.

— Вы можете говорить нормально, мы же здесь не на черном рынке. — Он закашлял и раздавил сигарету в большой, каменной пепельнице рядом с входом. — Вы заметили, что Сибил с годами стала все больше идентифицировать себя с Лизой?

— Интересное наблюдение, — все еще тихим голосом заметил парень. — Одной из лучших стратегий преодоления для собственной психогигиены является тесная связь с семьей или подругой. Ну, семей здесь нет. Но я заметил, что Сибил переняла, прежде всего, агрессивный потенциал Лизы.

— Кто Вы, черт побери? Си. Джи. Юнг^[15]

— Марти, прохожу альтернативную службу. — На мгновение он стыдливо опустил вниз глаза.

— Извини, — проворчал Пуласки.

— Да ладно, я уже привык, что надо мной насмеваются. — Парень снова затянулся, и тут же закашлялся.

— Марти, Вы должны прекратить с этим делом, — предложил Пуласки.

— Вы же тоже курите!

— Я только что бросил. — Пуласки провел рукой по подбородку, не понимая как относиться к этому парню.

Эвелин считала, что он заслуживает доверия.

— Насколько хорошо Вы знаете Сибил? — подключилась она к их разговору.

— Она меня очаровывала. — Парень улыбнулся. — У нее была феноменальная память и ярко выраженная креативность. Это необходимые условия для выживания в экстремальных ситуациях.

Парень говорил так, как будто знал наизусть ее медицинскую карту. Но что еще больше смутило Эвелин, так это то, что он говорил о Сибил в прошедшем времени.

— Где нам ее найти? — спросила Эвелин.

— Здесь ее уже нет. — Парень, улыбаясь, раздавил сигарету в пепельницу. — Четыре месяца назад она переехала в общежитие в Киль.

Около половины второго Эвелин сидела в кафетерии за поздним обедом, где оплатила остаток суммы, оставшийся с утра.

Пока она ела омлет с тостом и пила крепкий кофе, Пуласки разговаривал по телефону возле кафетерия. Он одолжил у нее сотовый, так как у него села батарейка. Разговор длился уже довольно долго, она видела в окно, как он ходил взад вперед с кислым лицом. Через некоторое время он зашел в кофейню и сел к ней за столик. Его галстук все еще был развязан и просто висел на шее.

— Несколько дней назад я познакомился с женщиной — психотерапевтом, которая работает в Маркклеберге, — рассказал он. — Она занималась Наташей и также, как и я заинтересована в том, чтобы убийцу подростков поймали. Я только что разговаривал с ней. Она помогает мне в расследовании.

— Как ее зовут?

Он посмотрел в окно.

— Соня Вилльхальм... Она бывшая жена прокурора, который занимался этим делом.

Эвелин насторожилась. Одно то, как он подчеркнул ее имя и пренебрежительно высказался о ее бывшем муже, говорило о многом.

— Это прозвучало так, как будто Вы...? — в то же мгновение взгляд Эвелин упал на его обручальное кольцо и ее бросило в жар. — Простите.

— Все в порядке. Это не то, что Вы думаете. Я — вдовец.

— Простите, — повторила она.

— Не нужно извиняться, это было давно. — Пуласки задумчиво крутил кольцо на пальце. — Вы замужем? — она покачала головой. — Но в Вашей жизни есть мужчина? — предположил он.

Эвелин непроизвольно подумала о Патрике. С тех пор как она на рассвете уехала на

автомобильном поезде с Зюльта, они больше не разговаривали по телефону. Наверное, он лежал, напившись таблеток, на диване и спал. В противном случае, он уже дал бы о себе знать.

— Нет, вообще-то у меня никого нет.

— И как зовут этого "никого"? — спросил Пуласки.

Вот хитрюга! Она улыбнулась.

— Патрик.

— Думаю, Патрику повезло, что он знаком с такой девушкой, как Вы.

Эвелин было неприятно говорить об этом, тем более, что между ней и Патриком никогда ничего не было, но, в конце концов, она сама затронула эту тему.

— И что выяснила Ваша знакомая?

Пуласки вернулся к предыдущей теме.

— Она знает кое-кого в Киле, из местной терапевтической группы совместно проживающих женщин с травмированной психикой. И теперь пытается выяснить, поселилась ли у них четыре месяца назад пациентка по имени Сибил, после чего перезвонит мне. — Он пододвинул ее сотовый на середину стола. — Я хочу сначала поговорить с ней, прежде чем отправиться туда. Как никак, до Киля сто километров.

Некоторое время они ждали, не говоря ни слова. В конце концов, Пуласки нарушил молчание.

— Когда мы были в комнате у Лизы, Вы перечислили ряд фамилий... Кислингер, Пранге, Холубек, Пеллинг, Хансон и так далее. Я предполагаю, что это были участники круиза. Откуда Вам известны эти фамилии?

Эвелин помедлила, прислушалась к себе, но внутри не возникло "горячего" щекотания. Интуиция подсказывала ей, что Пуласки можно было доверять. Ведь он так же как она хотел быстро раскрыть дело и даже пожертвовал для этого днем своего отпуска. При этом, являясь отцом-одиночкой у него наверняка были другие заботы.

— Я была на вилле судовладельца, где нашла этот список. — Она вытащила из сумочки лист бумаги, развернула его и пододвинула Пуласки через стол.

Он внимательно прочитал его.

— Нашла? Вот так просто?

— Я его украла.

— Понятно, я ничего не имею против. Одно имя вычеркнуто, — заметил он.

— На данный момент все эти мужчины, кроме одного, мертвы. Большинство из них за последние два месяца стали жертвами несчастного случая.

— Вы исходите из того, что эти мужчины были убиты?

Эвелин кивнула.

— Очевидно их убивала Сибил. По другому я себе этого не могу объяснить. Ко всему прочему их всех шантажировали, каждые три месяца деньги переводились на один и тот же анонимный счет в гамбургском народном банке. Возможно смерть Мануэля была своего рода способом давления.

Пуласки раздумывал над ее словами. Погрузившись в мысли, он крутил меж пальцев сигарету, не зажигая ее.

— Тем самым, Сибил остается нашей единственной зацепкой.

Как раз в этот момент зазвонил телефон. На дисплее высветился номер с немецким кодом.

— Это Соня Вилльхальм. — Пуласки приложил телефон к уху. — Минутку, — сказал он через некоторое время. — Я включу громкую связь, чтобы Эвелин Мейерс тоже могла слышать.

Он положил телефон на стол и они склонились над ним.

— Здравствуйте госпожа Мейер, здравствуйте господин Пуласки, надеюсь моя информация вам поможет.

Эвелин почувствовал симпатию к ее голосу. Приятно было слышать, что они были не одни в этой ситуации.

— Мне удалось узнать фамилию Сибил, — сообщила Вилльхальм. — Ее зовут Воска, Сибил Воска. Ей двадцать один год и она сама решила прервать свое длительное лечение и переехать в общежитие в Киль. Терапевтическое сопровождение группы, с которой она проживает, способствует развитию личности, но не заменяет амбулаторную психотерапию.

— Проживая в этой группе, у нее была возможность совершать поездки за границу? — спросила Эвелин.

Вилльхальм сделала паузу, прежде чем ответить.

— Мне кажется интересным, что Вы затрагиваете именно этот пункт.

Пуласки вопросительно посмотрел на Эвелин.

— Почему?

— Потому что Сибил три месяца назад сбежала, не взяв с собой ничего, кроме платьев и ста евро из общей кассы. С тех пор ее не могут найти.

Спустя четверть часа они все еще сидели в кофейне. Эвелин предложила заказать для Пуласки вегетарианский омлет, но он отказался. Видимо у него совсем пропал аппетит.

Он задумчиво крутил сигарету меж пальцев.

— Следы Сибил полностью затерялись.

— По крайней мере Вам не пришлось ехать за сто километров.

— Слабое утешение. Сибил может быть где угодно. Как Вы думаете, она считает себя Лизой и отождествляет себя с ней?

— Возможно. — Эвелин пожала плечами. — Если да, то у нее должна быть развита острая жажда справедливости, чтобы вместо Лизы мстить за смерть ее брата.

— Которого она даже не знала, — закончил за нее Пуласки. — Чистая месть, или за этим кроется нечто большее? — он показал на список Хокинсона. — Вы сказали, один из этих мужчин еще жив. Кто?

— Патрик мне этого не сказал.

— Мы сможем добиться от него ответа?

— Никаких шансов.

— Черт. — Пуласки уставился на список. — Обобщим, все что нам известно. Четыре месяца назад Сибил перевели в общежитие, через месяц она оттуда сбежала, а вскоре после этого началась серия убийств. Мы знаем о Сибил, что она умная, досконально планирует преступления, маскируя их под несчастные случаи и с высокой долей вероятности действует систематически. Когда и где, по Вашему мнению, она совершала нападения?

Эвелин закрыла глаза и помассировала виски.

— Все началось с того, что немногим более двух месяцев назад она посетила Пауля Смолле в его жилом вагончике на Зюльте. Он был капитаном "Фридберга". От него она узнала, что за этим круизом стоял Эдвард Хокинсон.

— Этого Смолле она тоже убила?

— Он не трогал детей. Она оставила его в живых, но вчера ночью, когда я была у него, он совершил самоубийство.

Пуласки с грустью посмотрел на нее.

— Должно быть, это было ужасно для Вас.

— Поэтому сегодня мне нужно будет поехать во Фленсбург, чтобы дать показания.

— Это может подождать. Коллеги не так быстро расследуют самоубийства. Рассказывайте дальше!

Эвелин подумала о Сибил. И вдруг у нее по спине пробежал холодок. Она выпрямилась. В один момент в ее голове выстроилась вся логическая цепочка.

— Точно! После этого Сибил поехала в Куксхафен, на виллу Хокинсона. Я разговаривала с его дочерью. Она рассказала, что примерно два месяца назад в их дом кто-то проник и украл все семейные драгоценности.

— Хитрая чертовка, — прокомментировал Пуласки.

— Деньгами, вырученными от продажи драгоценностей, она предположительно и оплачивала поездки по Германии и Австрии.

— Пара пустяков для ребенка, выросшего на улице.

— Но вообще-то на вилле она искала нечто другое. Она наверняка нашла список в рабочем кабинете Хокинсона и списала все имена и адреса. После этого все и началось.

— По какому графику? — спросил Пуласки.

Эвелин попыталась вспомнить.

— Хайнц Пранге возможно был первой жертвой. Он умер примерно два месяца назад в Берхтесгаденских Альпах. Рудольф Кислингер около трех недель назад в Вене. Эдвард Хокинсон в прошлую пятницу на побережье Северного моря... А Петер Холобек три дня назад в своих венских апартаментах.

— Это какая-то бессмыслица, — раздумывал Пуласки. — Почему Сибил сначала поехала в Вену, потом к Северному морю, а затем опять в Вену? И по какой причине она убила судовладельца не в тот день, когда проникла на его виллу, а спустя несколько недель?

— Отвлекающий маневр? — предположила Эвелин.

Пуласки покачал головой, глядя на список. Вдруг его глаза расширились и он повернул к ней список.

— Посмотрите какая последовательность.

Хайнц Пранге, Рене Манцон, Марк Пеллинг, Курт Хансон, Рихард Рушко, Марти Риттер, Рудольф Кислингер, Томас Эберхардт, Георг Паллок, Эдвард Хокинсон, Петер Холобек, Альфонс Болтен XXXXXX

— Пранге, Кислингер, Хокинсон, Холобек..., - прошептала Эвелин. — Она идет по порядку.

— Эта дрянь как будто строчка за строчкой отработывала список.

Эвелин стало дурно.

— Это означает, что она уже несколько месяцев ездит вдоль и поперек по всей округе, но при этом посещаемые ею места никак не связаны между собой. — Она еще ни разу не слышала о таком сумасшедшем методе, однако Сибил видимо была на своей волне.

Она вдруг показала пальцем на последнее имя.

— Если Вы правы, то Альфонс Болтен последний оставшийся в живых из этого списка.

— Вопрос только в том, как долго? — Пуласки пододвинул к себе листок, чтобы посмотреть адрес. — Этот гад живет в Куксхафене. — Он посмотрел на часы. — Если адрес

еще действителен, через два часа мы можем быть там.

— Мы? — повторила Эвелин.

— Я бы хотел нанести ему неожиданный визит. Вы будете меня сопровождать?

Эвелин подумала о самоубийстве Смолле и своих показаниях.

— Но...

— Фленсбург подождет, — прервал он ее. — Я улажу это со своим начальником.

— Вы же в отпуске, — напомнила ему Эвелин.

— Разве это нормальный день отпуска? — он с грустью улыбнулся. — Я уже итак давно должен был поговорить с шефом. Хорст Фукс будет в ярости...

Она придвинула ему свой сотовый и он позвонил в Лейпциг. Разговор прошел не совсем конструктивно. Другие гости опять с любопытством смотрели в их сторону. Пришло время исчезнуть отсюда. В гамбургской клинике они произвели яркое впечатление, но отнюдь не лучшее.

Немного успокоившись, Пуласки попросил соединить его с неким Мальте. После этого он записал под адресом Болтена номер телефона.

— Спасибо. — Пуласки положил трубку.

Эвелин заметила, что он злорадно ухмылялся.

— Вас отстранили от службы с полным выходным пособием?

— Если бы. Я самовольно вышел на работу во время отпуска. Шеф сейчас подтвердил это официально. Ничего другого ему не оставалось. Тем не менее, вчера я подстрелил подозреваемого и объявил его в розыск, а сегодня запросил защиту свидетеля... но это не важно! Важно, что адрес еще действителен. Речь идет о некоем докторе Альфонсе Болтене, судьбе по делам несовершеннолетних на пенсии. — Находясь под впечатлением, он приподнял брови. — Ваш коллега, так сказать.

"Как Холобек. Таким образом, Болтен был не единственным коллегой, замешанным в грязных делах", — с горечью подумала Эвелин.

— Это номер его телефона, — добавил Пуласки, уже набирая его.

— И что Вы скажете, если он возьмет трубку? — прошептала Эвелин. — Я думала, мы приедем без предупреждения?

— Мы так и хотим... Пшг! — Пуласки прислушался, после чего положил трубку. — Он дома.

По телу Эвелин пробежал холодок.

— Я как будто участвую в скрытом расследовании.

— Хотите отказаться?

— Нет!

Пуласки улыбнулся.

— Смелая девочка. Мы случайно владеем одинаковым телефоном. У Вас с собой зарядное устройство? — Эвелин кивнула.

— Я хотел бы одолжить его во время поездки, чтобы зарядить батарейку. У моего драндулета полетел амортизатор, но прикуриватель еще работает.

— Мне все равно нужно будет возвращаться в гамбургский аэропорт, так что можете оставить Вашу машину здесь, и мы вместе поедem в Куксхафен, — предложила она.

— Вы можете предложить нечто лучшее, чем дряхлая «Шкода»?

— Прокатный автомобиль от «Сикст» [\[16\]](#).

— Ох, — Он приподнял брови. — Курить в салоне запрещено?

— Конечно. Разве Вы не собирались бросать?

— Верно. — Он задумчиво провел рукой по подбородку. — С благодарностью принимаю предложение. Предлагаю поехать через Бремен и Бремерхафен, вверх по побережью. Самое позднее через два часа мы будем в Куксхафене. Но сначала мне нужно вернуться в свою машину, забрать запасной магазин для «Вальтера» — на всякий случай, если возникнут проблемы, — успокоил он ее.

Эвелин удивленно распахнула глаза.

— Какие проблемы могут возникнуть?

— Не знаю, но с тех пор как я взялся за это дело, у меня одни проблемы.

Эвелин ехала по автобану, следуя за задними фарами едущего впереди «Порше». В салоне играл диск с песнями Энии. Пуласки, видимо, было все равно. Главное, его сотовый был подключен к зарядному устройству.

За исключением остановки на заправке, поездка проходила без задержек. Пуласки указал ей короткую дорогу до Куксхафена. Вообще-то она не предполагала, что когданибудь еще раз окажется в этом месте, после того как вчера спешно покинула виллу Хокинсона, по крайней мере, не так скоро.

Пока они ехали по городу, Эвелин набрала адрес Болтона в навигаторе. Его участок находился недалеко от имения Греты Хокинсон. Тот же, уже знакомый ей район вилл поблизости от пляжа.

Участок земли, прилегающий к дому, окружала высокая изгородь. Эвелин припарковалась прямо рядом с входом. Пуласки вышел из машины, осмотрелся кругом и потянулся. Эвелин услышала как хрустнули позвонки, и увидела его сморщившееся от боли лицо.

— Утомительная поездка? — спросила она.

— У вас спокойный стиль езды, но я уже отвык от таких долгих поездок.

На этот раз Пуласки не стал надевать пальто и галстук, и ограничился лишь пиджаком.

Они пошли к воротам.

Насколько Эвелин могла видеть сквозь решетку ворот, дом Болтона был не таким роскошным как у Хокинсонов, соответствовал скорее современному, холодному стилю постройки. Окна бунгало, построенного в форме буквы L, были закрыты блестящими, металлическими жалюзи цвета хрома. На крыше располагались две спутниковые тарелки, а по углам дома выглядывали камеры. Форт Нокс, наверняка, охранялся не хуже.

Пуласки открыл ворота и зашел на участок. Эвелин следовала за ним по гравийной дорожке, ведущей к входу в дом.

— Господин судья все еще дома. — Пуласки кивнул в сторону гаража, прилегающему к дому.

Ворота были открыты. Под навесом стоял припаркованный серый «Мерседес» с белыми сиденьями и серым меховым чехлом для руля. Оказывается, находились те, кто еще использовал такие вещи... В глазах Эвелин такие машины выглядели как транспортное средство для стариков. По крайней мере так было в Австрии. Водители, как правило, носили шляпы и никогда не ездили по автомагистралям быстрее шестидесяти километров в час, что всегда раздражало Эвелин.

Сад выглядел ухоженным. Сквозь деревья поблескивало вечернее солнце. Пахло стружкой и свежескошенной травой. В клумбах с розами не лежало ни одного завядшего листочка, а гравий на дорожках был выровнен граблями. Станным образом, рядом с навозной кучей стояли канистра в пятнах и работающая на бензине газонокосилка, что портило все впечатление от идеального сада. Либо у Болтена работал садовник, либо он сам, будучи на пенсии, открыл для себя хобби ухода за газонами — наряду с пристрастием к круизам с педофильным уклоном. Интересно, как выглядел этот мужчина? Судя по тому, как были ухожены изгороди и поляны, Эвелин ожидала увидеть привлекательного, образованного господина в расцвете сил. И снова это служило подтверждением тому, что за

приятной внешностью скрывались внутренние пороки человека.

Пуласки поднялся по лестнице на веранду и нажал на звонок. Один только звук гонга, эхом отозвавшийся в холле за дверью, говорил о том, что в этом доме жили не бедные люди.

Эвелин встала рядом с Пуласки на веранде из мраморных плит.

— Вы опять представите меня своей коллегой?

Пуласки взглянул на нее со стороны.

— А Вам бы этого хотелось?

— Это даже как-то забавно.

— Охотно верю, но то что мы сейчас выясним, точно не будет забавным.

— Я не то имела в виду.

— Я знаю. — Он еще раз посмотрел на нее. — Честно говоря, у меня никогда не было такой красивой коллеги.

Эвелин засмеялась. Как ни странно, еще несколько дней назад она этого не делала. Она была бы тронута, но вместо этого чувствовала себя польщенной.

— Спасибо, но не тратьте Ваши комплименты не на того человека.

— Да, да. Вы девушка этого Патрика.

— Я имела в виду Соню. Ей Вы должны делать комплименты.

Пуласки улыбнулся.

- Я и сделаю... как только вернусь. — Он снова позвонил.

Немного погодя дверь открылась. Она была из массивного дерева, Эвелин заметила пять предохранительных засовов.

Эвелин не смогла бы лучше обрисовать в своих мыслях мужчину, появившегося в дверном проеме. Он был высоким и статным, со слегка поседевшими висками, одет в темный костюм, сшитый на заказ. Глядя на его ухоженные пальцы, Эвелин поняла, что он не сам косил газон.

— Господин Болтен? — спросил Пуласки.

— Чего желаете?

"От его звучного, как в рекламе, голоса, женщины, наверное, падают в обморок" — подумала Эвелин.

Пуласки вытащил из сумки и раскрыл свое удостоверение.

— Вальтер Пуласки, криминальная полиция Лейпцига, и моя коллега Эвелин Мейерс, специалист по юридическим вопросам. У вас не найдется для нас крепкого кофе?

Казалось, мужчине понадобилось несколько секунд, чтобы понять вопрос.

— Сожалею, у меня дома нет кофе. Могу я Вам еще чем-нибудь помочь? — спросил он, в конце концов.

— Мы можем войти? Я бы хотел задать Вам несколько вопросов.

— Конечно. — Болтен полностью открыл дверь и отошел в сторону.

Эвелин заметила, что он хромал. От Пуласки это тоже не ускользнуло. По ее мнению, он слишком долго смотрел на поврежденную ногу.

Когда Эвелин собралась последовать за своим "коллегой" в дом, у нее зазвонил телефон. Она осталась на веранде и посмотрела на дисплей. Патрик! Более неподходящего момента он просто не мог выбрать.

— Простите, пожалуйста. — Она ответила на звонок. — Привет, Патрик. Я...

— Привет, ежик. Чем отличается адвокат от Господа Бога?

— Я сейчас не могу, позвони через...

— Господь Бог не считает себя адвокатом!

Она услышала его смех.

— Очень смешно. Позвонишь мне через полчаса?

— Не получится. У меня встреча в полицейском участке. Бернекер и его команда выяснили нечто невероятное.

Эвелин уставилась на Пуласки, который стоял рядом с Болтенем в дверном проеме. Оба с любопытством смотрели на нее.

— Линни? Алло? Ты еще здесь?

Эвелин опустила сотовый.

— Извините пожалуйста, что помешала. Я вернусь через несколько минут.

Она снова вернулась к разговору с Патриком, которого буквально прорвало.

— Да все в порядке, — пробормотал Болтен.

Краем глаза она увидела, как Болтен сделал шаг в темную прихожую и Пуласки последовал за ним. Тяжелая входная дверь закрылась за ними и Эвелин осталась стоять на веранде одна.

Засунув руку в карман джинсов, Эвелин побрела по гравийной дорожке, продолжая разговаривать по телефону.

— Я полагаю, ты уже дала показания в участке во Фленсбурге и уже находишься по дороге в Вену?

— Нет, это не так.

— Они тебя задержали?

Эвелин вздохнула.

— Нет, я там еще даже не была. Вместо этого я поехала в Гамбург, а сейчас я в Куксхафене.

— Опять?

Все и так было сложно, Патрик все равно не оставит ее в покое, пока она ему все не объяснит.

— Я познакомилась с сотрудником криминальной полиции из Лейпцига...

— Ты была в Лейпциге?

— Нет, дослушай же меня! Я встретила его в психиатрической клинике, и сейчас я работаю вместе с ним над делом.

— Психиатрическая клиника, — пробормотал Патрик. — А может он вовсе не полицейский, а просто думает, что работает в полиции?

— Оставь свои шуточки! Он милый.

Патрик на несколько секунд потерял дар речи.

— Как выглядит этот парень?

— Какое это имеет значение?

— Он выглядит лучше меня?

Эвелин рассмеялась.

— Господи, ты что ревнуешь? С ума сойти. Ты не волнуйся, Валтеру Пуласки за пятьдесят и он не мой типаж, хорошо? — "Хоть он и довольно милый", — мысленно добавила она.

— С гипсом или без, мне нужно было полететь с тобой, — пробурчал Патрик. — Стоит оставить тебя на день одну, как к тебе тут же начинает клеиться мужик в форме.

— Он не носит форму, и не клеится ко мне!

— Чем вы вообще занимаетесь в Куксхафене? Сидите в зимнем саду у тети Греты за чашечкой кофе?

— Мы пришли в гости к доктору Альфонсу Болтену и скоро узнаем, что произошло...

— Болтен! — воскликнул Патрик. Из его голоса моментально исчезли нотки юмора. — Вы у Болтена?

— Да.

— Черт, я скрыл от тебя, что он последний выживший в списке, чтобы ты к нему не поехала!

— Это было не трудно узнать. Сибил убивает мужчин по порядку.

— Кто, черт возьми, такая Сибил?

— Это сейчас сложно объяснить.

— Да плевать! Слушай внимательно, Линни. Покинь дом, этот парень опасен. Это как раз то, что я хотел тебе рассказать.

Эвелин огляделась. Она стояла посреди сада между колючими кустами роз, откуда открывался хороший вид на заднюю сторону дома, где располагалась терраса. Здесь тоже были опущены все металлические жалюзи.

— Насколько опасен?

— Ты в безопасности? Можешь говорить?

— Да, я в саду. — Она посмотрела на террасу и подумала о Пуласки. Не нужно было беспокоиться за него. Вооруженный комиссар полиции знал, что делал, убеждала Эвелин саму себя. Тем не менее ее сердце бешено колотилось. — Насколько опасен? — повторила она.

— Венская полиция выяснила, что бывший судья по делам несовершеннолетних был близким другом Эдварда Хокинсона.

— Даже если и так! В этом нет ничего особенного. Они оба живут в Куксхафене и... Подожди-ка! — Эвелин помедлила. Она вдруг вспомнила разговор с Гретой Хокинсон. Грета упомянула, что после смерти отца финансовыми делами, связанными с имуществом, занимался знакомый юрист на пенсии, потому что она никогда не хотела даже заходить в кабинет отца. Этим другом был Болтен! Одновременно он был еще и пассажиром на яхте. После смерти Хокинсона он занимался наследством. Это означало, что у него был доступ к множеству документов.

Патрик хотел что-то сказать, но Эвелин перебила его.

— Должно быть Болтен и есть вымогатель!

— Нет, это не он, — опроверг Патрик. — Полиция выяснила, кому принадлежит анонимный счет в гамбургском народном банке, куда поступили первые платежи. Угадай. Владелец счета — Эдвард Хокинсон.

У Эвелин вдруг закружилась голова. В чем заключалась ошибка в рассуждениях?

- Но Болтен все равно должен быть заодно с Хокинсоном.

— Возможно. Но пользовался деньгами от вымогательства однозначно Хокинсон.

Эвелин все еще смотрела на забаррикадированную заднюю сторону дома.

— Почему ты сказал, что Болтен опасен?

— Потому что недавно он организовал себе большое количество высококонцентрированного ботокса.

— Ботокс? Он что, хочет сделать лифтинг?

— Ботоксом можно парализовывать людей.

— И как он его достал? Наверняка не в аптеке?

— Внештатный сотрудник фирмы-производителя подпольно продавал образцы для одной косметологической клиники. Скандал был поэтому и раздут, что одним из покупателей оказался наш бывший судья... кроме того, у него есть лицензия на ношение «Люгер Парабеллум».

Ботокс! И «Люгер»!

Эвелин подумала о Пуласки.

— Я должна заканчивать.

Эвелин бежала по газону к террасе, на ходу выключая телефон.

Осторожно, чтобы не шуметь, она протиснулась мимо садовых стульев, следуя к двери на веранду. В стекле отражалось вечернее солнце. Она прислонилась к дверному стеклу, заслоня глаза руками, но все равно ничего не увидела. Видимость заграждала темная занавеска. Эвелин прокралась мимо окон в поисках возможности попасть в дом или по крайней мере заглянуть внутрь. Если такого места не найдется, придется идти к главному входу.

Когда Эвелин снова прижалась лицом к стеклу, стеклянная дверь неожиданно поддалась. Дверь на веранду распахнулась изнутри и была остановлена тяжелой шторой.

Только сейчас Эвелин заметила, что стекло было выбито снаружи, но таким образом, чтобы через отверстие могла протиснуться только рука, чтобы нажать на ручку с внутренней стороны дома.

Она осторожно отодвинула дверь и штору в сторону. За ними находилась гостиная, окутанная сумеречным светом.

В комнате был спертый воздух — смесь из неприятных запахов средства против моли, дыма от сигарет, пыльной диванной обивки и старых газет.

Эвелин осторожно вошла, но почувствовав под ногами осколки стекла, остановилась. Она тихо закрыла дверь на террасу и задернула занавеску на прежнее место.

Прошло какое-то время, прежде чем ее глаза привыкли к темноте, откуда медленно вырисовывались очертания дивана, стола, стоячей лампы и нескольких громоздких комодов. На стенах висели огромные картинные рамы. Ниоткуда не доносилось ни слова. Куда пропали Болтен и Пуласки?

Эвелин пробиралась через гостиную, нервничая при мысли о том, что может уронить подставку для газет или что-нибудь подобное. Она вытащила из кармана сотовый и направила освещенный дисплей на пол. Этого было достаточно, чтобы видеть, что на ковре перед ней ничего не стояло.

Она медленно пересекла комнату, пока не дошла до арки, ведущей в переднюю. Здесь было еще темнее. Эвелин шла на ощупь, держась за стену, скользя рукой по комоду, вязаной салфетке, мимо картинных рам и подсвечников. Эта тишина! В этом доме было что-то не так. Она нащупала выключатель на стене. Нажать на него? Тогда она сразу же привлечет внимание Болтена. Сейчас нельзя предпринимать никаких необдуманных шагов! Так как все окна были наглухо закрыты шторами, не давая возможности выглянуть в сад, Болтен, наверняка, думал, что она все еще на улице. Эвелин хотела оставить все как есть, поэтому продолжила передвигаться по вестибюлю в темноте.

Она обнаружила дверь, приоткрыла ее и заглянула внутрь.

— Пуласки? — прошептала Эвелин.

Ответа не последовало.

Подсвечивая себе дорогу дисплеем телефона, Эвелин добралась до следующей двери, повторила действия и снова не получила ответа.

В конце концов, она вышла в коридор, уже совершенно не ориентируясь, где находилась входная дверь, а где дверь, ведущая на террасу.

Эвелин без разбора открыла дверь, протиснулась в комнату и закрыла за собой дверь. Двигаясь на ощупь вдоль стены, она нашла выключатель и нажала на него.

Эвелин ослепил красный свет. Она прикрыла рукой глаза и, сощурившись, огляделась вокруг. В комнате находилась двуспальная кровать, штатив для камеры и шкаф с дюжиной выдвижных ящиков. Чувствовался резкий запах лосьона после бритья и мужского парфюма. Голая, красная лампочка на потолке создавала сумеречную атмосферу. Эвелин заметила, что в помещении не было окон.

Она хотела сесть на кровать, чтобы поразмыслить, как вдруг заметила синтетическую пленку поверх матраца и с отвращением осталась стоять. Рядом с подушками сидело множество совершенно одинаковых мягких игрушек. Желтые зайцы с длинными ушами. У одного из них с ног до головы был вспорот живот, так что внутренний материал выпирал наружу.

На штативе не было камеры. Она, наверняка, лежала в одном из ящиков. Эвелин без разбору открыла некоторые из них. В одном лежало полдюжины наручников, но камеры не было. В другом множество подписанных футляров для видеокассет. Надин, февраль 2004.

Петра, июнь 2004. Маргит, октябрь 2005. Анна, декабрь 2005. В каждом случае это было начало каникул. Эвелин стало дурно.

Она быстро закрыла ящики, выключила свет и закрыла глаза. Перед глазами сверкали воображаемые красные круги. Прислонившись спиной к двери, Эвелин пыталась думать о Патрике. Как там звучала шутка про бога и адвоката? Она отчаянно думала об этом, но не могла сосредоточиться. Из головы не выходили эти десятки видеокассет. Она представила себе седовласого, изысканного господина в дорогом костюме, как он сидел на кровати на прозрачной пленке. Да еще к тому же бывший судья. Наверняка он был уважаемым человеком в Куксхафене. Эвелин ощутила подкатившую к горлу желудочную кислоту и проглотила горький привкус.

Нужно было найти Пуласки! А если не удастся, то как можно быстрее выбираться из дома, прежде чем ее обнаружит этот сумасшедший. Пока Эвелин кусала нижнюю губу, у нее едва не выпал из рук телефон. Только сейчас она заметила, какими потными были ее руки. Она вытерла их об джинсы и при этом задела край визитной карточки Пуласки, торчавшей из кармана. Ну, конечно! Хоть бы он не оставил сотовый у нее в машине. Она позвонит ему на мобильный, но не для того, чтобы поговорить. Эвелин просто хотела услышать, где в доме он зазвонит, после чего прервать связь.

Ни за что на свете она больше не включит свет в этой комнате. Свечения от сотового вполне хватало. Она вытащила визитку из кармана. Верховный комиссар криминальной полиции. Ниже был написан номер. Его было легко запомнить. Пальцы Эвелин в темноте скользили по клавишам. После того как она внесла номер, у нее оставалось всего несколько секунд. Недопустимо было пропустить мимо ушей звонок. Пока мобильный устанавливал связь, Эвелин нажала на ручку, открыла дверь, быстро выскользнула в коридор и на ощупь прошла до вестибюля.

Вдруг из щели неплотно прикрытой двери на кончики ее туфель упал свет. Сердце Эвелин на мгновение замерло, когда она увидела в прихожей очертания чей-то фигуры.

Человек стоял, не шевелясь. Это не мог быть ни Болтен ни Пуласки. Силуэт был слишком щуплым для этих двух мужчин крепкого телосложения. К тому же, до Эвелин донесся запах женских духов. Фигура осторожно шевельнулась, сделала шаг в сторону Эвелин и наклонила голову. Длинные волосы упали ей на плечи.

Эвелин не верила своим глазам. Неужели это была... Сибил? В следующее мгновение из комнаты рядом с ней, где находился источник света, донесся глухой звонок мобильного телефона. Эвелин поспешно прервала связь и звонок тут же прекратился.

Краем глаза Эвелин увидела, как женщина исчезла в гостиной. Идти за ней или нет? Она в панике огляделась вокруг. Пуласки был важнее. Эвелин решительно нажала на ручку двери.

Ее ослепил матовый свет неоновой лампы. Перед ней находилась узкая, бетонная лестница, ведущая в подвал. Через некоторое время свет погас.

— Черт! — прошипела Эвелин. Она сунула сотовый в карман джинсов, нащупала руками холодную, бетонную стену и спустилась по ступенькам вниз.

Становилось заметно холоднее. Пахло известью. В конце лестницы стало светлее. Эвелин дошла до подсобного помещения, от которого расходилось несколько тяжелых противопожарных дверей. Одна из них была приоткрыта, а из щели пробивался тусклый, дневной свет. Тот, кто отключил в подвале неоновую лампу, все еще находился здесь, внизу. Эвелин осторожно подошла к двери и медленно приоткрыла ее ногой. К счастью, дверные петли не закрипели.

Сквозь грязное стекло зарешеченного фонаря в помещение падали лучи заходящего солнца, погружая комнату в темный оранжевый свет. В одном углу возвышалась куча мусора, состоящая из угля, деревянных поддонов, тряпок и скомканных газет. В другом углу, рядом с печью для обжига, лежало несколько кубических метров древесины. Рядом стоял водонагреватель со множеством дисплеев, вентиляей и труб, проходящих по стенам к потолку. Помещение напомнило Эвелин подвал родительского дома, где она раньше играла в прятки с сестрой. С той лишь разницей, что здесь из-за бойлера выглядывали чьи-то ноги. Эвелин узнала ботинки Пуласки.

Перепрыгивая через дрова, она забежала за водонагреватель. Пуласки лежал на полу, в наручниках, которые дополнительно соединялись с цепью, прикрепленной к трубе отопления. Его рот был заклеен широким отрезком изоляционной ленты. Мобильный телефон выпал из кармана его брюк и лежал вне зоны досягаемости.

Эвелин наклонилась к нему и сняла клейкую ленту. Он едва дышал.

— Болтен — убийца подростков, — прохрипел он. — Это его я вчера ранил в ногу... Спрей! — Пуласки начал кашлять.

Эвелин торопливо обыскала внутренний карман его пиджака. При этом ей бросилось в глаза, что кобура Пуласки была пустой. Она нашла ингалятор, поднесла насадку к его губам и два раза нажала.

С облегчением хватая ртом воздух, Пуласки прислонился головой к стене.

— Этот поддонок расправился со мной также как с детьми, — прошептал он. — Он уже прятал за спиной шприц, и вонзил мне дозу ботокса в плечи и бедра.

Эвелин запаниковала.

— Где Ваше оружие?

— Он забрал его.

— Вы можете двигаться?

— Двигается только правая нога.

— Черт, мне нужно как-то Вас отсюда вытащить. — Эвелин начала теревить наручники. — Это Ваши? У Вас есть ключ?

— Нет, — прохрипел Пуласки. — Вы должны поторопиться. Болтен недавно выключил свет, он должно быть все еще где-то здесь. Он видел, как Вы вошли в дом?

Эвелин покачала головой.

— Он думает, что я еще на улице.

— Что Вы делали там так долго?

— Я выяснила, что Болтен и Хокинсон шантажировали замешанных в убийстве пассажиров, — прошептала Эвелин. Она встала, следуя за цепью, обмотанной вокруг трубы отопления. — Но когда Болтен узнал, что его бывшие попугачики по очереди умерли, — прошептала она, — он вполне естественно предположил, что один из тогдашних детей захотел отомстить им.

Эвелин дергала навесной замок, держащий цепь, но чертова штука не поддавалась.

— Тише..., - процедил сквозь зубы Пуласки.

Эвелин взялась за дребезжащее звено цепи.

— Из-за страха, что все откроется, либо боясь самому быть убитым, он нашел бывших жертв, убил их, представив все как самоубийство. — Разговаривая, она пыталась протянуть цепь по трубе отопления, однако через несколько метров она исчезала в стене.

— Но как он смог незаметно собрать информацию о детях? — спросил Пуласки.

— Как бывший судья, он имел свободный доступ к документам... я не могу отстегнуть эту чертову цепь.

— Забудьте о цепи. Позвоните со своего мобильного в полицию. Номер 110! Вас соединят автоматически!

Эвелин выполнила поручение Пуласки. Пока шло соединение, позади раздался чей-то голос.

— Не утруждайтесь, госпожа Мейерс. — Эвелин резко обернулась.

Позади нее стоял Альфонс Болтен в латексных перчатках и протягивал ей руку.

— Ваш телефон, пожалуйста!

В другой руке он держал пистолет, направленный на голову Эвелин.

Дрожащими руками она протянула Болтону мобильный.

— Большое спасибо. — Он прервал связь, но телефон внезапно зазвонил снова. Болтен удивленно посмотрел на мобильный. — Вы ожидаете звонка?

Эвелин не ответила.

— Посмотрим, кто Вами интересуется незадолго до Вашей смерти. — Он с нетерпением приложил сотовый к уху. — Алло?

Слушая, Болтен держал на мушке Эвелин и Пуласки.

— Боюсь, госпоже Мейерс нездоровиться, — сказал он, прервал разговор и самодовольно ухмыльнулся. — Как не вовремя. Это были Ваши коллеги из Фленсбурга.

Одним нажатием кнопки Болтен выключил телефон. И словно этого было недостаточно, он сделал шаг назад, вставил телефон в щель двери и с размаху захлопнул противопожарную дверь. Зажатый телефон хрустнул, крышка раскололась, а отдельные части разлетелись в разные стороны.

— Такое ощущение, что Вы часто такое делали, — пробурчал Пуласки.

— Я охотно импровизирую, — ответил Болтен.

- Я это заметил, когда Вы сбежали по пожарной лестнице.

Болтен улыбнулся.

— Вы тогда слегка выдохлись.

— Однако мне хватило дыхания, чтобы всадить Вам пулю в ногу.

— Вы еще к тому же никудышный стрелок. — Болтен взял оружие в другую руку. — Кстати, об импровизации. — Он снова обратился к Эвелин. — Вам понадобилось на удивление много времени, чтобы найти Вашего коллегу. — Подойдя ближе, Болтен ощупал ее на предмет оружия.

— Руки прочь, извращенец, свинья!

Он ударил ее рукояткой пистолета по лицу. У Эвелин треснула губа, она попятилась назад и запнувшись о ноги Пуласки, упала на пол. Голову пронзила боль. В следующий момент, она ощутила горький привкус крови во рту. Дрожащими руками Эвелин дотронулась до губы. Кровь капала на ее пуловер. У нее не укладывалось в голове, что этот мерзавец ударил ее.

— Я подслушал Ваш разговор. Удивительно, как много Вы выяснили. В Вашей теории Вы плохо отзываетесь о достопочтенном господине Хокинсоне. На самом деле они ничего не знал о шантаже.

— Что Вы говорите, — парировала Эвелин.

— После смерти Мануэля его замучила совесть. Он был паршивым бизнесменом, но не убийцей. Хотел прервать круизы и уничтожить всю документацию, но добросердечная Грета смогла вовремя спасти оригинальный список пассажиров последнего круиза, прежде чем он сгорел с остальными бумагами в камине. Вы нашли список, не так ли? — голос, полный шарма, резко переменялся. — Где он?

Эвелин не ответила.

— Наверное, у Вас в машине, — предположил Болтен.

Внезапно до Эвелин дошло.

— Счет в Народном Банке Гамбурга принадлежит Грете. Это была ее идея! Это она стоит за вымогательствами.

— Вы и про счет знаете? — Болтен одобрительно скривился.

— Эвелин, больше ничего не говорите! — предупредил Пуласки сзади нее.

Болтен мягко улыбнулся.

— Какой хороший совет. Я в любом случае прострелю Вашей подружке голову. Причем из Вашего служебного оружия, с Вашими отпечатками пальцев. Следов пороха, оставшихся у Вас на руке со вчерашнего дня, наверняка будет достаточно.

— Этот сумасшедший план Вам не поможет, — пригрозил Пуласки.

— А должен ли он вообще нам помогать? — спокойно спросил Болтен. — У нас достаточно денег, чтобы скрыться.

Эвелин больше не слушала его. Мысль закончить жизнь с пулей в голове вдруг показалась такой нереальной, что она не знала бояться ей или нет. Болтен мог бить, шантажировать людей, снимать видео в своей комнате с красным светом и предательски убивать подростков. Но интуиция подсказывала Эвелин, что это скорее Грета могла хладнокровно застрелить двух взрослых людей в подвале. Эта женщина была умнее и безответственнее, чем Эвелин до сих пор предполагала.

Грета! В голове вдруг все встало на свои места. Эвелин поняла, что выкрала список вовсе не из кабинета Эдварда Хокинсона, а из бюро Греты. Помещение со спортивными луками на стенах и с фиброглас-арбалетом за стеклом витрины было рабочим кабинетом Греты. Она была стрелком.

— Грета с самого начала вместе с отцом организовывала круизы! — воскликнула Эвелин. — Эта шлюха была постоянно на борту...

— Эвелин, успокойтесь! — вмешался Пуласки.

— Нет! — рявкнула Эвелин. — Грета вычеркнула свое собственное имя в конце списка! — закончила она свою мысль. — Это она была тринадцатым пассажиром!

— Шлюха? — повторил Болтен тихим голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Эта шлюха и сирот поставляла? — крикнула Эвелин. — Она также ответственна за смерть мальчика, однако без зазрения совести шантажирует дюжину мужиков! — Эвелин пришла в ярость.

Болтен метнулся вперед и ударил Эвелин оружием по голове. На этот раз она вовремя прикрылась рукой, так что он попал по запястью.

— Она не ответственна за смерть мальчика! — кричал Болтен. — Когда он умер,

никому до этого не было дела. Ей пришлось делать всю грязную работу и избавляться от тела. — Из уголка его рта текла слюна, когда он наклонился к Эвелин. — Поэтому она и начала шантажировать этих мужчин. Потому что мы одни стояли в дюнах с телом, в то время как остальные сидели на корабле и опустошали бар!

— У Вас с ней отношения, не так ли? — прошептала Эвелин и одновременно закрыла лицо руками, ожидая нового удара.

— У Греты больше смелости, чем у вас обоих вместе взятых, — заорал на нее Болтен.

— Она больна также как и Вы. И Вы целиком во власти этой шлюхи! — крикнула Эвелин. Она не знала, почему не могла заткнуть рот. Ей хотелось высказаться, даже если это было последнее, что она сказала. Даже если он будет снова бить ее. Эвелин столько всего пережила в жизни, что ему не удастся ранить ее больше, чем это случалось прежде.

Однако вместо того, чтобы в очередной раз замахнуться, Болтен ушел в угол и начал рыться в куче мусора. Газеты, деревянные настилы и тряпки полетели в разные стороны. В конце концов, он вытащил грязную подушку и кинул ее Эвелин на колени.

— Держите ее обеими руками перед лицом! — он был вне себя и подошел к ней с оружием. — Давайте! Делайте, что я говорю! Это заглушит выстрел. — Болтен приставил дуло ко лбу Эвелин.

— Нет! — закричала Эвелин.

— Давай!

Она бросила подушку в угол.

— Как хотите. — Болтен направился к куче мусора, вытащил грязный мешок из под угля, развернул его и подошел к Эвелин.

— Только не это! — завопила Эвелин. В панике она спиной поползла к стене. — Не надо на голову! Пожалуйста, не надо! — скулила она. Из глаз брызнули слезы.

Она вдруг опять превратилась в десятилетнюю девочку, которая ощущала во рту вкус мешка, царапины на коже и затхлый запах в носу.

Эвелин зажмурилась.

— Пожалуйста, не надо! — умоляла она. — Я сделаю все, что Вы скажете.

Но Болтен не слушал ее, и натянул ей мешок на голову.

В ту же секунду стало темно. Эвелин словно парализовало. Ее тело сжалось, мышцы задергались. Не хватало воздуха. "Это не как тогда", — сказала она себе. Но времени на раздумья не было. В следующую секунду она почувствовала на лбу ствол оружия. Эвелин хотела что-то сказать, выдавить из себя всего два слова — "Пожалуйста, не надо!" — но ее голосовые связки словно онемели. Она услышала как Болтен перезарядил оружие и нажал на курок. Ударник сдвинулся с места.

Клик!

Он попытался нажать еще раз, на этот раз еще сильнее прижав ствол ко лбу. Клик!

— Черт!

Эвелин услышала, как магазин выскользнул из рукоятки.

— Эта чертова штука не заряжена, — выкрикнул Болтен.

До Эвелин донесся глухой голос Пуласки.

— Полицейские в Гёттингене забрали у меня патроны.

— Вы пришли ко мне домой с незаряженным оружием? — орал Болтен. — Вы что, совсем тупой? — Брошенный им пистолет проскользнул по полу.

— Значит, прикончу ее из своего.

Эвелин услышала звук. Он вынул из запазухи оружие? Затем последовал щелчок, когда Болтен снял пистолет с предохранителя.

— Не делайте этого! — крикнул Пуласки. В его голосе внезапно появилась паника.

Эвелин почувствовала, как ей опять приставили ствол ко лбу.

Пуласки потянул за цепь, но движение было слишком слабым.

— Вы, чертов подонок! Не делайте этого! Она просто адвокат и не имеет никакого отношения к этому делу.

— Она очень даже имеет отношение к этому делу, — прошептал Болтен.

Он еще сильнее прижал ствол к ее лбу.

У Эвелин потемнело в глазах, когда она услышала оттягивание салазок ствола и одновременный щелчок патрона.

— Альфонс?

Давление на лоб внезапно ослабло.

— Альфонс? — повторил голос.

Соблазнительный молодой голос доносился с лестницы, ведущей в подвал.

Эвелин услышала брэнчание. Несмотря на страх, она узнала северо-германский акцент.

— Альфонс? Иди ко мне!

Звук напоминал брэнчание наручников.

Эвелин почувствовала, как Болтен убрал дуло с ее лба.

— Кого вы еще привели с собой? — процедил он сквозь зубы.

Мозг Эвелин больше не функционировал. Она только услышала, как Болтен пнул Пуласки и тот застонал.

— Кого еще вы привели с собой? — повторил Болтен.

— Я не знаю, придурок! — выдавил Пуласки.

Эвелин услышала шаги Болтена, после чего противопожарная дверь закрылась на замок и ключ два раза провернулся в замке.

— Эвелин? — прошептал Пуласки.

Она не ответила. Ее тело совершенно одеревенело. Шейные мускулы двигались вверх вниз, а желудок временами болезненно сжимался. Этому не было конца.

— Эвелин! Он ушел. Вы меня слышите?

— Иди ко мне!

Кто это сказал? Сама Эвелин? Она снова была десятилетней девочкой в охотничьей сторожке? Мешок, наручники и скотч. Она мысленно вернулась туда...

— Эвелин?

Пуласки попал ей ногой по бедру. Эвелин вздрогнула.

— Эвелин! Вы должны мне помочь!

По спине Эвелин катился холодный пот. Ее ледяные пальцы дрожали. Она почти не могла двигаться.

— Он ушел! — крикнул Пуласки. — Мы в безопасности. Снимите мешок с головы.

Несмотря на мучившие ее спазмы желудка, Эвелин попыталась поднять руки, нащупала несколько волокон и потянула за них.

Она тут же ощутила приток свежего воздуха.

— Да, хорошо. Продолжайте!

Эвелин потянула обеими руками за материал, сделала глубокий вдох и, наконец, стянула мешок с головы. Стало светло. Она открыла глаза и увидела вечерние сумерки за приоткрытым подвальным окошком. Ее легкие наполнились кислородом, постепенно ушло напряжение в плечах и руках.

— Боже, Эвелин! Что с Вами было? — спросил Пуласки.

Она повернула голову, чтобы что-то сказать, но у нее совершенно пересохло в горле.

— Вы сильно побледнели. — Пуласки с ужасом в лице смотрел на нее. По его полному отчаяния взгляду, Эвелин поняла, что он насмерть перепугался за нее.

Она попыталась улыбнуться.

— Все в порядке.

— Только что все выглядело иначе.

— Что случилось? — спросила Эвелин.

— Болтен закрыл нас и ушел наверх. В доме еще кто-то есть.

— Сибил, — прошептала она.

В тоже мгновение они услышали крик и грохот стульев. Звук разбитого стекла. Чье-то тело было резко отброшено, по комнате летали стулья, что-то скатилось вниз по лестнице. Потом раздался еще один крик и внезапно все стихло...

— Эвелин, быстро! Оглянитесь вокруг. За котлом должно лежать мое оружие.

Эвелин поднялась, и на ватных ногах, шатаясь, пошла по комнате, держась за трубу. Пистолет лежал рядом с кучей мусора.

— В моем заднем кармане лежит запасной магазин. Вложите его в "Вальтер". — Эвелин медленно приходила в себя. Словно в трансе, она подняла оружие, подошла к Пуласки, перевернула его на бок и нашла магазин в его кармане. Пуласки объяснил ей, как правильно вставить его.

— ... сбоку Вы видите предохранитель. Отодвиньте салазки ствола назад и первый патрон переместится в зарядную камеру.

— Вы что, хотите, чтобы я из него стреляла?

— Я бы сам это сделал, но мои мускулы слабы как резина. Ботокс, наверняка, будет действовать еще несколько часов.

Эвелин отодвинула салазки.

— Ого-го! — воскликнул Пуласки. — Только не цельтесь в меня!

— Что я должна делать?

Пуласки неожиданно начал смотреть вдаль. Он смотрел вверх, на потолочное освещение.

— Поверить не могу.

Эвелин проследила за его взглядом. Через зарешеченное подвальное окно была видна часть сада. Только что мимо него прошли Болтен и Сибил. На девушке был черный пуловер и выцветшие серые спортивные штаны.

Эвелин встала, подошла ближе к окну, забралась на деревянный ящик и встала на цыпочки.

— Что Вы видите? — спросил Пуласки.

Болтен и Сибил шли рядом по лужайке к садово-парковому трактору, стоявшему рядом с компостной кучей. Это была странная картинка. Болтен выглядел послушным и кротким как ягненок, отчего возникло ощущение, что Сибил вела его на убой.

— Что Вы видите? — допытывался Пуласки.

Эвелин нашла на выступе тряпку и протерла покрытое копотью окно, чтобы лучше видеть.

— Похоже, что Сибил воткнула ему шприц в шею. Его руки болтаются, он шатается, как будто вот-вот потеряет сознание.

Пуласки весело засмеялся. Это прозвучало как приступ наигранного веселья.

— Она воткнула парню его собственный шприц в шею.

— Он встал перед ней на колени... — Эвелин замолчала. То, что она видела, было просто невероятным.

Болтен скулил и умолял оставить его в живых, однако Сибил резко закинула его голову назад. Ее голос глухо звучал через приоткрытое подвальное окно.

— Смотри-ка, что я для тебя приготовила.

Она открыла бачок трактора и вставила в отверстие шланг. Другой конец она засунула в глотку Болтена.

— Пей!

Болтен покачал головой.

— Бак пустой, — проклокотал он со шлангом во рту, в то время как его безжизненные руки касались земли. Его тело обессиленно качалось вперед назад.

— Я наполнила бак дизелем. А теперь, пей!

— Это бензиновый двигатель, — выдавил Болтен.

— Какая неприятность! — Сибил ударила его рукой по затылку. — Тогда тебе придется высосать дизель. Давай, вперед!

Болтен помотал головой. По его лицу бежали слезы. Когда Сибил еще глубже вонзила ему иглу в шею, он повиновался. Поначалу он давился, но Сибил заставляла его сосать из шланга. В конце концов, по шлангу потекла желтая жидкость, однако Сибил не вытаскивала шланг из его рта. Болтен глотал, давился, кашлял и испачкался дизелем.

Сибил сделала шаг в сторону и опустила руку в карман.

— Что она делает? — спросил Пуласки.

Эвелин все еще стояла на цыпочках, вытянув шею, чтобы лучше видеть.

— Я точно не вижу, — ответила она. — Мне кажется, она вытаскивала пачку сигарет или коробок спичек.

— Она подожжет его! — закричал Пуласки. — Сделайте что-нибудь!

— Что, например?

— Прострелите окно! — крикнул Пуласки.

— И что потом?

— Остановите Сибил. Это же убийство в чистом виде! Вы должны предотвратить его!

"Предотвратить убийство этого парня?" — подумала Эвелин. Она почувствовала, что внутренне стала совершенно спокойной и непроизвольно подумала об охотничьей сторожке в лесу и человеке, который выполнил свое обещание.

Если она попытается сопротивляться или бежать, он убьет Сандру. Он предупреждал ее не один раз, но она не хотела его слушать. Она думала, что умнее него. Но кто в десять лет был настолько умным, чтобы перехитрить сумасшедшего? Врачи больше ничего не смогли сделать для Сандры. Всего за несколько часов до прибытия полиции, она была задушена. Он закопал ее поблизости, на глубине меньше полуметра и посыпал сгнившей листвой. Как будто этого было достаточно...

После этого Эвелин видела его лицо один единственный раз. Во время очной ставки присутствовало больше врачей и психологов, чем полицейских. Он все отрицал, однако оставил на ней и Сандре свои следы.

Хотя Эвелин была ребенком, она уже тогда горела желанием самой закопать его, исцарапать ему лицо, или облить бензином и поджечь. Лишь несколько недель спустя, глядя на пустую двухъярусную кровать в своей комнате, Эвелин испытала чувство вины. Если бы она не сбежала тогда...

— Эвелин!

Она вздрогнула.

— Что она делает?

— Курит сигарету.

— Сделайте же что-нибудь!

"Подожги эту свинью и пусть она сгорит", — подумала Эвелин и сама испугалась своих мыслей. Внезапно ее что-то ослепило и она отстранилась от окна. Рядом с садовым трактором произошел выброс пламени. Эвелин даже показалось, что ее лицо обдало теплом. Она закрыла глаза и представила себе, что это кто-то другой в отчаянии звал на помощь и молил о пощаде. Но сегодня было не время для прощения, и уж тем более не в таком месте как это.

Крики Пуласки стихли вместе с криками Болтена. Эвелин медленно спустилась с ящика, вернулась к стене и села, ощущая спиной ее холод. Ее руки были такими же холодными как рукоятка пистолета, но внутренне она была совершенно спокойна. Больше никогда этот монстр не наденет ей или какой-нибудь другой женщине мешок на голову. Больше никогда он не будет заманивать детей в свою красную комнату. Камера больше не будет снимать как он садится на кровать рядом с желтым зайцем.

— Эвелин...,- пробормотал Пуласки.

— Помолчите!

В данный момент она не могла вынести ничей голос. Хаос в ее голове был и так достаточно громким. Какое-то время они молчали и слушали потрескивание пламени, которое постепенно затухало.

Тишину нарушил рев мотора, заглушаемый стенами гаража. Возможно Сибил нашла ключ от «Мерседеса» Болтена. Могла ли она управлять автомобилем?

Эвелин слышала как шины хрустели по гравию, как открылись автоматические ворота, и машина выехала с участка.

— Куда она едет? — пробормотала она. Вопрос был адресован никому конкретно.

Тем не менее, Пуласки ответил.

— А Вы не догадываетесь?

Видимо он ждал, когда она посмотрит на него.

— Вы сами навели ее на след. Она едет к вилле Греты Хокинсон, чтобы вычеркнуть последнее имя из списка.

Эвелин поверить не могла в то, что затем произнес Пуласки.

— Мы должны предотвратить убийство Греты!

Она долго смотрела на него. О чем, черт побери, говорил этот человек? Грета Хокинсон тайно руководила всем, что происходило во время круизных поездок. Она причинила этим детям столько горя, большинство из них попали в психиатрическую клинику. Если бы не она, Мануэль был бы еще жив. По крайней мере, его тело не было бы закопано где-то в песчаных дюнах.

— Нам надо торопиться, — настаивал Пуласки. — Помогите мне встать!

Эвелин потянула его вверх, пока он, наконец, не оперся о стену. Цепь, обернутая вокруг трубы отопления, позволяла Пуласки лишь сложить руки в наручниках на колени, ограничивая свободу передвижения.

— Сотовый, — попросил он.

Эвелин протянула ему телефон, который ранее выпал из кармана его штанов.

— Мне набрать вместо Вас?

— Справлюсь сам... — Держа ослабевшими пальцами мобильный, Пуласки включил громкую связь. — Я попытаюсь организовать личную защиту Грете Хокинсон. Но если это продлится так же долго как сегодня с Лизой, то тогда, наверное, будет поздно.

Эвелин ощущала пронзительный взгляд Пуласки.

— Вы могли бы быстрее добраться до нее.

Эвелин смотрела на оружие, которое все еще держала в руке.

— Им можно прострелить противопожарную дверь?

— Встаньте в метре от двери, сощурьте левый глаз, направьте оружие обеими руками на замок и прицельтесь так, чтобы верхние кромки прорези прицела и мушки были на одной линии. — Эвелин встала перед дверью. — Вытяните руки, и не пугайтесь во время отдачи.

Эвелин так крепко сжимала рукоятку, что у нее побелели костяшки пальцев. Чем крепче она держала оружие, тем сильнее тряслись ее руки.

— Спокойно, — сказал Пуласки. — Расслабьтесь.

Эвелин нажала на курок. Это было легче, чем она думала. Но вот звук выстрела был оглушительным. Рукоятка ударила ее по руке, а вокруг образовалось облако из пороха. Пахло опаленным металлом.

— Немного выше и правее, — подкорректировал Пуласки. — Вы должны прострелить засов.

Эвелин вытянула руки и нажала еще три раза. В двери появились четыре черные дыры, вокруг которых прогнулся металл. Эвелин пришлось подергать за ручку, и после того как затрещал дверной проем, дверь открылась.

Она обернулась к Пуласки.

— Я же не могу оставить Вас здесь одного.

— Не беспокойтесь за меня.

— Я могла бы попытаться прострелить наручники.

— Чтобы мне отрекошетило в руку? Нет уж, спасибо. — Он устало улыбнулся. — Кроме того, Вы не сможете протащить меня вверх по лестнице. Смотрите, чтобы Вы попали к Грете. Я тем временем вызову полицию и скорую.

Эвелин поставила пистолет на предохранитель и положила его Пуласки на колени.

— Это что такое? Возьмите эту чертову штуку с собой!

Взять с собой? Кем он ее считал?

— Ни за что, — возразила она. — Я же не стреляю в людей!

— Вы и не должны, но возможно другие думают не так, как Вы.

— Я как-нибудь разберусь.

— А как Вы хотите помочь Грете?

— Мне что, еще и предотвратить убийство этой шалавы?

Пуласки в ужасе смотрел на нее.

— Эту женщину нужно отдать под суд. Она должна быть осуждена...

— ... чтобы получить мягкий приговор и через пару лет снова выйти на свободу, — продолжила Эвелин циничным тоном.

— Не будет такого.

— Да вы и понятия не имеете. — Эвелин знала, о чем говорила. Однажды так уже заканчивалось. Она вновь подумала о мужчине... который разрушил ее семью. Он вышел на свободу через десять лет, отсидев в тюрьме всего на два года дольше, чем тот возраст, в котором тогда находилась сестра Эвелин. В постановлении суда хоть и говорилось, что после освобождения ему было запрещено приближаться к их месту жительства ближе чем на три километра, но что это дало? Он уже стал частью их жизни — бельмо на душе. После побега из его охотничьего дома не проходило и дня, чтобы Эвелин не вспоминала о нем или сестре... или о родителях. К счастью, они не дожили до того момента, когда он вышел на свободу. Об этом они позаботились сами.

Все постоянно говорили об ужасном несчастном случае, произошедшем с родителями и жалели Эвелин из-за такой трагической судьбы. Какой мужественной она была, когда осталась в начале учебы одна и вынуждена была обеспечивать себя, подрабатывая на каникулах и получая стипендию. Наверное, не только она подозревала, что это не был несчастный случай. Разве кто-то, урегулировав все финансовые дела, будет спустя неделю пересекать под дождем и взявшись за руки пути, в свете фар приближающегося скоростного поезда? Отец и мать никогда бы не пошли на такой риск. Правду уже никто никогда не узнает. Но в глубине души Эвелин чувствовала, что похищение сломало ее родителей, а предстоящее освобождение человека, совершившего его, окончательно их уничтожило...

— Даже если речь идет об убийце, Вы должны попытаться защитить ее. — Слова Пуласки глухо доносились до Эвелин. — В конце концов, Вы представляете закон. Вы адвокат и работаете над этим делом.

Эвелин посмотрела на него.

— Я не работаю над этим делом, — тихо ответила она.

Пуласки удивленно выпучил глаза.

— Что?

Пришло время сказать ему правду.

— На этой неделе шеф отстранил меня от службы. Я прилетела в Германию, чтобы провести личное расследование.

— Только не говорите, что Вы лично вовлечены в это дело?

На мгновение Эвелин задумалась о Холобеке. — Частично. — Пуласки должно было хватить этого объяснения. Ему не обязательно было знать, что ее поездка, начавшаяся с банального расследования дела о подушке безопасности и колодезном люке, превратилась в

одиссею из чувств, вызванных ее собственным прошлым. Однако по глазам Пуласки она видела, что от него ничего невозможно было скрыть.

— С Вами случилось нечто подобное, как с Лизой, не так ли?

Ей даже не нужно было отвечать. Пуласки достаточно разобрался в людях и мог прочесть ответ по ее лицу.

— Мне жаль, — сказал он немного тише. — Тем не менее, Вы адвокат, и если в Вашей власти предотвратить убийство, Вы должны это сделать.

— Возможно, Вы правы. — Эвелин повернулась к двери.

— Возьмите с собой оружие! — крикнул он ей вслед.

— Стрелять в дверь это нечто другое, нежели в человека. — Оружие ей не понадобится. Поднимаясь в темноте вверх по лестнице, Эвелин прокручивала в голове маршрут до виллы Хокинсона. Ей понадобится меньше десяти минут. Вполне вероятно, что она встретит там Грету... и Сибил.

Вот только было непонятно на чьей стороне она будет, когда доберется туда.

Садовые ворота, ведущие к вилле Хокинсона, были открыты. На этот раз проезд не загоразивал автофургон фирмы "Сикуро". Эвелин повернула на территорию участка и поехала по посыпанной щебнем дороге к дому. Уже стемнело, в свете фар она заметила, что мерседес Болтена был припаркован прямо возле лестницы, ведущей ко входу в дом. Эвелин встала прямо за ним, вышла из машины, закрыла ее и подошла к автомобилю Болтена. Дверь была открыта, в замке зажигания торчал ключ, однако Сибил нигде не было видно.

Эвелин огляделась в саду. Видимо монтеры охранной службы еще не закончили работу, потому что под навесом павильона стоял ящик с инструментами и несколько мотков кабеля. Позади поблескивала черная поверхность пруда с кувшинками.

— Грета? — крикнула Эвелин, ступив на дорожку из бетонных плит, ведущую за дом.

Ответа не последовало.

Лампа рядом с объективом камеры выглядела такой же безжизненной как и дом. Видимо видеокамеры под выступом крыши все еще не работали.

Эвелин подошла к террасе и зимнему саду с обратной стороны виллы, где вчера в обед пила чай с хозяйкой дома. Неужели это все действительно было чуть более двадцати четырех часов назад? Она подумала о щекотании в животе, которое обычно не подводило ее. Но странным образом Эвелин не почувствовала его, когда в темноте оказалась лицом к лицу с Сибил. Или не слишком обращала на него внимание?

— Грета?

Эвелин поднялась по ступенькам террасы. С моря дул соленый бриз. Одиночно поблескивали пенистые гребни волн черного моря. Над горизонтом мерцала узкая, раскаленно-красная полоска. Стало прохладнее.

В стеклах отражался свет близлежащего маяка. Так же как и на террасе Болтена, здесь тоже была разбита стеклянная дверь. Чем ближе Сибил приближалась к своей цели, тем прожженнее она становилась. Убийство Болтена вряд ли кто-то сочтет за несчастный случай. Да и зачем? С последним убийством Греты кампания мести Сибил закончится. Что

она будет делать потом? Посетит Лизу в психбольнице Оксенцолля, чтобы рассказать ей о своих подвигах? Остались ли у нее еще деньги после ограбления? А может она будет отождествлять себя еще с каким-нибудь человеком и возьмет на себя его план мести?

Зажегшийся в доме свет прервал мысли Эвелин. Она открыла дверь и вошла в зимний сад. В полутьме она узнала стол, комод и ротанговые стулья. Эвелин прошла через гостиную в длинный коридор, ведущий в рабочий кабинет Греты. Свет был включен не там, а в кухне, дверь которой была открыта.

Эвелин вошла. В современной, сдержанно обставленной кухне со стальной декоративной отделкой и плитой с огромной вытяжкой посередине, на холодном, кафельном полу, сидела Сибил.

Длинные, светлые волосы упали ей на лицо. Она крутила вентиль огромного газового балона. Рядом лежали проволока, несколько свечей и коробок спичек.

Эвелин подошла ближе.

— Сибил? — прошептала она.

Девушка испуганно обернулась и убрала волосы со лба и одновременно подняла вверх другую руку. Из ее кулака торчало короткое дуло дамского револьвера.

— Опустите оружие, Сибил. Я ничего Вам не сделаю. — Эвелин пыталась говорить как можно спокойнее, однако ее голос дрожал так, что она с трудом произносила слова.

Эвелин видела, что курок был взведен. Это был старомодный револьвер, чье дуло было направлено прямо на ее голову.

— Вы пришли слишком рано. — У Сибил был сильный, уверенный голос. И северо-германский акцент — идеальная имитация голоса Лизы. Да и тонкие, узкие черты лица и выразительные голубые глаза, придавали ей сходство с Лизой.

Сибил указала оружием на холодильник.

— Сядьте туда к стене.

— Я не Грета Хокинсон, — попыталась объяснить Эвелин, отпрянув назад.

— Я знаю! — прервала ее Сибил. — Я знакома с Гретой.

Эвелин застыла в движении. Она не могла знать Грету, если только по рассказам Лизы или ограблению двухмесячной давности.

— Откуда? Вы же никогда не видели Грету! — утверждала Эвелин.

Сибил наморщила брови.

— Да что Вы знаете? Она наверняка лет на десять старше Вас, а ее жесткие черты лица я вовек не забуду. За все эти годы она совсем не изменилась.

За все эти годы? Эвелин наморщила лоб. Неужели ослышалась? Сибил на самом деле верила в то, что говорила? Или изображала из себя душевнобольную? С другой стороны ее глаза говорили правду. Эвелин не знала никого, кто бы мог так идеально притворяться. Тогда она должна была быть чертовски хорошей актрисой.

— Сибил, откуда Вы знаете Грету?

Девушка на мгновение зажмурила веки, как будто я ее мучила сильная мигрень. Затем распахнула глаза и в зрачках вспыхнуло безумие. Ее рука немного опустилась, но в следующую секунду Сибил снова направила оружие на Эвелин.

— Сибил? — нерешительно повторила девушка. — Она понятия не имеет, что со мной сделали.

— Но Вы же Сибил, — возразила Эвелин. — Ваше имя Сибил Воска.

— Тихо! — фыркнула девушка. Ее лицо сморщилось, как будто у нее внутри шла борьба.

— Вы помните Марти, того, что на гражданской службе? — спросила Эвелин. — Он работает в Оксенцолль в отделении номер 46. Он еще хочет бросить курить. Вы нравились Марти. Однако Вы прервали лечение и переехали в общежитие в Киле, где также находились под присмотром. Однако оттуда Вы сбежали, прихватив содержимое кухонной кассы.

— Нет! Нет! Нет! — Сибил прижала кулак с револьвером ко лбу, как будто хотела прогнать из головы слова Эвелин.

— Сибил. — Эвелин понизила голос. — Вы на два года старше Лизы... и выросли в Вене. — Она попыталась улыбнуться. — Я тоже родом из Вены. Помните парк Пратер? Колесо обозрения и павильон ужасов с зеленым монстром? Аллею, каштаны осенью, общину Ау и...?

— Тихо! — Сибил вытерла с лица слезы.

Эвелин сделала несколько шагов в ее сторону и села перед ней на пол.

— Вы выросли на улице, — продолжила она. — Оттакринг, Майдлинг, Фаворитен... Вам о чемнибудь говорят эти районы?

— Нет, я... — Рука Сибил в конце концов опустилась на кафельный пол и револьвер выскользнул из ее пальцев.

В этот момент Сибил больше не была похожа на опасную и психически-больную убийцу. Она сидела съежившись на полу, оперевшись подбородком о колени и смотрела на свои руки. Из под пуловера выглядывал плохо заживший шрам, при виде которого сердце Эвелин готово было разорваться.

— Сибил Воска... — Эвелин осторожно взяла оружие, разрядила его и сунула за пояс. — Ты все та же милая девочка из Вены.

Сибил коротко взглянула на Эвелин. Ее щеки покраснели от слез. "Убийца так не выглядит", — подумала Эвелин. Сибил скорее была похожа на запутавшуюся девочку в поисках самой себя. Очевидно, Лиза была единственным близким человеком в ее жизни.

— У тебя еще есть друзья, кроме Лизы? — спросила Эвелин.

Сибил так сильно заплакала, что слова вырывались из нее урывками.

— Нет, я... — Она подняла взгляд и посмотрела на Эвелин опухшими, красными глазами. — Вы врач из клиники? Как дела у Лизы?

Эвелин оторопела, услышав голос Сибил. У нее внезапно исчез северо-немецкий акцент.

— Я не врач, — ответила Эвелин. — Но я знакома с Лизой и разговаривала с ней. У нее все хорошо. Она играет с кубиком-рубиком.

— У нее уходит на это всего одна минута. — Эта мысль заставила Сибил улыбнуться.

— Когда ты впервые встретила с ней?

— В клинике. Я уже давно была там. Потом появилась она. Она никогда много не разговаривала и не знала, почему там находится. Спустя годы, когда мне было семнадцать, мы делили комнату в отделении. Однажды ночью она начала разговаривать во сне...

Значит, вот откуда Сибил знала историю Лизы. Но разве этого было достаточно, чтобы полностью перенять личность другого человека и его план мести? Эвелин вспомнила слова Пуласки. Что бы не скрывалось за этой историей, когданибудь она все выяснит. Но сейчас она была адвокатом и должна была предотвратить убийство. Эвелин медленно взяла девушку за руку.

— Нужно прекращать убивать, — прошептала она.

— Это они начали, — всхлипывала Сибил.

— Но делая это, ты ничем не лучше их.

— Нельзя, чтобы они продолжали жить.

— Я понимаю, что они должны получить заслуженное наказание, но совершая убийства, ты привела в движение нечто еще более ужасное.

Сибил подняла глаза.

— Что может быть ужаснее, чем месяцами сидеть взаперти на корабле и только с одной целью быть вытасненным из каюты?

Эвелин медлила, но чтобы остановить Сибил, девушка должна была узнать правду.

— Болтен начал по порядку убивать тогдашних жертв.

— Я подожгла эту свинью.

— Я знаю, видела, но нужно прекратить убивать. Лиза жива. Другая девочка по имени Леся тоже, но трое других детей умерли — в том числе брат Лизы.

— И я в этом виновата? — Сибил грызла ногти. Потом вдруг подавилась и снова заплакала. — Что я сделала? — ее тело качалось взад вперед.

Эвелин села рядом и осторожно приобняла ее за плечи. Ей даже не пришлось прижимать ее к себе, голова Сибил сама опустилась ей на грудь. Эвелин чувствовала как к ней прижималось ее дрожащее тело. Сибил была такой холодной, что у Эвелин вдруг возникла потребность погладить и согреть ее. Она гладила ее по плечам и спине, в то время как Сибил обхватила ее за талию. Эвелин не слышала, чтобы кто-то плакал так сильно, как Сибил.

В этот момент у Эвелин возникло ощущение, что она обнимает сестру. Что бы она только не отдала ради этого момента! Если бы ей все-таки удалось спасти сестру... и тем самым своих родителей.

Она гладила волосы Сибил.

— Все будет хорошо, обещаю тебе. Я останусь с тобой.

Сибил пыталась покачать головой.

— Позволь мне помочь тебе... — Эвелин вдруг замолчала.

В доме послышался какой-то шум!

Она вскочила на ноги с колотящимся сердцем и прислушалась. В замке забренчала связка ключей, после чего раздались шаги.

— Альфонс?

Услышав голос из передней, Сибил заметно напряглась. Грета Хокинсон вернулась домой.

— Ни звука! — прошептала Эвелин. Она вскочила, на цыпочках подошла к двери кухни и нажала на выключатель.

В одно мгновение стало темно. За окошком гнулись на ветру ветки, а за ними светила луна.

Эвелин пыталась вспомнить. На въезде на участок и у входа в дом невозможно было увидеть, горит ли на кухне свет. Если повезет, Грета ничего не заметила.

Только теперь в коридоре зажегся свет на потолке. Эвелин рефлекторно закрыла дверь, и через узкую щель увидела, как кто-то вошел в коридор.

— Альфонс? У тебя открыта дверца машины.

Эвелин ждала. Сибил, съезжившись, сидела в углу и тихо дышала. Хоть бы она не открыла рот.

— Альфонс? — на этот раз голос Греты прозвучал уже ближе, в нем слышались скептические нотки.

Эвелин услышала, как открылась дверь в рабочий кабинет Греты, после чего последовал звук щелчка выключателя.

Она выглядывала в щель и смотрела в конец коридора, но видела лишь тень возле полки с книгами, стоявшей в кабинете. Вскоре раздался еще один металлический щелчок... как будто открылась стеклянная витрина.

Эвелин оцепенела, вспомнив, что находилось в витрине. Она услышала, как открылась коробка и скрипнула тетива. Может, Эвелин, конечно, показалось, но она мысленно представила себе, как Грета натянула свой спортивный арбалет и вложила стрелу.

Эвелин оставила дверь кухни слегка приоткрытой и в темноте прокрадась к тому месту, где сидела Сибил. При этом она задела ногой газовый баллон.

— Черт! — процедила девушка сквозь зубы. Она успела ухватить баллон за вентиль, прежде чем тот с грохотом упал на пол.

Пульс Эвелин участился и она прислушалась. Ничего.

Грета прекратила звать Альфонса. Должно быть, она уже поняла, что что-то неладно.

Эвелин осторожно поставила баллон на место и, нащупав ноги Сибил, села рядом с ней.

— Сибил, отсюда надо уходить, — прошептала она ей на ухо. — Вставай, мы прокрадемся к двери на террасу.

Девушка помотала головой. Эвелин взяла ее за руку и почувствовала, как сжались пальцы Сибил. Она попыталась расслабить их, однако Сибил все больше превращалась в "каменную глыбу".

— Нам нужно уходить!

— Я не могу.

Если Сибил не перестанет сопротивляться, Эвелин не сможет ее поднять.

Снаружи раздались шаги мимо кухонной двери. Эвелин застыла на месте. Если Грета откроет дверь и включит свет, то с ними будет покончено. Эвелин прикрыла Сибил рот рукой, чтобы заглушить ее хныканье. Она ладонью ощущала ее дыхание.

Мысли в голове Эвелин стремительно сменяли друг друга. Так как входная дверь была заперта, она надеялась, что Грета не станет обыскивать все помещения.

Она слышала как Грета рылась в ящике комода, после чего задвинула его. Потом шаги

удалились. В прихожей остался гореть свет. Немного погодя, Грета заперла входную дверь. Она вышла на улицу или осталась дома? Эвелин прислушалась, но ничего не было слышно.

Эвелин медленно убрала руку со рта Сибил.

— Мы не можем здесь оставаться, — прошептала она.

Сибил резко помотала головой. Она была так же парализована как Эвелин час назад, когда ее голова находилась в мешке.

Эвелин в отчаянии раздумывала. Девушку нельзя оставлять одну в этом доме. "Думай", — заставляла она себя. За такой короткий промежуток времени она не смогла выяснить, почему Сибил стала Лизой. Причина этого скрывалась глубоко в ее душе.

Да и "почему" сейчас было совсем не важно.

— Что бы сделала Лиза на твоём месте? — прошептала она на ухо Сибил.

— Лиза?

— Да, подумай о Лизе. Она бы встала и пошла за мной. Она бы вместе со мной покинула дом, не правда ли?

Эвелин почувствовала, как под пуловером расслабились мускулы Сибил. Она взяла девушку под мышки и подняла на ноги. Сибил охотно поддалась.

— Иди за мной, — прошептала Эвелин. Она взяла Сибил за руку и потянула за собой. Пальцы девушки были ледяными. Она, как утопающая, схватилась за руку Эвелин.

Подойдя к двери, Эвелин выглянула в пустой коридор. Возможно, Грета где-то спряталась и только и ждала, когда они выйдут из кухни, чтобы всадить им дротик в спину. Возможно, она даже думала, что выкрутится, сказав, что застала двух взломщиков на месте преступления.

Затаив дыхание, Эвелин прислушалась. И услышала звук закрывшейся автомобильной дверцы на месте стоянки у гаража.

— Сейчас! — она распахнула дверь и потянула Сибил за собой. Как можно быстрее они пробежали через гостиную в зимний сад. Луна спряталась за облака, но через стекла террасы в комнату падал свет от маяка. Он то исчезал, то через несколько секунд появлялся снова.

Эвелин на ощупь дошла до двери, стекло которой выбила Сибил. Выйдя наружу, она ощутила прохладный ночной ветер и солёный привкус морского воздуха. Пальцы Сибил выскользнули из ее руки. Девушка все еще стояла в дверном проеме, словно какая-то невидимая сила мешала ей покинуть дом.

— Идем, — настаивала Эвелин.

Сибил не сдвинулась с места.

— Нельзя, чтобы Грета нас нашла, — прошептала Эвелин.

Сибил оцепенела.

— Она убьет нас, — выдавила она и из себя.

Куда подевалась та самоуверенная девушка, какой она была до этого? Личность Лизы сейчас помогла бы им куда больше.

— Думай о Лизе! — внушала ей Эвелин.

— Но я не Лиза! Лучше бы я была невидимой...

— Мы должны всего лишь попасть через террасу в сад и забежать за угол дома. Перед входом припаркована моя машина. Мы запрыгнем в нее и уедем.

— У нас не получится.

— Еще как получится! — Эвелин схватила Сибил за руку и потянула ее на улицу. — Доверься мне. Ты должна вплотную следовать за мной.

Сибил вся тряслась. Эвелин обняла ее и крепко прижала к себе.

— Мы справимся! Вперед!

Она сбежала по каменным ступеням на лужайку и прокралась вдоль стены к передней части участка. Сибил следовала за ней. На углу Эвелин остановилась, чувствуя присутствие Сибил сзади. Она осторожно выглянула из-за стены. На расстоянии нескольких метров, на лестнице, у главного входа, спиной к ним, стояла Грета Хокинсон. На ней было узкое, черное кожаное платье и тяжелые мотоциклетные сапоги. Копна ее волос была завязана в пучок. Перед домом стояли «Мерседес» Болтена и арендованная машина Эвелин. Сзади, на въезде, был припаркован мотоцикл цвета "черный металлик" с висевшим на руле шлемом.

В свете дверного освещения Эвелин увидела, что в руках у Греты действительно был арбалет, чей приклад упирался ей в бедро. Она даже вставила прицел и надела кожаные перчатки без пальцев и защиту на запястье. Когда Грета немного повернулась в сторону, Эвелин заметила острые дротики, торчавшие из нагрудного кармана.

Эвелин ожидала, что Грета в любую минуту может обернуться. Что делать? Пока Грета загоразивала путь к машине, им ничего не оставалось делать, кроме как оставаться на месте и ждать. Так как Болтен сломал ее сотовый, она даже не могла позвать на помощь.

Сзади ее подгоняла Сибил. Эвелин схватила ее за руку, продолжая смотреть вперед. В этот момент Грета достала пульт управления и нажала на кнопку. Внезапно вокруг дома вспыхнуло множество ламп осветительной установки. Стало светло как днем.

Эвелин машинально отпрянула назад. Какое-то мгновение у нее в глазах танцевали круги света. Рядом с ней начала скулить Сибил. Эвелин повернулась и зажала ей рот рукой.

— Тихо! — прошипела она ей на ухо.

Она подталкивала девушку назад к густой изгороди, растущей поперек участка. Отлично! Пока Грета стояла на въезде, они могли спрятаться в кустах.

— Идем! — Эвелин села на корточки и поползла в тени изгороди по лужайке. Трава была мокрой, а земля липла к рукам. Уже скоро она почувствовала просочившуюся сквозь джинсы влагу.

Сибил следовала за ней.

В нескольких метрах от дома они остались лежать за изгородью. Почти касаясь лицом земли, Эвелин выглядывала между стволов и корней, пытаясь увидеть, что происходит на въезде. Грета подошла к «Мерседесу» Болтена, вытащила ключ зажигания, захлопнула дверцу и закрыла ее.

— Я так думаю, «Ауди» принадлежит Вам, госпожа Мейерс? — крикнула она в сад. Медленно обойдя вокруг арендованной машины, женщина взглянула на номерной знак. — Вам нужно было вернуться в Гамбург, как Вы и говорили, тогда бы ничего этого не было.

У Эвелин участилось дыхание. К счастью, она вытащила ключ от машины и засунула его в карман джинс.

Грета наклонилась к водительскому окну и заглянула внутрь. Дернула дверь. Закрыта. Отойдя на несколько шагов назад, она подняла арбалет.

Эвелин ползком подобралась к изгороди, чтобы увидеть больше. Грета же не сошла с ума, чтобы прострелить стекло? Но в следующее мгновение раздался щелчок спускового крючка.

Дротик вылетел, и немного погодя до их укрытия донеслось шипение проколотой шины.

— Вот сучка! — вырвалось у Эвелин.

Рядом начала скулить Сибил. Эвелин взяла ее за руку.

— Не волнуйся, мы выберемся отсюда живыми, — прошептала она.

Тем временем, Грета зашла с обратной стороны автомобиля и вставила следующий дротик. Натянув арбалет, она пробила второе колесо. Воздух с шипением вырвался из шины и машина накренилась.

Эвелин наблюдала за тем, как Грета снова нажала на пульт управления, закрыв обе створки автоматических ворот. После этого она достала сотовый и набрала какой-то номер.

Какое-то время ничего не происходило. Грета с телефоном у уха ходила вокруг машины, поглядывая в сад, как будто подозревала, что Эвелин спряталась где-то поблизости.

— Алло? — наконец, сказала она. — Это Грета Хокинсон. В мой дом вторглись один или несколько взломщиков.

Она назвала свой адрес.

— Боюсь, они все еще на территории участка.

У Эвелин перехватило дыхание. Эта женщина сошла с ума? Почему она позвонила в полицию? Это могло означать только одно — она собиралась убить Эвелин и Сибил до приезда полиции.

— Да, отправьте наряд как можно скорее. — Грета положила трубку и убрала мобильный.

Отойдя от главного входа, она большими шагами направилась в сад.

— Госпожа Мейерс! — крикнула она, опустив арбалет на плечо. — Давайте уже покончим с этим!

В свете прожекторов Грета Хокинсон отбрасывала тень на газон. Она направлялась к деревянному павильону. Что она задумала? Как только Грета пройдет мимо беседки, не пройдет и десяти секунд, как женщина дойдет до изгороди, за которой лежали Эвелин и Сибил.

Эвелин посмотрела в сторону своей машины. Она даже подумала побежать вместе с Сибил к въезду и спрятаться в ней. С двумя спущенными шинами побег был бы возможен, однако «Ауди» не смогла бы пробить закрытые ворота. Для этой машины железные ворота были слишком массивными. Кроме того, мотоцикл Греты преграждал дорогу.

Пока Сибил цеплялась за ее пуловер, Эвелин высматривала, где находится Грета. Хозяйка дома приближалась к беседке и живой изгороди. Эвелин поспешно огляделась. Они могли побежать обратно к дому, если только...

Грета направилась в сторону павильона, видимо предполагая, что они в садовом домике. Неужели она думала, что Эвелин настолько глупая, чтобы спрятаться в маленьком домике, откуда не было возможности сбежать?

Деревянная дверь была приоткрыта. Рядом стояли ящик с инструментами и несколько мотков кабеля. С арбалетом наготове, Грета просунула сапог в щель и распахнула дверь, после чего быстро прицелилась в каждый угол домика.

Сердце Эвелин бешено колотилось. Ключ был в замке. Если повезет, Грета не станет запирать дверь садового домика, и оставит в замке ключ.

Грета сдержалась, чтобы не выругаться, гневно захлопнула дверь, развернулась и пошла

к пруду с кувшинками. Удаляясь от того места, где пряталась Эвелин, она не спускала глаз с павильона.

— Пошли, — прошептала Эвелин. Она встала и, согнувшись, побежала вдоль изгороди. Коротко оглянувшись, она увидела, что Сибил следовала за ней. На ее штаны и свитер налипла трава и мокрая земля.

В конце изгороди они остановились. С этого места до павильона оставалось всего несколько метров по открытой лужайке. Им нужно было дождаться подходящего момента, когда Грета скроется за деревом, а потом быстро бежать.

— Эвелин? — крикнула Грета. — Я знаю, что Вы здесь.

"Ничего ты не знаешь", — подумала Эвелин.

Держа арбалет на изготовке, хозяйка дома шла вдоль берега пруда. Сейчас она скроется за зарослями камыша и пихтами.

Эвелин напряженно выжидала.

— Сейчас! — она побежала и потащила за собой Сибил. Всего несколько шагов и вот они уже прижались к бревнам боковой стены садового домика. Пахло смолой и рубероидом. Водосточный желоб уходил в переполненную бочку с водой, на поверхности которой плавало несколько еловых иголок.

Эвелин быстро взглянула на Сибил. На ее лице читалась мучительная неопределенность. И как эта молодая девушка могла убить стольких мужиков. В таком состоянии — дрожа всем телом, на грани обморока — она даже была не в состоянии добежать до ворот, без того чтобы потерять сознание. Эвелин взяла ее за руку и потянула дальше вдоль дощатой стены. Грета, должно быть, уже обошла вокруг пруда и наверняка направлялась к террасе.

Эвелин осторожно заглянула за угол. Греты не было видно. Она взялась за ручку — хоть бы эта чертова штука не закрипела — и осторожно приоткрыла дверь. Эвелин едва не запнулась о моток кабеля. С колотящимся сердцем, она перешагнула через моток, открыла дверь и проскользнула внутрь.

— Быстро, — прошептала она.

Сибил последовала за ней.

Эвелин прикрыла дверь, не рискнув запереть ее на замок. Через грязное окно в помещение падал свет от прожекторов. Домик был весь заставлен велосипедами, банками с краской, граблями, газонокосилкой, мешками с удобрениями, садовыми стульями, матрацами, скатертями и тарелками, висевшими на стене. Здесь они какое-то время были в безопасности.

Воздух был спертый. Не было места, чтобы сесть. Домик был до такой степени заставлен, что невозможно было даже забиться в угол.

Сибил опустила голову на грудь Эвелин. Она дрожала. Эвелин обняла ее и прижала к себе. "Еще несколько минут", — подумала она. И придет полиция, чтобы найти предполагаемых взломщиков. Эвелин охотно бы сдалась полицейским, чтобы ее арестовали за нарушение общественного порядка или незаконное вторжение в жилище...

Она выглянула в грязное окно. Греты нигде не было видно. Кроме того, она перестала звать Эвелин.

В этот момент Сибил начала громко всхлипывать.

— Тише, — прошипела Эвелин, но Сибил никак не успокаивалась.

Эвелин гладила ее по волосам и прижимала к себе.

— Скоро все закончится.

Она снова выглянула в окно. Грета тем временем стояла возле террасы. "Надеюсь, она заметила разбитое стекло в двери зимнего сада и собирается зайти в дом", — молила Эвелин.

И действительно, Грета поднялась по каменной лестнице на террасу и осмотрела разбитое стекло. Затем исчезла в доме. Эвелин выдохнула. Пока Грета обыщет все помещения виллы в надежде найти взломщиков, пройдет достаточно времени.

— Скоро все закончится, — прошептала Эвелин.

Появилась удобная возможность слинять. Но куда, без машины? Тащить Сибил за собой и перелезть через закрытые ворота? Хоть секунды и тянулись медленно, было бы лучше дожидаться полиции в садовом домике. В противном случае, Грета расскажет полицейским какую-нибудь невероятную историю.

Девушка очевидно почувствовала беспокойство Эвелин и снова начала громко плакать.

— Успокойся, Грета зашла в дом... — Черт! Надо было прикусить язык — при упоминании имени Греты у Сибил опять началась истерика.

Эвелин уставилась в окно. Кое где в доме зажегся свет.

Сибил плакала, не переставая.

— Что с тобой сделали? — прошептала Эвелин, чувствуя как поднимается и опускается грудная клетка Сибил и утопая в ее слезах.

— "Фридберг". — Слезы текли по подбородку Сибил.

— Ты никогда не была на "Фридберге", — ответила Эвелин. Неужели Сибил до сих пор в это верила? — Ты знаешь этот корабль только по рассказам Лизы.

Сибил едва заметно покачала головой.

— Я была на корабле до Лизы. Это было двенадцать лет назад...

У Эвелин пробежал холодок по спине. Когда Сибил начала рассказывать, она, наконец, узнала ужасную правду.

— Они высадили меня на французском побережье, — всхлипывала Сибил.

Мысли в голове у Эвелин сменяли друг друга. Что там пробормотал Пуласки, когда она разговаривала с ним в больничном кафетерии? Во Франции и Греции, вблизи побережья, тоже были высажены дети!

От Смолле она узнала, что девятидневные круизные поездки Хокинсона проходили с мая по август. Но теперь девушка поняла, что они устраивались не только в 1998 году, а каждый год. И всегда по разным маршрутам. Адриатика, Ривьера, Эгейское море, Лазурный берег. Как давно все это началось?

От этой мысли Эвелин стало дурно. Если бы Мануэль тогда не умер, эти поездки, наверняка, продолжались бы и в последующие годы. Сколько детей побывало за эти годы на борту?

— О чем Лиза говорила во сне, в твоей комнате? — спросила она. — Рассказывала о корабле?

Сибил покачала головой.

— Она просто упомянула одно имя... Пауль Смолле. И тогда я вспомнила корабль. Смолле — единственная фамилия, которую я слышала за закрытой дверью каюты. Он приносил мне еду, мыло и одежду. — Сибил съежилась и закашлялась. — В этот момент я поняла, что произошло с Лизой.

— Ты когда-нибудь говорила с ней об этом?

— Поначалу, нет. Но когда мы подружились, я рассказала ей свою историю. Однажды она рассказала о Мануэле. Он умер на борту...

— Я знаю, Смолле говорил мне об этом. Я была у него, как и ты. Сибил, зачем ты все это сделала?

Сибил подняла руку и снова начала грызть ногти.

— Лиза — моя единственная подруга, но они ее уничтожили. Я должна была ее спасти, сделать это ради нее. У нее больше никого нет.

— Это она тебя об этом попросила? — спросила Эвелин, хотя догадывалась, что Лиза и понятия не имела, что произошло в последние два месяца за пределами клиники.

— Лиза бы и сама это сделала, но они бы ни за что не выпустили ее из клиники без надзора. — Сибил прикусила кончики пальцев, словно хотела остановить поток слез. — Мне бы ее ярость и железную волю.

— Поэтому ты в 21 год прервала терапию и переселилась в общежитие?

— Мне нужно было найти Смолле, — выдавила из себя Сибил. — Он был единственным, кто мог нам помочь.

Нам? Это сейчас она делала это для Лизы, но только для того, чтобы отвлечь от истинной причины. Эвелин уже поняла, что на самом деле Сибил вовсе не хотела помочь подруге. Единственное объяснение было таково, что психика Сибил годами пыталась справиться с собственным прошлым, и, в конце концов, ей это удалось. Звучало как бред сумасшедшего, но, возможно, Сибил вжилась в роль Лизы и переняла ее агрессию, чтобы сделать то, что она бы никогда не сделала сама, в одиночку: отомстить мужчинам и превратить собственную боль в ярость. Видимо, таким образом она пыталась излечить саму себя.

Сибил снова начала всхлипывать.

Только теперь Эвелин поняла, что совершенно забыла не спускать глаз с двери на террасу. Что если Грета уже ушла с виллы и снова кралась по саду?

— Тише, — прошептала Эвелин.

Она выглянула в окно. Газон по-прежнему утопал в ярком свете прожекторов, однако Греты не было видно. Ни тени в окнах виллы. Когда наконец придет полиция? Они уже, наверное, десять минут стояли в домике.

Вдруг возле их укрытия послышался шорох. Эвелин в то же мгновение застыла на месте. А в следующее мгновение дверь садового домика слегка приоткрылась.

Внутри домика появилась полоска света. Эвелин затаила дыхание, непроизвольно обняла Сибил и крепко прижала к себе. Девушка не переставала дрожать и не могла успокоиться.

В полумраке помещения Эвелин увидела движение дверной ручки. Дверь открылась, и в проеме стояла Грета с арбалетом наизготовке. Дротик целился прямо в голову Эвелин.

Грета уже собиралась нажать на спуск, как вдруг дернулась назад и с недоумением уставилась на Сибил. Видимо, она рассчитывала найти Эвелин одну.

— С ума сойти, — пробормотала Грета, зачарованно глядя на длинные, светлые волосы Сибил. — Поздравляю. Вы в самом деле нашли эту девушку с фоторобота... да еще и привели сюда. И где же пряталась малышка? — Грета наклонила голову, чтобы разглядеть лицо Сибил, спрятанное под волосами. — Как эта маленькая дрянь смогла задушить моего отца шелковым платком?

Услышав голос Греты, Сибил начала дергаться как в эпилептическом припадке. Эвелин едва удавалось держать ее. К тому же, дротик был по-прежнему направлен на ее голову.

— Ваша история со взломом не сработает, — с трудом выдавила из себя Эвелин. У нее пересохло в горле.

— Какая история со взломом? — с издевкой в голосе сказала Грета. — Дорогуша, Вы что, правда, подумали, что я вызову полицию?

У Эвелин на секунду остановилось сердце. Но она же слышала как Грета разговаривала по телефону!

— Как Вы думаете, кому я позвонила? — Грета прямо-таки наслаждалась моментом своей власти над ними.

Тут до Эвелин дошло. Какой же глупой она была.

— Альфонсу Болтену, — прохрипела она.

— Умница. Его машина стоит у меня на въезде, а его самого и след простыл. — Грета рассматривала Сибил. — Не знала, что малышка умеет водить машину.

Она сделала шаг назад и коротко огляделась.

— Он не ответил на звонок. Что Вы с ним сделали?

Эвелин сглотнула. Рассказать Грете правду было бы плохой идеей. Как сказал Болтен, когда ответил на звонок из полиции Фленсбурга по ее мобильному?

— Ему нездоровится, — ответила она.

— Нездоровится? Что Вы с ним сделали? — взревела Грета. В то же мгновение она опустила арбалет и нацелилась на бедро Эвелин. Ее палец обхватил курок.

— Ему нездоровится! — выдавила из себя Эвелин. Насколько глубоко такой дротик проникает в тело?

Вдалеке послышалась сирена автомобиля специального назначения. Грета склонила голову и прислушалась. Эвелин затаила дыхание. Транспортное средство приближалось. Но это была последовательность звуков не полицейской машины. Что тогда, черт побери, это было?

Звук становился все громче. Эвелин поморгала. Позади Греты она увидела как от верхушек елей отражался голубой свет проблескового маячка. Раздался визг тормозов, а последовавший за этим металлический грохот заставил ее вздрогнуть.

Когда Грета резко обернулась назад, Эвелин сделала шаг вперед в сторону дверного проема, чтобы увидеть больше.

Обе створки садовых ворот были "разорваны" посередине и со скрипом распахнулись. Вверх по щебеночной дороге мчалась машина скорой помощи с мигалками и включенной сиреной.

Прежде чем она сбила стоявший на дороге мотоцикл, послышался визг тормозов. Задняя часть машины устремилась вперед, а колеса зарылись в щебень. Не успел автомобиль остановиться, как со стороны водителя распахнулась дверь, и с сиденья соскользнул мужчина. Вальтер Пуласки! Он запнулся и чуть не упал на землю. Взявшись за боковое зеркало дверцы, Пуласки с трудом поднялся на ноги.

— Сюда! — крикнула Эвелин.

Она увидела, как Пуласки посмотрел в ее сторону и достал из кобуры оружие.

В то же мгновение, Грета положила арбалет на плечо, как винтовку. Идя навстречу Пуласки, она держала его на мушке.

— Осторожно! — крикнула Эвелин, однако Грета уже нажала на курок.

Дротик пронесся по лужайке и попал Пуласки в плечо. Его отбросило на капот машины скорой помощи, при этом, он выронил оружие. Пистолет закатился под машину.

Эвелин словно парализовало. Она затаила дыхание, а следующие секунды прошли как в замедленной съемке. Пока Пуласки с искореженным от боли лицом опускался на землю, Грета достала новый дротик из нагрудного кармана кожаной куртки и вложила его в арбалет.

Широко расставив ноги, она встала перед Пуласки, натянула лук и прицелилась в него.

— Скажите мне, кто Вы такой. У вас две секунды!

Пуласки зажал рану рукой.

— Вы арестованы, — выдавил он.

— Это просто смешно! Кто Вы, черт побери?

Сибил пошевелилась в тисках Эвелин.

— Оружие, — прошептала она.

Какое оружие?

Сибил разжала пальцы, высвободившись из объятий и дрожа показала на пояс Эвелин.

И тут Эвелин осенило. Дамский револьвер! Она достала мелкокалиберное оружие, которое отобрала у Сибил в доме и взвела курок.

— Ствол тянет влево, — прошептала Сибил.

— Спасибо. — Эвелин тем временем вышла из садового домика и побежала по лужайке.

— Спрашиваю в последний раз. Кто... Вы... такой? — орала Грета.

— Криминальная полиция Лейпцига.

— Черт! — прошипела Грета. Она направила дротик на грудь Пуласки. Похоже, у нее сдали нервы и она готова была выстрелить.

— Оружие на землю! — крикнула Эвелин.

Эвелин остановилась в нескольких метрах от Греты, вытянула руки перед собой, как объяснял Пуласки, и обхватила пистолет обеими руками. "Прорезь прицела и мушка должны образовывать верхнюю границу", — внушала она самой себе, но ее руки так дрожали, что невозможно было прицелиться в Грету.

Грета обернулась.

Эвелин выдохнула, на мгновение закрыла глаза и нажала на курок. Раздавшийся хлопок заставил ее содрогнуться.

Она увидела, как Грета, спотыкаясь, отпрянула назад. При этом дротик вылетел из арбалета и пробил боковое и переднее стекла скорой. На Пуласки посыпались осколки.

— Взведите курок! — крикнул Пуласки.

Эвелин недоуменно посмотрела на оружие. Спусковой крючок не сработал. Она взвела курок, приведя в движение барабан. После чего снова прицелилась в Грету. У револьвера таких небольших размеров была довольно сильная отдача.

Грета, тяжело дыша, прислонилась к машине и озадаченно смотрела на оружие. Потрогав место у себя под ребрами, она поморщилась. Ее пальцы были в крови.

Эвелин подошла к ней.

— Положите арбалет!

Краем глаза она увидела, как Пуласки вытащил свое оружие из под машины. Он держал его в левой руке, потому что в его правом плече застрял дротик. Эвелин заметила разорванные цепи от наручников, висевшие на его запястьях.

— Я пойду в дом и вызову скорую, — сказала Эвелин и тут же поняла насколько абсурдно это прозвучало, так как скорая уже стояла перед ее глазами.

— Не нужно. — Пуласки с трудом поднялся на ноги. — У меня все под контролем, спасибо. Полиция и скорая должны появиться здесь в любую секунду. — Он показал на садовый домик. — Позаботьтесь о своей подруге.

Эвелин посмотрела на павильон. Сибил сидела, съежившись, в дверном проеме.

— Надеюсь, Вы не упадете в обморок.

— Не волнуйтесь, — ответил Пуласки, — у меня сейчас столько адреналина в крови, что я мог бы пробежать марафон. — Он подошел к Грете. — На колени. Руки за голову, лицом вниз. Вы арестованы...

Пока Пуласки произносил свою речь, Эвелин побежала к павильону.

Когда она подошла ближе, Сибил нерешительно протянула к ней руки. Она хотела, чтобы ее обняли.

Как ни пыталась Эвелин сдержаться, в этот момент у нее самой впервые потекли слезы.

Через четверть часа на въезде к вилле Хокинсона стояли еще два автомобиля скорой помощи и несколько полицейских машин.

Полицейские огородили участок. Одни проверяли дом сверху донизу, другие патрулировали с собаками сад. Грета была арестована и увезена специальным подразделением криминальной полиции.

Эвелин пробилась к скорой, в которой лежал Пуласки.

Задняя дверца была открыта. Пуласки лежал под капельницами. Санитары разрезали его рубашку и остановили кровь, наложив давящую повязку. Он пах антисептиком и выглядел ужасно. Из его плеча все еще торчал дротик.

Эвелин забралась в машину и села рядом с ним.

— Как он? — спросила она врача.

— Отлично, — ответил Пуласки, прежде чем санитар успел что-либо ответить. — Они вкололи мне какое-то средство, и теперь я под кайфом. — Мужчина попытался улыбнуться, но тут же поморщился от боли.

— Не двигайтесь, — предупредил его врач.

— Может меня отвезут в больницу в Бремерхафен, — пробормотал Пуласки. — Там я знаю одного хирурга... Доктор Вобельски... ему я доверяю. Они недавно перешли на новую компьютерную систему, но, говорю Вам, этот человек умеет оперировать. Раньше он работал в реанимации, а сейчас главный врач отделения терапии внутренних органов.

Эвелин вопросительно посмотрела на врача. Тот постучал пальцем по капельнице, висевшей на "ноге" над Пуласки.

— Понятно. — Эвелин наклонилась ближе к Пуласки. — Не знаю, увидимся ли мы в скором времени. Ваш автомобиль все еще стоит в Гамбурге.

— Не проблема. Эту развалюху так быстро никто не украдет.

Сзади нее мимо прошли полицейские, переговариваясь по рации. Где-то лаяли собаки.

— Они прислали сюда большую команду.

Пуласки улыбнулся.

— Сидя на цепи в подвале у Болтена, я вызвал скорую и оповестил своего шефа в Лейпциге. Он привел в действие все рычаги и организовал весь этот балаган.

— Не плохой, да?

— Лейпциг?

— Нет, Ваш шеф.

— Ах, Хорст Фукс? — Пуласки скривил рот. — Он, конечно, будет читать мне нотации, но, в целом, парень нормальный.

Эвелин дотронулась до наручников, все еще болтавшихся на запястьях Пуласки.

— Как Вы смогли освободиться?

Он улыбнулся.

— Санитары нашли меня в подвале, освободили при помощи щипцов и впрыснули мне антидот. Пока они любовались останками Болтена на лужайке, действие «Ботокса» ослабло. И тогда я одолжил у них машину. Бедняги, наверное, до сих пор стоят там.

— Одолжили? — повторила Эвелин. — И полностью разбили ей капот?

— Я хотел Вас спасти.

Она внимательно посмотрела на него.

— Что Вы говорите.

— Нет, честно. Когда я увидел свет прожекторов и закрытые ворота, то так и понял, что что-то не ладно.

— Вы не умеете лгать! — сделала вывод Эвелин.

Пуласки посмотрел в потолок.

— Да, — вздохнул он. — Я не смог пошевелить ногой и вовремя убрать ее с педали газа... но никому не говорите об этом!

— Не волнуйтесь. — Эвелин улыбнулась. — Мы еще увидимся?

— Если приедете в Лейпциг, — ответил он. — В выходные мы с дочерью поедem в Ёханнапарк, где будем играть с соседской собакой, бросать ей фризби. Рекс с ума по ней сходит.

— На этих выходных вы никуда не поедете, — прервал его врач и сделал укол прямо в рану.

Пуласки стиснул зубы.

— Значит, на следующих, — процедил он.

— Возможно, все зависит от Вас. — Врач вытащил иглу.

Эвелин на мгновение отвернулась.

— Когда встанете на ноги, я приглашу Вас с дочкой в Вену. Вам понравится Пратер^[17].

— Звучит неплохо. — Пуласки закатил глаза.

Врач обратился к Эвелин.

— Нам нужно ехать и как можно быстрее прооперировать его.

— Ясно. — Она уже собралась вылезти из машины.

— Погодите. — Пуласки попытался выпрямиться, однако санитар мягко уложил его на носилки.

Эвелин наклонилась к нему.

— Что?

Пуласки уставился в потолок.

— Я знаю, Вы считаете, что сейчас я немного не в себе из-за этого средства, которое они мне вприснули... но поверьте, у меня совершенно ясная голова.

— Конечно... давайте быстрее! — торопил врач.

— Эта женщина спасла мне жизнь! — набросился Пуласки на врача. — Я же имею право кое-что сказать.

Эвелин попыталась успокоить его.

— Я слушаю.

— Знаете, я не слепой. И в этот день я многое о Вас узнал. Я сожалею о том, что случилось с Вами в прошлом... — Он посмотрел вдаль, словно подбирая правильные слова. — Я почти каждый день сталкиваюсь с тем, как рушится жизнь молодых людей, но Вы сильная. — Пуласки взял ее за руку. — Я просто хочу Вам сказать, чтобы Вы дали этому Патрику шанс. Он — счастливчик.

Эвелин вышла из скорой и словно парализованная стояла на дорожке, не в силах произнести ни слова.

— Ладно, все. Поехали! — Санитар захлопнул заднюю дверь.

Водитель завел мотор. Эвелин смотрела вслед уезжающей машины. Когда огоньки задних фар исчезли из виду, она повернулась и пошла ко второй скорой, припаркованной

рядом с мотоциклом Греты. На заднем сиденье сидела Сибил, с ней был врач. Рядом стоял полицейский и пристально смотрел на нее.

Водитель завел мотор и полицейский забрался внутрь, к врачу. Эвелин подбежала к машине.

— Подождите! Я тоже хочу поехать.

— Вы родственница? — спросил полицейский.

— У Сибил нет родственников.

— Тогда кто Вы?

— Эвелин Мейерс, адвокат.

— Адвокат? — Полицейский и врач скептически переглянулись. — Это что, шутка?

— Не шутка. — "Хотя я могла бы рассказать вам много адвокатских шуток", — про себя подумала Эвелин.

— Мы едем в психиатрическую клинику Гамбурга. Садитесь, если хотите, — решил врач. — Поездка продлится минимум два часа.

— Я знаю. — Эвелин забралась в машину и села рядом с лежавшей на носилках Сибил. Девушка автоматически взяла ее за руку. Одной рукой Эвелин держала ее, а другой гладила волосы девушки. В это время врач ввел Сибил успокоительное.

Когда малышка уснет, ей нужно будет позвонить Патрику, чтобы рассказать ему, что все в порядке. Придется одолжить сотовый у полицейского. Пока Сибил будет спать, а Патрик перестанет волноваться, у нее будет достаточно времени, чтобы обо всем поразмыслить.

Эвелин прислонилась головой к стенке машины и на мгновение закрыла глаза. Дорога в Гамбург будет длинной. Она десятки раз могла прокручивать в голове все случившееся. Но одного Эвелин так и не удастся понять: как этой хрупкой девушке удалось задушить Хокинсона и убить остальных мужчин?

Осознавала ли Сибил вообще, что совершила убийства?

Неделей ранее...

Стрелка спидометра дрожала. Сто десять километров в час.

Кабриолет в последний раз подпрыгнул на неровной дороге и круто повернул налево, по направлению к маяку.

— Я не знаю! — выкрикнул Хокинсон.

Этот мерзавец еще как все знает! Лиза почувствовала, как центробежная сила приподняла ее с сиденья. Она непроизвольно убрала ногу с педали газа.

Хокинон тут же нажал на тормоз. Раздался визг шин.

Это напоминало американские горки. Встречный ветер развевал ее волосы, кричали чайки, на губах соленый привкус морской воды. Если она умрет, так тому и быть. Но, по крайней мере, эта сволочь сдохнет вместе с ней. Она подняла руки вверх и закричала.

Тем временем Хокинсон вцепился в руль. Машина сделала опасный маневр, приблизившись к крутому утесу. Она выглянула из машины. Два колеса еще были на асфальте, а из под двух других в пропасть отлетала галька.

Лицо Хокинсона было белым как скальный известняк. По лбу катился пот. Он как гонщик резко вывернул маленький спортивный руль и хаотично переключил на низшую передачу, так что взревела коробка передач.

В конце крутого поворота ему, наконец, удалось взять контроль над машиной.

Шестьдесят пять километров в час.

Машина продолжила по инерции катиться и на ближайшей возвышенности он направил ее на обочину и остановился в нескольких метрах от скал. Под ними, на расположенном впереди скальном островке, располагался маяк.

Хокинсон затормозил. Мотор все еще тарахтел вхолостую.

По радио играла «Stairway to Heaven».

— Невероятно! — Лиза убрала волосы с лица.

Хокинсон обмяк в сиденьи. У него дрожали руки. Наверняка, он был в шаге от инфаркта.

Зато Лиза была оживленной как никогда. Она ерзала на сиденье.

— Поздравляю, Эдди, ты еще жив. Какое имя стояло последним в списке?

Хокинсон даже не взглянул на нее.

— Выходите, — тяжело дыша сказал он. — Немедленно!

Одно быстрое движение, и она уже сидела верхом на нем. Он хотел запротестовать, но не успел даже поднять руки, потому что Лиза схватила шарф и потянула за оба конца.

Несколько жемчужин оторвались и, подпрыгивая, покатались по полу машины.

— Я не знаю, — хрипел Хокинсон.

— Имя! — орала Лиза.

Она потянула еще сильнее. Шелковый шарф глубоко врезался в его шею, так что поверх него выступили складки кожи. За несколько секунд его лицо стало темно-красным. Он пытался схватить ее за волосы, но Лиза так затянула шарф, что у мужчины выпучились глаза, а из глаз полились слезы.

— Имя! — крикнула Лиза.

Он не произнес ни слова. Из открытого рта, словно разбухшее инородное тело, свисал язык.

Она и сама не знала, откуда у нее было столько силы. Ей даже не пришлось особо прилагать усилия, чтобы до такой степени затянуть шарф, что, казалось, у Хокинсона вот-вот голова упадет с плеч.

Психически больные часто обладают огромной, необъяснимой силой... Кто это сказал? Марти? Доктор Гесслер?

— Имя, — прошептала она.

Однако Хокинсон уже давно не мог ответить. Его глаза уставились в голубое небо, где вокруг машины кружили чайки. Возможно, он уже тоже был там. Нет, не там наверху, поправила она себя и посмотрела на поблескивавший от жары асфальт. Этот парень жарился в аду. Лиза отпустила его.

Хокинсон не пошевелил глазами. Его голова упала набок.

Лиза быстро посмотрела на маяк, затем в обе стороны дороги. Не было видно ни людей, ни машин. Сколько у нее оставалось времени?

Она выскочила из машины, пристегнула Хокинсона ремнем безопасности. После этого поймала шелковый шарф, болтавшийся на ветру и забралась с ним под машину.

Пахло бензином и обгоревшей резиной. Лиза обмотала конец шарфа вокруг подвески задней оси. Нельзя, чтобы получился узел. Все должно выглядеть натурально.

Туго натянув шарф, девушка выбралась из под машины.

— Черт! — выругалась она. Теперь еще и каблук сломался. Лиза быстро сняла туфли и выбросила их на обочину. Наклонившись внутрь машины, она сняла ее с ручного тормоза.

Толкнуть машину было не трудно. Под ее колесами захрустел гравий и через несколько метров шарф натянулся до такой степени, что голова Хокинсона откинулась назад и уперлась в подголовник.

— Спи спокойно, мой принц, — прошептала она.

Всего несколько метров до пропасти.

Из выхлопной трубы дымилось вонючее облако.

Передние колеса уже свешивались со скалы. Лиза в последний раз уперлась в заднюю часть кузова. Шарф был натянут до предела.

Внезапно сопротивление исчезло и кабриолет соскользнул вниз. С треском и грохотом машина сорвалась в обрыв, перевернулась и осталась лежать в нескольких метрах от маяка.

Лиза отвернулась, посмотрела на свои грязные руки и вымазанное машинным маслом платье. Только сейчас она заметила, что была босой.

Где туфли?

Она огляделась.

Закружилась голова.

На обочине лежала пара элегантных туфель. Шпильки Лизы! Как они попали туда?

Где вообще была Лиза? Сибил огляделась вокруг.

На дне пропасти лежала помятая машина с телом мужчины внутри. Эта картинка стояла у нее перед глазами. Она дотронулась до висков. Внезапно вернулась ужасная головная боль. Это зрелище! Неужели она снова это сделала? Как это могло произойти? От угрызений совести у нее все сжалось внутри, а голова готова была в любую секунду лопнуть.

«Я сделала это для Лизы», — убеждала она себя. Чтобы, наконец, покончить с этой историей. Девушка повторяла эту фразу как мантру. Снова и снова.

Я сделала это ради Лизы!

Давление в голове, наконец, ослабло.

С туфлями в руке, она пошла по асфальту до ближайшего поселения.

— Я же просто хотела тебе помочь, — бормотала она. — Просто помочь тебе.

Через три дня после случившегося в Куксхафене, Пуласки выписался из больницы.

Пока он лежал на больничной койке, врачи непрерывно занимались его плечом. По крайней мере, ему выделили отдельную палату с видом на парк на Делитцшер штрассе. Пуласки даже не успел дочитать книгу Буковского "Hot Water Music", потому что его посещали и дочь, и коллеги из полицейского участка, сотрудники криминальной полиции Саксонии, следователи из Фленсбурга и даже важные "птицы" из Гамбурга и полиции Нижней Саксонии. Кроме того, до него снизошел даже щеголь и пижон прокурор Колер, явившийся в палату, чтобы поговорить с глазу на глаз. С глазу на глаз!

Несмотря на всю суматоху, для Пуласки все закончилось благополучно. Хорст Фукс позволил ему работать всю прошлую неделю и он как никак сумел раскрыть несколько убийств, констатировал смерть Болтена, а также арестовал Сибил и Грету Хокинсон. Конечно, без молодого венского адвоката это не произошло бы так быстро. Но благодаря случайному стечению обстоятельств, он встретился с ней в правильном месте в правильное время.

Конечно, в этом деле было достаточно бюрократических проволочек, но за это отвечали просиживатели штанов в министерствах. Пуласки даже немного нравилось быть в роли "героя", как назвал его один репортер Лейпцигской Народной газеты в своей статье. По крайней мере Пуласки был героем для своей дочери, потому что обещал ей найти убийцу Наташи Зоммер. Местный канал даже сделал про него репортаж, где его тридцать секунд показывали лежащим в кровати, где он давал интервью и махал в камеру.

Несмотря на многочисленных посетителей, один человек все же не пришел. Пуласки едва сдержался, чтобы не спросить о ней у прокурора Колера. Кроме того, он собирался сам ей позвонить, как только выйдет из больницы и сменит дурацкую больничную одежду на свою собственную. Хоть бы Соня Вилльхальм не видела его в сюжете по телевизору, за который ему было неловко.

Пуласки вышел на улицу с подвязанной рукой и в пальто, наброшенном на травмированное плечо. Был теплый осенний день, светило солнце. У главного входа клиники Пуласки ждала его дочь. На ней были джинсы с разрезами на коленях, которые якобы были в моде, кеды и голубая штормовка. Под мышкой она держала скейтборд с обшарпанными колесиками. "У нее такие же веснушки и острые коленки, как у матери", — подумал он.

— Нет уроков? — он посмотрел на наручные часы. Десять утра.

Ясмин широко улыбнулась.

— Меня освободили, по уходу за больным! Мои одноклассники видели тебя по телевизору.

— Ты тоже?

Она ухмыльнулась.

— Я записала на видео. Тебя коротко показали и выглядел ты ужасно, и, кстати, выглядишь так до сих пор! Когда побреешься?

Пуласки погладил трехдневную щетину.

— Сегодня вечером. — Опустив руку в карман пальто, мужчина достал пачку сигарет. С тех пор как он побывал в Оксенцолле, то даже не притрагивался к сигаретам. — С этим

завязываю окончательно. — Пуласки смял пачку и выбросил ее в мусорку рядом с электрической раздвижной дверью. Туда же отправилась зажигалка.

— Мама бы тобой гордилась.

— А ты?

— Я конечно тоже. — Дочь обняла его.

— Осторожно. — Пуласки засмеялся, потому что она прижалась к нему как маленький ребенок. На всякий случай он отвел поврежденную руку в сторону.

Пока они шли к автобусной остановке, Пуласки достал сотовый.

— Ты пока не слушай, у меня сейчас будет взрослый разговор.

— Конечно. — Дочь накинула его пальто и со скучающим видом стала наблюдать за проезжающими автомобилями. Или, по крайней мере, сделала вид. На самом деле она, наверняка, наострила уши, чтобы не пропустить ни слова.

Пуласки набрал номер Сони Вилльхальмс. Она взяла трубку после пятого гудка.

— Вы заняты с пациентом?

— У меня сейчас пауза, — ответила она. После неловкой секундной паузы, Соня продолжила. — Вы еще в больнице?

— Меня только что выписали.

— Я бы охотно Вас навестила, но у нас круглые сутки были люди из разных ведомств, которые поставили все с ног на голову. Мои пациенты реагировали соответствующим образом.

— Смерти Наташи и Мартина наделали много шума.

— Благодаря Вам. — Пуласки услышал, как женщина засмеялась. — Вы — герой, вчера вечером видела Вас в новостях.

— Моя дочь говорит, я выглядел ужасно.

— Ну, как Вам сказать... — Она вновь засмеялась. — В реальности Вы выглядите лучше.

Это была ключевая фраза. Его сердце вдруг стало биться учащеннее.

— Я еще должен Вам совместный ужин.

— Вы не забыли свое обещание?

— Как я могу забыть?

Пуласки почувствовал как Ясмин отстранилась и посмотрела на него большими глазами, в которых читался знак вопроса. "И? Кто она?" — прочитал он по ее губам.

— В эту пятницу, вечером? Я заеду за Вами в восемь часов.

"Только не откажи мне", подумал Пуласки. — "Только не откажи..."

- Я буду очень рада.

На мгновение Пуласки потерял дар речи. Как никак, это было его первое серьезное свидание за несколько лет.

Ясмин ткнула его в бок.

— Кто это?

— Езжай на скейтборде до остановки! — прошептал Пуласки, но тут же понял, что Ясмин ни на секунду не отойдет от него, пока он разговаривает по телефону.

— С кем Вы говорите?

— С дочкой. Моя мучительница.

— Я бы с удовольствием с ней познакомилась.

— Что? — сердце Пуласки готово было выпрыгнуть. В последние годы он ни разу не

испытывал такого волнения, даже на службе.

— Я... мы могли бы, — пробормотал он. — Может нам...

Тут Ясмин забрала у него телефон, вскочила на скейтборд и покатила по тротуару.

— Алло? Это Ясмин, — сказала она.

— Ты с ума сошла? Верни телефон! — процедил сквозь зубы Пуласки.

Но Ясмин была уже далеко, чтобы он мог поймать ее.

— Если хотите, можете пойти с нами на выходных, — предложила Ясмин. — Если погода не подведет, мы с папой и соседской собакой пойдем в Йоханнапарк. Вы играете во фрисбе? Собака просто с ума по ней сходит. Вам надо это видеть. Кстати, Вы видели папу в новостях? Точно. Он выглядел ужасно, правда? — Ясмин захихикала.

Через какое-то время Ясмин прикатилась обратно и дерзко сунула ему сотовый под нос.

— Вот так это делается.

Пуласки молча взял телефон и посмотрел на дисплей. Связь прервалась.

— Если ты еще раз сделаешь нечто подобное...

— Она милая, — прервала его Ясмин. — Буду рада познакомиться с ней на выходных.

— Лучше бы я оставил тебя дома.

— Ну, уж нет. Даже если пристегнешь меня наручниками к батарее, — сказала она, намекая на телевизионный репортаж.

Дрянная девчонка! Пуласки подумал о Соне Вилльхальм. Что она теперь о нем подумает? Что у него дочь — маленькая бестия, которую он не смог воспитать? Но, кажется, они неплохо поговорили друг с другом. По крайней мере, пошутили про него. Женщины! При этом Пуласки забыл рассказать Соне, что Леся Прокопович, которую пытались убить в Гёттингене, выжила, несмотря на большую потерю крови. Она снова находилась в психиатрической больнице Херберхаузен под присмотром доктора Пинсгера. Этот врач со взглядом испуганной курицы вчера позвонил ему, чтобы рассказать о ее выздоровлении. Не важно, еще будет возможность рассказать об этом Соне — наедине!

— Следующий разговор будет по работе, так что катись отсюда!

— Да, пап.

Он смотрел ей вслед, как она, улыбаясь, нарезала круги на скейте.

Тем временем, Пуласки дошел до автобусной остановки. Пришло время позвонить в Вену. Он сел на деревянную скамейку и набрал номер, который получил два дня назад по смс.

В начале одиннадцатого утра Эвелин закончила все дела. В понедельник она взяла выходной, поэтому в адвокатской конторе появилась только сегодня утром. Несколько часов Эвелин проработала в своем бюро и только что заполнила последнюю коробку. Она оторвала кусочек клейкой ленты и бросила моток в пустой ящик стола.

Зазвонил ее новый сотовый. На дисплее высветился код Германии.

— Эвелин Мейерс, — ответила она.

— Можете порекомендовать мне хорошего адвоката?

Она засмеялась.

— Господин Пуласки! Как Вы? — Эвелин упала на стул и сложила ноги на стол.

— Как там говорят у Вас в Вене? Не жалею! — он рассказал ей о суматохе последних дней, прежде чем перешел к главному. — Со вчерашнего дня полиция вместе с почти сотней добровольцев ведут раскопки в дюнах, на побережье Времена.

— Они когда-нибудь найдут тело Мануэля?

— Наверняка, — ответил Пуласки. — Коллеги не очень то сюсюкаются с Гретой. Она сотрудничает со следствием и точно указала место, где они с Болтенем закопали тело мальчика. Десять лет — это конечно много, но бывало что находили людей, пролежавших под землей гораздо дольше. — Он сделал паузу. — Как у Вас все прошло?

— Последние дни были трудными, но не мне Вам это рассказывать. Я поговорила с Вашими коллегами из Фленсбурга насчет убийства Смолле на острове Зюльт и с доктором Мелани Гесслер из клиники в Оксенцоль.

— О, наша общая знакомая.

— На этот раз она даже была приветливой со мной.

— Что Вы говорите.

— Я тоже заплатила за свой кофе в кофейне. — Он засмеялся, затем спросил уже серьезным тоном. — Как дела у Сибил?

— Она сейчас на лечении у Гесслер.

— А как у Вас дела?

Эвелин вздохнула.

— Если учесть, что все началось с расследования двух на первый взгляд простых судебных дел... Но правда уже всплыла наружу. Федеральное управление уголовной полиции обязано теперь возобновить другие дела о "несчастных случаях", инициированных Сибил.

— А еще убийства трех подростков. У полиции полно работы. Кстати, во время обыска в доме Болтена выяснились ужасные вещи.

Эвелин вспомнила комнату с красной лампой, мягкими игрушками и видеокассетами.

— Я не буду вдаваться в подробности, но ясно одно: не беда, что этой мрази уже нет с нами.

Они молчали некоторое время. Эвелин на мгновение подумала о мужчине с фургоном, который двадцать лет назад похитил и держал ее охотничьем домике. Где бы он сейчас ни был, она твердо решила больше не вспоминать о нем. На его месте сторел Альфонс Болтен, а вместе с ним и ее ненависть и чувство вины.

— Вы еще помните, что я сказал Вам в скорой? — спросил Пуласки.

— Когда Вы бредили?

— Я прекрасно соображал! — опроверг он.

Эвелин рассмеялась.

— Да, я помню.

— И?

— Я последую Вашему совету, но это не все. Кое что в моей жизни сейчас меняется к лучшему. — Эвелин взглянула на заклеенные картонные коробки, стоящие на полу в ее пустом бюро.

— Рад слышать.

— Я расскажу Вам больше, как только Вы приедете в Вену.

— Договорились, мне уже любопытно.

— Желаю Вам всего хорошего. — Они попрощались и Эвелин положила трубку. При мысли об адвокатской конторе, на нее вдруг нахлынула тоска. Как долго она здесь работала? После смерти родителей она каждый год во время учебы подрабатывала здесь. Одиннадцать лет в этих стенах — это чертовски долго. Поначалу Патрик тоже работал у своего отца, позже Холобек взял ее под свое покровительство. За это время она пережила все взлеты и падения адвокатской конторы. Ну, что ж, одиннадцать лет — это более чем достаточно. Эвелин положила ключ от кабинета на пустой стол и встала.

За матовым стеклом двери показалась чья-то тень. Дверная ручка опустилась вниз, и вошел Крагер. Не зря его прозвали "Питбулем". Молча сощурившись, он огляделся в ее бюро. В руке мужчина держал сложенное заявление об увольнении, которым он нервно постукивал по бедру.

— Как быстро все закончилось, — пробурчал он. — Вы были правы насчет Петера Холобека, а я Вам не поверил. Простите.

Эвелин удивленно приподняла брови, не ожидая услышать из его уст такие слова.

— Вы по этой причине меня покидаете?

Эвелин покачала головой.

— Я прислушалась к Вашему совету.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Поработала над своим прошлым. Теперь я знаю, чего хочу.

— И чего Вы хотите?

— Вы всегда отговаривали меня это делать, но это мое призвание. Я хочу открыть частную контору и стать адвокатом по уголовным делам. — Эвелин заметила легкие нотки гордости в своем голосе.

— С чего начнете? — скрипя зубами спросил Крагер.

Эвелин ожидала этого вопроса.

— Скоро я возьмусь за свое первое дело, — ответила она. — Сибил Воска, двадцать один год, гражданка Австрии. Обвиняется в убийствах десяти человек мужского пола. В течение следующих недель будет выдана нам Германией.

— Девушка богата?

Это было похоже на него, задавать такие вопросы.

— Вряд ли. Но мы позаботимся о достаточной освещенности в СМИ и найдем спонсоров, чтобы профинансировать адвокатскую защиту, назначенную судом.

Крагер медленно кивнул.

— Мощная программа для начала. Если Вам понадобится моя помощь... — Мужчина сделал движение рукой, должно быть, означавшее, что он всегда будет в ее распоряжении.

— Спасибо.

— И... — Крагер помедлил. — Передайте моему сыну привет от меня. — Он протянул ей руку.

Эвелин удивленно посмотрела на него. На такое она не рассчитывала.

— Передам.

На улице ее ждал Патрик. Его левая штанина была разрезана сбоку. Гипс доставал до самого бедра. Он стоял косо, опираясь на костыли, на другой стороне улицы. И выглядел при этом как жалкое подобие Джеймса Дина.

Эвелин подошла к нему.

— Привет, ёжик.

— Привет, дорогой.

— Как все прошло?

— Твой старик передавал тебе привет.

— Ты шутишь, что ли?

— Нет, у меня даже создается впечатление, что вся эта история изменила его в лучшую сторону. Может, однажды он пригласит тебя на обед.

— Обедать со звездным адвокатом Крагером? Нет уж, спасибо. Кстати, я только что вспомнил шутку.

— Выкладывай! — нетерпеливо сказала Эвелин.

— Выкладывай? — озадаченно повторил он. — Ты же обычно не хотела слушать мои шутки.

— В этот раз хочу. Давай, рассказывай!

Они пошли по улице к парку, где Эвелин оставила машину.

— Итак, в открытом море, где водятся акулы, затонула яхта. Акулы съели всех пассажиров, кроме одного, который был адвокатом. Почему?

— Потому что он мог быстрее плавать?

— Потому что акулы своих не трогают!

Патрик громко рассмеялся.

Эвелин улыбнулась.

— А что ты делаешь сегодня вечером?

— Мне сопровождать тебя на пробежке по городскому парку?

— Нет, я серьезно.

— Положу ногу повыше и буду смотреть телевизор. А что?

— Если я заеду за тобой на машине, ты согласишься на ужин при свечах в "Марриоте"?

— Скажи, ты..? — у Патрика челюсть отпала. — Но мы не сможем так быстро заказать столик.

Улыбаясь, Эвелин подумала о пожилом, седом полицейском из Лейпцига, который, лежа в скорой среди капельниц, хорохорился и пытался встать на ноги. Пуласски оказался прав, в тот вечер он действительно был в здравом уме.

— Три дня назад я по телефону зарезервировала для нас столик и надеялась, что ты согласишься.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

благотворительная организация римско-католической церкви

немецкий актёр театра и кино, певец и литератор

государственное уголовное полицейское управление

игла для инфузорной терапии

SOS-Kinderdorf — международная благотворительная организация по поддержке детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, которым грозит потеря семьи)

от немецкого Sommer — лето

«Фр́акция Кр́асной А́рмии» — немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1968–1998 годах

фрисби — диск спортивный снаряд для метания

Моин — Здравствуйте! приветствие в северной Германии

Ватт(ы) — береговая полоса Северного моря, затопляемая во время прилива

Ротанг — высушенные стебли ротанговой пальмы (используемые для изготовления мебели)

оградительные сооружения для защиты акватории от волн и течений, одним концом примыкающие к берегу

Нана Мускури — греческая певица и политик

Пратер — парк в Вене (Австрия) между Дунаем и Дунайским каналом, популярное место отдыха; здесь находятся Венская международная ярмарка, ипподром, стадион, аттракционы

Карл Густав Юнг, швейцарский психолог, специалист в области социального психоанализа, изучавший религию, мифы, фольклор

SIXT — европейская компания, оказывающая услуги проката автомобиля с широкой международной сетью представительств

Пратер — парк в Вене (Австрия) между Дунаем и Дунайским каналом, популярное место отдыха